Владимир Дайнес

ЖУКОВ

Рожденный побеждать

Владимир Оттович Дайнес

Жуков. Рожденный побеждать

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4940011
Дайнес В. О. Жуков. Рожденный побеждать: Яуза, Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26650-0

Аннотация

В последние годы с нелегкой руки лже-«Суворова» в «либеральных кругах» вошло в моду поливать маршала Жукова грязью – дескать, и грубиян он был, и расстреливал направо-налево, и вообще солдатской крови не жалел, гоняя бойцов в атаки через минные поля, и тому подобная клевета. Дошло до того, что приходится писать книги в защиту Маршала Победы и национального героя России!

Впрочем, Георгий Константинович и после смерти может за себя постоять. Честный и беспристрастный рассказ о его судьбе, о его военных кампаниях и победах снимает с Жукова все надуманные обвинения, очищает его образ от лжи и наветов.

Новая книга В. Дайнеса – именно такая: непредвзятая, тщательная, выверенная, прослеживающая весь путь великого полководца от стремительного взлета на военный олимп до хрущевской опалы. Но главное внимание автор уделяет роли Жукова в Великой Отечественной войне, убедительно доказывая, что Георгия Константиновича по праву называют Маршалом Победы.

Эта книга – лучшая на сегодняшний день биография Жукова как военачальника, глубокое исследование его полководческого «почерка», подробный анализ всех жуковских операций, сражений и побед.

Содержание

Становление 4
Нашествие 55
«Чудо под Москвой» 91
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Владимир Дайнес
Жуков. Рожденный побеждать

Становление

Два события в отечественной военной истории связаны с именами великих российских полководцев.

Первое – 14 октября 1812 г. русские войска после ожесточенного сражения с французами вступили в г. Малоярославец.

Второе – 2 января 1942 г. части 43-й армии Западного фронта после ожесточенного боя с немецкими войсками освободили Малоярославец.

Эти события разделяют 130 лет, но между ними есть нечто общее. В обоих случаях Малоярославец был оставлен под натиском превосходящих сил противника и освобожден в результате контрнаступления. В первом случае под командованием генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова, во втором – генерала армии Г. К. Жукова.

Знаменательно и то, что Георгий Константинович был уроженцем этих мест. Ведь деревня Стрелковщина (современное название Стрелковка), где он родился, находится неподалеку от села Угодский Завод (ныне г. Жуков). В метрической книге Никольской церкви села Угодский Завод в качестве родителей рожденного 19 ноября и крещенного 20 ноября 1896 г. младенца Георгия были указаны «деревни Стрелковки крестьянин Константин Артемьев Жуков и его законная жена Иустина Артемьева, оба православного вероисповедания».

Семья Жуковых не отличалась достатком. Отец, Константин Артемьевич, работал в Москве в сапожной мастерской немца Вейса, получая ничтожный заработок. Мать, Устинья Артемьевна, вынуждена была весной, летом и ранней осенью трудиться на полевых работах, а поздней осенью отправлялась в Малоярославец за бакалейными товарами и возила их торговцам в Угодский Завод. Она отличалась необыкновенной физической силой и выносливостью, наделив и Георгия крепким здоровьем. Он также отличался сообразительностью, смелостью, прямотой суждений, а также изрядной долей упрямства. Отец часто наказывал сына шпандырем (сапожный ремень) за какую-нибудь провинность, требуя просить прощения. Но тут коса находила на камень – Георгий терпел побои, а прощения не просил, убегая иногда из дома.

Сообразительность, прямота, упрямство, смелость, недюжинная физическая сила были очень кстати в тяжелой деревенской жизни тех лет. Несмотря на то, что возможности родителей были скромны, они все-таки сумели дать сыну образование в объеме церковно-приходской школы, которая находилась в полутора километрах, в деревне Величково. В 12-летнем возрасте Георгий вступил в самостоятельную жизнь – родители определили его в ученики в скорняжную мастерскую, которой заведовал брат матери – Михаил Артемьевич Пилихин. К учебе мальчик относился старательно, что не осталось без внимания со стороны дяди, который взял его в магазин после двух лет работы в мастерской. Здесь Георгий подружился с двоюродным братом Александром, который приобщил его к чтению. Сначала это были роман «Медицинская сестра», увлекательные истории о Нате Пинкертоне, «Записки о Шерлоке Холмсе» и другая приключенческая литература, издаваемая в серии дешевой библиотечки. Жуков вспоминал, что это было интересно, но не очень-то поучительно. Поэтому вместе с Александром они взялись за дальнейшее изучение русского языка, математики, географии и чтение научно-популярных книг. После года самостоятельной учебы Георгий поступил на 5-месячные вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища. Позднее, в 1938 г., в своей автобиографии он отмечал: «За

4-й класс городского училища сдал (экзамены. – *Авт.*) экстерном при 1-х Рязанских кавкурсах ст. Старожилово Р.У.Ж.Д. в 1920 г.». Однако в 1948 г., заполняя личный листок по учету кадров в связи с назначением командующим Уральским военным округом, в графе «образование» Георгий Константинович указал, что в 4-й класс городской школы поступил в 1907 г., окончив его в 1908-м (а не в 1911-м, как написал в мемуарах){1}.

В 1912 г. в карьере Георгия Жукова на скорняжном поприще произошло изменение – он стал подмастерьем. Остался всего один шаг до мастера, но помешала Первая мировая война. Осенью 1914 г. добровольцем ушел на фронт Александр Пилихин. Звал с собой и Георгия, но тот отказался. В своих мемуарах он мотивирует свой отказ тем, что такое решение было принято под влиянием мастера Ф. И. Колесова, считавшего, что неимущим воевать не за что. Однако мемуары были написаны в 60-е годы прошлого века, когда все, что было связано с Первой мировой войной, оценивалось с сугубо классовых позиций. Видно, Георгий Константинович чего-то недоговаривает. Можно предположить, что тогда его больше всего прельщала работа в скорняжной мастерской, где он занял неплохое положение. Мысли о маршальском жезле в то время не посещали Жукова. Ведь, вспоминая июль 1915 г., когда был объявлен досрочный призыв молодежи рождения 1896 г., он писал: «Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей. Они разъезжали по Москве на «лихачах», в шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане «Яр». Однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию»{2}.

Военную карьеру Жуков начал в кавалерии, с которой оказалась связанной почти четверть века его службы в армии. Но первоначальные премудрости воинской службы постигал в 189-м запасном пехотном батальоне. В сентябре 1915 г. молодых бойцов отправили в 5-й запасный кавалерийский полк, где Георгий был определен в драгунский эскадрон.

Драгуны (лат. *draco* – дракон, изображение которого было первоначально на знаменах драгун; по другим данным, от франц. *dragon* – короткий мушкет) появились в русской армии в 1631 г. В справочной книжке Императорской главной квартиры отмечалось: «Со словом «драгун» соединяются два понятия: первоначальное – пехота, посаженная на коней, и современное – кавалерия, способная действовать и в пешем строю»{3}. Драгуны выполняли разнообразные задачи: вели глубокую разведку в тылу противника; преследовали его в наступлении, не позволяя оторваться и закрепиться на новых позициях; при отходе пехотных частей упорно оборонялись, выигрывая время для того, чтобы в последний момент ускользнуть от врага в конном строю. Можно сказать, что драгуны были универсальными бойцами. Служба в драгунских частях была под силу только тем, кто обладал выносливостью, храбростью, сметливостью и инициативностью. Эти качества были вполне свойственны Г. К. Жукову, как, впрочем, и другому драгуну – Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому. И не случайно они оба стали выдающимися полководцами Великой Отечественной войны, которым была предоставлена честь – Рокоссовскому командовать в июне 1945 г. Парадом Победы, а Жукову – принимать этот парад.

Весной 1916 г. Жуков, показавший себя способным кавалеристом, был направлен в учебную команду, которую окончил в августе в звании вице-унтер-офицера и получил назначение в 10-й драгунский Новгородский полк. В составе 10-й кавалерийской дивизии Юго-Западного фронта полк принимал участие в наступательных боях, главным образом в пешем строю, так как условия местности не позволяли производить конные атаки. Нередко драгуны осуществляли разведывательные поиски. В ходе одного из них Георгий Константинович, находившийся в головном дозоре, напоролся на мину и подорвался. Вследствие тяжелой контузии его эвакуировали в Харьков. Выйдя из госпиталя, долго еще чувствовал недомогание и, самое главное, плохо слышал. Медицинская комиссия направила Жукова в маршевый

эскадрон. К тому времени он уже был унтер-офицером, награжденным двумя Георгиевскими крестами за захват в плен немецкого офицера и контузию.

После Февральской революции 1917 г. Жуков избирается председателем солдатского эскадронного комитета. Летом эскадрон был переброшен на станцию Савинцы под Харьковом, где Жукова и застала Октябрьская революция. В автобиографии 1938 г. он отмечал: «Участие в октябрьском перевороте выражал в том, что эскадрон под руководством комитета встал на платформу большевиков и отказался «украинизироваться» (то есть превращаться в украинскую национальную воинскую часть, подчиненную Центральной Раде в Киеве. – *Авт.*)»{4}.

Вскоре по решению солдатского комитета эскадрон был распущен по домам. 30 ноября 1917 г. Жуков прибыл в Москву, а затем поехал в Стрелковщину, где его свалил сначала сыпной тиф, потом – возвратный. Тяжелая болезнь вывела из строя почти на полгода. В конце сентября следующего года Георгий Константинович направился в Малоярославец, чтобы вступить в Красную Армию, но по причине перенесенного тифа на службу его не приняли. Поэтому поехал в Москву, где 1 октября 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. Службу начал в 4-м Московском кавалерийском полку, входившем в состав Московской кавалерийской дивизии. Там же 1 марта 1919 г. Жукова, как он пишет в своих мемуарах, приняли в члены РКП(б). В действительности это событие произошло только в мае следующего года, когда кандидат в члены РКП(б) Жуков стал полноправным членом партии большевиков{5}.

Части Московской кавалерийской дивизии в мае 1919 г. были переброшены из Москвы в район Самары, где в составе Южной группы армий Восточного фронта, которой командовал М. В. Фрунзе-Михайлов, участвовали в боях против уральских казаков. В последующем дивизия в составе Царицынской ударной группы пыталась овладеть Царицыном (Волгоград). В конце октября в бою на р. Ахтуба Жуков в рукопашной схватке с казаками был ранен осколками ручной гранаты, которые глубоко врезались в левую ногу и левый бок. С поля боя его вынес на бурке политрук эскадрона, старый большевик А. М. Янин, тоже раненый. На телеге он отвез Жукова в лазарет в Саратов, где работала хорошая знакомая Антона Митрофановича – Полина Николаевна Волохова. Она выхаживала Янина, а ее младшая сестра – юная гимназистка Мария – стала заботиться о Жукове, который ей явно приглянулся. В госпитале Георгию Константиновичу не повезло: вновь заболел тифом. Целый месяц не отходила от него Мария. И как часто бывает в таких случаях, между ними возникла любовь. Георгий Константинович ухаживал за Марией с большой нежностью. Внук Марии Николаевны Георгий, названный в честь деда, вспоминал: «Дедушка рассказывал мне, что он уже тогда полюбил бабушку. За ее милосердие и чудесные голубые глаза… Благодаря им… появилось ее ласковое прозвище – «Незабудка».

После выздоровления Жуков получил месячный отпуск и отправился в родную деревню. А сестры Волоховы вернулись в Полтаву, откуда они были родом. Роман Георгия и Марии, переросший в серьезные отношения, возобновился лишь три года спустя, уже в Минске.

В марте 1920 г. в жизни Г. К. Жукова произошло серьезное изменение. Он был направлен на 1-е Рязанские кавалерийские командные курсы РККА. К учебе относился серьезно, увлеченно изучая как специальные, так и общеобразовательные предметы. Активное участие принимал в работе партийной ячейки, был старшиной 1-го эскадрона. В августе в составе Сводного курсантского кавалерийского полка 2-й Московской бригады курсантов 9-й Кубанской армии участвовал в боевых действиях по разгрому десанта генерала С. Г. Улагая на Кубани. Здесь же наиболее подготовленные курсанты досрочно сдали экзамены в полевом штабе армии в Армавире. Большинство из них, в том числе и Жуков, получили направление в кавалерийскую бригаду 14-й стрелковой имени А. К. Степина дивизии. 19 октября

Георгий Константинович был назначен на должность командира взвода 1-го кавалерийского полка. С этого момента начался отсчет его командирской деятельности в Красной Армии.

Части 14-й стрелковой дивизии вели боевые действия против повстанцев в Причерноморье. Жуков быстро зарекомендовал себя инициативным, смелым и творчески мыслящим командиром. Это не осталось без внимания – Георгия Константиновича назначают командиром 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка. В новом качестве он участвует в подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии.

В это время в личной жизни Г. К. Жукова произошло важное событие – он встретил Александру Диевну Зуйкову. Она родилась в 1900 г. в многодетной семье агента по продаже зингеровских швейных машин Д. А. Зуйкова. Окончив учительские курсы, работала в деревенской школе в Воронежской губернии, где и встретилась с Жуковым.

При разгроме повстанцев на Тамбовщине Жуков умело командовал своим эскадроном, что было отмечено в приказе Реввоенсовета Республики № 183 от 31 августа 1922 г.: «Награжден орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г., несмотря на атаки противника силой 1500–2000 сабель, он с эскадроном в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду».

В ходе боевых действий Жуков трижды оказывался на волосок от смерти. В двух случаях под ним были убиты лошади, а в третьем – один из повстанцев сильным ударом шашки выбил Георгия Константиновича из седла. И всегда на помощь командиру приходил политрук Ночевка.

После ликвидации восстания в Тамбовской губернии Жуков назначается командиром 2-го эскадрона 38-го Ставропольского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии. А. Л. Кроник, бывший в то время старшиной эскадрона, оставил нам следующий портрет своего командира: «Был он невысок, но коренаст. Взгляд у него спокойный, неназойливый, но цепкий, оценивающий. Скованности в позе комэска не угадывалось, но и той естественной расслабленности, которую может себе позволить человек, ведущий непринужденную застольную беседу, я тоже в нем не чувствовал. Движения его были сдержанны. Он, вероятно, был очень крепок физически, а в сдержанности каждого его жеста я чувствовал выработанную привычку постоянно контролировать себя, что свойственно людям волевым, внутренне дисциплинированным. Я сразу почувствовал, что мой комэск – настоящая военная косточка…»{6}

Пути Жукова и Кроника снова пересекутся в годы Великой Отечественной войны. Кроник родился в 1903 г. в Вильно, участвовал в Гражданской войне, командовал пограничным полком в советско-финляндскую войну 1939–1940 гг., заочно закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Во время Великой Отечественной войны Александр Львович был начальником штаба и командиром стрелковой дивизии. В мае 1947 г. генерал-майор Кроник уволился в запас. Он преподавал в Черновицком государственном университете и Киевском художественном институте, работал старшим научным сотрудником в Институте истории АН Украины, а затем в Министерстве высшего и среднего специального образования и ушел из жизни 20 декабря 1976 г.

По воспоминаниям Кроника, командир эскадрона не терпел издевательств над подчиненными. При Георгии Константиновиче в эскадроне сложились прекрасные товарищеские отношения между бойцами и командирами, что способствовало укреплению разумной дисциплины и исполнительности. Это не означало, что Жуков допускал панибратство, которое гибельно для воинского коллектива. Тот же Кроник отмечает и строгость, и крутость Жукова, которые, однако, не подрывали его высокий командирский авторитет. Это достигалось прежде всего личным примером комэска. Он не любил переносить или пересматривать

намеченные планы, отменять собственные приказы. Жуков мастерски владел саблей и штыком, учил подчиненных совершать стремительные марши, вести наступательные и оборонительные бои в любое время года и суток. Еще одна отличительная черта Георгия Константиновича – стремление быть первым во всем, что касается воинской службы и боевой учебы. В феврале 1923 г. его эскадрон отличился на полковом смотре, а в марте, во время инспекторской проверки, по всем показателям занял первое место в дивизии, за что получил благодарность от командующего войсками Западного фронта М. Н. Тухачевского. А вскоре, 24 апреля, Жукова назначают помощником командира 40-го Бугурусланского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии, а 8 июля он вступает во временное командование 39-м Бузулукским кавалерийским полком той же дивизии.

Г. К. Жуков, прибыв в полк, нашел его в плачевном состоянии, о чем доложил 1 октября 1923 г. командиру дивизии Г. Д. Гаю (Гайк Бжишкян). В докладе отмечались: неумение подразделений развертываться в лаву; слабое знание личным составом стрелкового дела; незнакомство его с новейшей военной техникой и войсками других родов, неудовлетворительная подготовка младшего комсостава{7}. Основными причинами этого являлись неказарменное расквартирование полка, плохое материально-техническое снабжение. Со свойственной ему энергичностью Жуков принялся за наведение порядка в полку и повышение качества обучения личного состава. С этой целью были проведены двусторонние учения (полк против полка) по отработке встречного боя, наступления как днем, так и ночью. Особое внимание командир полка уделял организации и ведению разведки, подготовке инициативного и исполнительного красноармейца и командира, укреплению воинской дисциплины. Иногда требовательность Жукова перерастала в необоснованную строгость, что вызывало недовольство у некоторых его подчиненных. В вышестоящие штабы шли жалобы, и с ними приходилось разбираться. Но попытки воздействовать на Жукова не приносили ощутимых результатов. Пройдут годы, и он признает: «Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда был сдержан и терпим к поступкам подчиненных. Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в поведении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям. Конечно, сейчас эти ошибки стали виднее, жизненный опыт многому учит. Однако и теперь считаю, что никому не дано права наслаждаться жизнью за счет труда другого…»{8}

Меры, принятые Жуковым, позволили быстро поднять уровень боевой подготовки полка, который умело действовал на смотре, проведенном в конце августа под руководством Гая. В сентябре 1923 г. полк под командованием Жукова снова отличился, теперь уже в ходе больших осенних маневров. Тогда 39-й Бузулукский кавалерийский полк, находясь в авангарде, за тридцать часов совершил 100-километровый марш-бросок и внезапно атаковал «противника», создав условия для успешного наступления главных сил дивизии.

Вместе с подчиненными учился и Жуков. «…В практических делах я тогда чувствовал себя сильнее, чем в вопросах теории, так как получил неплохую подготовку еще во время Первой мировой войны, – вспоминал он. – Хорошо знал методику боевой подготовки и увлекался ею. В области же теории понимал, что отстаю от тех требований, которые сама жизнь предъявляет мне, как командиру полка. Размышляя, пришел к выводу: не теряя времени, надо упорно учиться. Ну, а как же полк, которому надо уделять двенадцать часов в сутки, чтобы везде и всюду успеть? Выход был один: прибавить к общему рабочему распорядку дня еще три-четыре часа на самостоятельную учебу, а что касается сна, отдыха – ничего, отдохнем тогда, когда наберемся знаний»{9}.

В Минске, где с осени 1923 г. был расквартирован 39-й Бузулукский кавалерийский полк, получили развитие непростые романы Георгия Константиновича с Александрой Зуйковой и Марией Волоховой. Старшая дочь Александры Диевны Эра вспоминала: «Мама

стала за отцом всюду ездить. Часами тряслась в разваленных бричках, тачанках, жила в нетопленых избах. Перешивала себе гимнастерки на юбки, красноармейские бязевые сорочки – на белье, плела из веревок «босоножки»… Из-за этих кочевок она и потеряла первого своего ребенка, как говорили – мальчика. Больше ей рожать не советовали – хрупкое здоровье». Младшая дочь Зуйковой Элла утверждает, что в первый раз ее мать с Жуковым «расписались в 22-м году. Но, видимо, за годы бесконечных переездов документы потерялись, и вторично отец с мамой зарегистрировались уже в 53-м году в московском загсе».

Внук Жукова Георгий – сын дочери Волоховой Маргариты – со слов дедушки и бабушки относит возобновление знакомства Георгия Константиновича и Марии Николаевны как раз к 1922 г.: «Тогда в Полтаве умерли родители Марии, и она переехала в Минск к старшей сестре Полине, которая к тому времени уже стала женой Антона Митрофановича Янина. Дома Жукова и Янина стояли рядом, и два друга, командир и комиссар полка, были практически неразлучны. А в 26-м году у Полины и Антона Митрофановича рождается сын Владимир. И Георгий Константинович с Марией становятся крестными. Дедушка был в восторге от малыша и все время говорил о том, что самая большая его мечта – иметь сына… Дедушка всегда утверждал, что Александра Диевна не в состоянии иметь детей. Это… тоже послужило причиной его к ней охлаждения… Дедушка-холостяк практически жил у Яниных, состоял в гражданском браке с Марией и неоднократно просил ее выйти за него замуж. Но Мария Николаевна была активная комсомолка и регистрировать брак считала пережитком прошлого. Да и по закону до 44-го года регистрация браков в загсах не требовалась».

Дочь Жукова и Марии Волоховой Маргарита Георгиевна же вообще отрицает, что в первой половине 20-х гг. в Белоруссии Жуков поддерживал постоянную связь с Зуйковой. «В Минске Георгий Константинович жил без Александры Диевны, – отмечала Маргарита Георгиевна. – У них никогда ничего совместного не было. И все ее приезды к отцу были для отца неожиданными. Он не хотел с ней жить, неоднократно повторял, что не любит. Александра Диевна, видимо, страдала – пыталась вселиться в дом Жукова, и когда ей это удавалось, отцу ничего не оставалось, как уходить к Яниным и там скрываться. Чтобы избавиться от Александры Диевны, которая все терпела, отец много раз покупал ей билет на поезд домой в Воронежскую губернию, ботики и другие подарки, лично сажал ее на поезд и просил больше не возвращаться. Она покорно уезжала, но затем писала, что жить без него не может, что уже сообщила всем родственникам, что у нее есть муж, и вновь возвращалась в Минск».

1 октября 1924 г. в военной карьере Жукова произошел новый поворот: он простился с полком и отправился в Ленинград (ныне Санкт-Петербург), где размещалась Высшая кавалерийская школа (вскоре она была переименована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава – ККУКС). Вместе с Г. К. Жуковым на курсах обучались будущие Маршалы Советского Союза А. И. Еременко, И. Х. Баграмян, К. К. Рокоссовский. «Георгий Константинович Жуков среди слушателей нашей группы считался одним из наиболее способных, – вспоминал Баграмян. – Он уже тогда отличался не только ярко выраженными волевыми качествами, но и особой оригинальностью мышления. На занятиях по тактике конницы Жуков не раз удивлял нас какой-нибудь неожиданностью. Его решения всегда вызывали наибольшие споры, и он обычно с большой логичностью умел отстаивать свои взгляды»{10}. К. К. Рокоссовский отмечал, что «Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату – все ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего»{11}.

В августе 1925 г., завершив учебу, Жуков вернулся в родной полк. Используя полученные знания, он проводит много показательных и инструктивно-методических занятий по обучению бойцов и командиров разведке, организации боя, взаимодействию с техническими средствами борьбы. В аттестации за 1928 г., подписанной командиром и комиссаром 7-й Самарской кавалерийской дивизии Д. Сердичем, отмечалось: «Энергичный и решитель-

ный командир. Благодаря работе тов. Жукова, направленной на воспитание и учебно-боевую выучку, полк встал на должную высоту во всех отношениях… Как командир полка и единоначальник подготовлен отлично. Подлежит выдвижению на должность комбрига (командира бригады. – *Авт.*) во внеочередном порядке»{12}.

В том же году, когда была составлена эта аттестация, у Георгия Константиновича и Александры Диевны родилась дочь Эра. А через шесть месяцев, в июне 1929 г. Мария Николаевна Волохова родила Жукову дочь Маргариту. В результате Жуков оказался в сложном положении: нужно было сделать выбор между двумя женщинами. С Зуйковой он не хотел официально оформлять свои отношения. Тогда она написала заявление в парторганизацию, требуя образумить Жукова и заставить с ней расписаться. Партийная организация объявила ему выговор за пьянство и неразборчивость в связях с женщинами. М. Н. Волохова, стремясь спасти репутацию любимого человека, посоветовала ему вернуться к Александре Диевне. К тому времени у А. М. Янина умерла жена Полина. Он, оставшись с трехлетним сыном на руках, предложил увезти Марию Николаевну с грудной дочерью в Минводы, где жили его отец и братья. В 1941 г. полковник Янин, имея бронь от призыва в армию, добровольцем ушел на фронт. Через год он погиб под Сталинградом. Его сын, Владимир, также пошел воевать. Через несколько месяцев после Керченского десанта он умер от ран в госпитале.

Взыскание, полученное Жуковым по партийной линии, не сказалось на его служебном положении. В ноябре 1929 г. он был направлен в Москву на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава Красной Армии, которые работали при Военной академии им. М. В. Фрунзе. В характеристике, составленной руководителем группы, в которой учился Георгий Константинович, отмечалось: «Общевойсковую тактику знает вполне удовлетворительно даже для общевойскового пехотного командира. Совершенно не отставал от успехов других слушателей группы. Показал удовлетворительное знание ПУ-29 (Полевой устав Красной Армии 1929 г. – *Авт.*), а равно и боевого устава артиллерии. В оперативно-тактических решениях обнаружил достаточную отчетливость и большую (подчеркнуто в документе. – *Авт.*) твердость. Штабную работу знает почти удовлетворительно. Его познания как командира-конника определять не берусь. Отличался большой точностью (даже графической) в работе. Метод военных игр и групповых упражнений постиг вполне удовлетворительно. С успехом может руководить общетактической подготовкой полка и дивизии. По наклонностям и характеру командир явно строевой (к штабной работе мало годен)»{13}.

После окончания курсов в конце марта 1930 г. Г. К. Жуков вернулся в родной кавалерийский полк, но вскоре приказом Реввоенсовета СССР от 20 апреля был назначен командиром 2-й бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии, которой командовал его однокашник по курсам в Ленинграде К. К. Рокоссовский. Он 8 ноября 1930 г. подписал следующую аттестацию на Жукова: «Сильной воли и решительности. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовкой бригады добился крупных достижений в области строевого и тактическо-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и ее знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава, добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы.

На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может – органически ее ненавидит»{14}.

В этой аттестации, пожалуй, наиболее точно подмечены основные черты характера как положительного, так и отрицательного свойства. При этом суховатость и недостаточная чуткость, упрямство, обостренное самолюбие позднее не раз проявятся в деятельности Жукова.

В должности командира бригады Георгий Константинович задержался недолго: несмотря на то что он «органически» ненавидел штабную работу, его назначают помощником инспектора кавалерии Красной Армии. На этой должности Жуков, верный своему принципу быть всегда впереди, проявил себя с лучшей стороны. Об этом свидетельствует характеристика, подписанная 31 октября 1931 г. инспектором кавалерии С. М. Буденным. Вот что в ней сказано:

«1) Тов. ЖУКОВ Г. К. приступил к исполнению настоящей должности с мая месяца 1931 года. По предыдущей работе в должности командира кавалерийского полка и командира неотдельной кавалерийской бригады имеет отличные аттестации как строевой, тактически и оперативно грамотный, волевой, авторитетный командир (см. приказ III к. к. от 15 мая 1931 г. № 15).

2) По ныне занимаемой должности тов. Жуков выполнял следующие основные работы и задания:

1. Принимал деятельное участие в разработке указаний по подготовке конницы на летний период (см. темы и организационные указания в приказе РВС СССР № 031), им же составлен примерный план боевой подготовки кавалерийского полка, рекомендованный штабом боевой подготовки для всех частей РККА как образцовый.

2. Разрабатывал и организовывал проведение учения № 3 и № 5 на сборах высшего начальствующего состава конницы РККА, участвовал в остальных учениях.

3. На Всесоюзных конно-спортивных состязаниях руководил состязаниями кавалерийских взводов по пятиборью (проведены весьма успешно).

4. Проделал очень большую работу по составлению руководства по подготовке бойцов и мелких подразделений конницы РККА. К данному моменту заканчивает разработку руководства по подготовке полковых школ и младшего начальствующего состава конницы.

5. Для разработки указанных руководств провел большую работу (подготовительную – опытную) с начальствующим составом строевых подразделений в 1-й кавалерийской дивизии (Меджибожский лагерь).

6. Участвовал в маневрах УВО (Украинский военный округ. – *Авт.*) в качестве полкового посредника.

Все перечисленные работы выполнены тов. ЖУКОВЫМ Г. К. в ударном порядке, успешно и в назначенные сроки.

3) В результате выполненных работ и целого ряда других отдельных поручений и заданий вполне подтверждается та положительная оценка тов. ЖУКОВА Г. К., которая давалась ему по предыдущей работе на строевых должностях, а именно, что тов. ЖУКОВ Г. К. является:

1. Командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, в последнем случае наблюдается излишняя жесткость и грубоватость.

Чувство ответственности за порученную работу развито в высокой степени (пример: разработка указанных выше руководств по боевой подготовке не только формально, но с постоянным исканием, уточнением новых, лучших форм и методов, большой инициативы и т. д.).

2. Тактически и оперативно грамотным общевойсковым командиром, овладевшим задачами, которые были поставлены приказом № 080 (разработка указаний к приказу № 031, участие в кавалерийских сборах, маневрах, составил правильную оценку подготовки взвода

и эскадрона во всех отношениях к Пленуму РВС СССР этого года и написал ряд статей в Кавалерийском сборнике). Может хорошо и поучительно организовывать и проводить занятия с командным составом, штабом и войсками [отзывы по прежней работе, занятия на кавалерийских сборах и работа в 1 к. д. (кавалерийская дивизия. – *Авт.*); разработка руководств по боевой подготовке]. Политически развит вполне удовлетворительно, твердый и выдержанный член партии. Задачи партийно-политической работы в РККА усвоены. Не имея академического образования, много работает над своим личным военным и политическим развитием.

3. С техническими средствами и новым оружием, имеющимся и вводимым на вооружение конницы РККА и других родов войск, знаком (техническое учение на кавалерийских сборах и остальные учения) с техникой.

4) Личная стрелковая подготовка не проверялась, систематически в Инспекции не проводилась.

5) Состояние здоровья вполне удовлетворительное.

6) **ОБЩИЙ ВЫВОД**.

«Тов. Жуков Г. К. – подготовленный общевойсковой командир-единоначальник; вполне соответствует занимаемой должности и должности командира кавалерийской дивизии и начальника нормальной кавалерийской школы»{15}.

Мы не случайно полностью цитируем данную аттестацию. Ее содержание показывает, что составлена она не формально, а охватывает все стороны деятельности Жукова. Главное в аттестации – это то, что Георгий Константинович, не имевший академического образования, характеризуется как командир, подготовленный в оперативном отношении, то есть разбирающийся не только в вопросах тактики, но и оперативном искусстве. Нельзя забывать, что в это время в Красной Армии разрабатывалась и проверялась на практике теория глубокой операции и боя. В приказе № 031 Реввоенсовета СССР, о котором упоминается в аттестации, основной задачей на 1932 учебный год было решительное овладение «искусством управления боем соединенных родов войск» и применение «техники и глубокой тактики, особенно на фронте ударных армий»{16}.

Буденный выделяет и такие качества Жукова, как сильная воля, ответственность за порученное дело, инициативность, умение организовывать и методически грамотно проводить занятия с командирами, штабами и войсками, высокая требовательность к себе и подчиненным, излишняя жесткость и грубоватость. И еще один момент, Георгий Константинович не только хороший практик, но и делает первые шаги на теоретическом поприще. В последующем его жизнь сложилась так, что времени на теоретические изыскания практически не оставалось. Поэтому причислить Георгия Константиновича к военным теоретикам мы не можем, как это делает А. Исаев в книге «Георгий Жуков. Последний довод короля», утверждая, что Жуков занимался разработкой теории и практики ведения наступательных операций и техники прорыва фронта{17}. В отношении «практики» все верно, но относительно «теории» – большая натяжка.

В Инспекции кавалерии Г. К. Жуков работал почти два года, а затем на восемь лет расстался со штабной службой. 25 марта 1933 г. он назначается командиром 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознаменной дивизии им. К. Е. Ворошилова, которая располагалась в Слуцке. Здесь история снова повторилась: в 1923 г. Жуков принял крайне запущенный 39-й Бузулукский кавалерийский полк, теперь в таком же состоянии находилась 4-я кавалерийская дивизия. Она сначала дислоцировалась в Ленинградском военном округе, затем ее перебросили в Белоруссию, где личному составу пришлось вместо боевой подготовки в основном заниматься строительством казарм и учебных городков. Но для Жукова не существовало преград. Он быстро вник во все дела и засучив рукава принялся за работу. Главные усилия направлялись на поднятие уровня подготовки среднего и старшего командного

состава на тактических занятиях и учениях. С этой целью дивизия большую часть времени находилась на полевых занятиях, что позволяло командирам на практике овладевать навыками ведения различных видов боя. Об этом поведал в своих воспоминаниях генерал Л. Ф. Минюк, возглавлявший в то время штаб дивизии{18}. Он отмечал: «…Сам он как командир дивизии работал очень много. Ни одного мероприятия не проводил с кондачка, всегда все продумывал. Будучи человеком энергичным, организованным и в высшей степени дисциплинированным, Жуков терпеть не мог ленивых, неповоротливых, бездумных и пустозвонов. Совершенно по-другому он относился к тем, кто трудился в полную силу, творчески и с огоньком. Я внимательно присматривался к стилю работы и характеру командира дивизии, да это и вполне понятно, иначе штаб как орган управления не смог бы выполнять свою роль. Сразу было видно, в дивизии установлен строгий порядок. Утвержденные командованием планы работы штаба дивизии, боевой подготовки частей, партийно-политической работы, а также спортивно-массовых мероприятий выполнялись точно и в срок. Сам командир работал строго по плану. Занятия с командным составом, штабные и войсковые учения в поле тщательно готовились, проводились на интересном и остром оперативно-тактическом фоне и всегда были целеустремленными».

Результаты самоотверженного и напряженного труда сказались быстро. В августе – сентябре 1934 г. 4-я кавалерийская дивизия принимала участие в общевойсковых учениях на тему «Пограничное боевое столкновение в начальный период войны», которыми руководил командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич. Дивизия действовала на стороне «синих», и ее тактическая подготовка, как и других частей и соединений, была признана хорошей. Еще более весомые результаты были достигнуты в следующем году, когда дивизия получила высокую оценку по результатам инспекторской проверки, в том числе и по самому трудному виду боевой подготовки конницы – огневой. Дивизия была награждена орденом Ленина. Этой же награды был удостоен и Жуков. Отличилась дивизия и в сентябре 1936 г. на окружных маневрах, которые проводились в целях практической проверки новых взглядов на подготовку и ведение операции (боя), качества оружия и военной техники, степени обученности войск. На маневрах отрабатывались встречное сражение на фоне армейской операции, атака и прорыв оборонительной полосы с последующим вводом эшелона развития успеха, воздушная операция по уничтожению авиации «противника» на аэродромах, высадка воздушного десанта, контрудар армейской ударной группы по прорвавшемуся «противнику» в целях его окружения и уничтожения.

Эти маневры стали последними учениями столь крупного масштаба в предвоенные годы. С лета 1937 г. на армию и флот обрушилась волна репрессий, направленная против мнимых участников «военного заговора в Красной Армии». Г. К. Жуков не попал под нож репрессий. Спасло его то, что он неожиданно вместе со своим начальником штаба заболел бруцеллезом, выпив свежего молока. Болезнь дала осложнения, и лечение, по свидетельству М. М. Пилихина, двоюродного брата Жукова, и его дочери Эры Георгиевны, затянулось надолго. Они, правда, не уточняют, сколько времени он провел в госпитале, а затем на курорте. Возможно, это заняло не один месяц. За это время были арестованы многие, с кем приходилось общаться по службе Г. К. Жукову: командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич, бывший командир 7-й Самарской кавалерийской дивизии К. К. Рокоссовский, комкоры Д. Сердич, Л. Я. Вайнер, Е. И. Ковтюх, И. С. Кутяков, И. Д. Косогов и др. Все это было весомым поводом для ареста Жукова, но судьба была к нему благосклонна: приказом наркома обороны он 22 июля был назначен командиром 3-го конного корпуса.

Снова Георгию Константиновичу пришлось начинать все сначала. В связи с арестами резко упала подготовка командно-политических кадров, у командиров понизилась требовательность к себе и подчиненным, и, как следствие, ослабла дисциплина и служба всего личного состава. В войсках процветали доносы и очернительство. Несмотря на все это, Жуков

сумел в кратчайший срок восстановить боеспособность корпуса. Осенью 1937 г. на окружных маневрах он показал хорошие результаты.

25 февраля 1938 г. Жуков, недавно получивший «досрочно и вне очереди» воинское звание комдива, был назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса. Здесь Георгий Константинович застал ту же картину, что и в 3-м конном корпусе. Надо было опять браться за самое слабое звено – боевую подготовку. И это удалось Жукову. Учитывая, что будущее в значительной степени принадлежит танкам и механизированным соединениям, он требовал от командиров и штабов детальной отработки вопросов взаимодействия с танковыми войсками и организации противотанковой обороны. Командир корпуса, стремясь улучшить боевую подготовку подчиненных частей, предъявлял повышенные требования к командирам и политработникам. Нередко его требовательность проявлялась в жесткой и грубоватой форме, что отмечали ранее Рокоссовский и Буденный. Это стало одной из причин разбора 28 января 1938 г. персонального дела Г. К. Жукова на активе коммунистов 4-й дивизии, 3-го и 6-го корпусов. Ему также припомнили связи с «врагами народа» Уборевичем, Сердичем, Вайнером и другими, а также то, что он не любит политработников. В своем выступлении Жуков признал, что у него были срывы, что как коммунист он «обязан был быть выдержаннее в обращении с подчиненными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозность». Не отрицал Георгий Константинович и своей нелюбви к политработникам, но категорически отмел свои связи с «врагами народа», которых таковыми не считал. В итоге Жукову был объявлен выговор «за грубость, за зажим самокритики, недооценку политработы, за недостаточную борьбу с очковтирательством»{19}.

Партийное взыскание не повлияло на военную карьеру Жукова. В июне 1938 г. его назначают заместителем командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии. Не прошло и года, как в жизни Георгия Константиновича произошел новый поворот – его, комбрига С. П. Денисова и полкового комиссара И. Т. Чернышева направили в командировку в Монголию.

Чем же была вызвана столь внезапная командировка? Для ответа на этот вопрос сделаем небольшой экскурс в историю.

В январе 1935 г. японские войска, оккупировавшие Маньчжурию, вторглись в Монгольскую Народную Республику (МНР) и захватили часть восточного выступа территории этой страны. 5 июня на станции Маньчжурия начались переговоры между маньчжурской и монгольской делегациями с целью мирного урегулирования спорных пограничных вопросов. Однако достигнуть соглашения не удалось. Не увенчалась успехом и работа созданной в августе постоянно действующей смешанной комиссии. Поэтому в январе 1936 г., когда обстановка была напряжена до предела, правительство МНР обратилось к советскому руководству с просьбой об оказании военной помощи. В феврале того же года СССР заявил о своей готовности оказать помощь МНР ввиду японской агрессии. 12 марта в Улан-Баторе был подписан Протокол о взаимопомощи между СССР и МНР сроком на 10 лет.

К моменту подписания советско-монгольского протокола военные столкновения между японо-маньчжурскими и монгольскими войсками продолжались. В июле 1937 г., спровоцировав инцидент у моста Лугоуцяо близ Пекина, Япония начала крупномасштабную агрессию против Китая. В июле – августе 1938 г. в районе озера Хасан произошло столкновение между японскими и советскими войсками, закончившееся поражением японских частей. Осенью того же года Генеральный штаб японской армии приступил к разработке плана войны против СССР, получившего кодовое название «План операции № 8». Этот план имел два варианта: «А» («Ко» – первый) – нанесение главного удара на восточном направлении против войск СССР в Приморье, и «Б» («Оцу» – второй) – нападение на СССР там, где он не ожидает, – на западном направлении, через Монголию. Для этого на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии спешно строились железные и шоссейные дороги, аэро-

дромы. 25 апреля 1939 г. Генеральный штаб японской армии, оценив военно-политическое положение в Европе, где Германия готовилась к началу Второй мировой войны, направил в войска так называемые «Принципы разрешения приграничных конфликтов между Маньчжоу-Го и СССР». В четвертом параграфе этого документа было записано: «В случае если граница не ясна, военному командованию необходимо определять границу по своему усмотрению и избегать ненужных конфликтов»{20}.

15 мая 1939 г. правительство Маньчжоу-Го направило ноту правительству МНР, в которой обвинило монгольские войска в нарушении границы в районе Номон-Хан (речь идет о районе реки Халхин-Гол. – *Авт.*), потребовав отозвать свои войска и установить нормальные условия границы. Однако правительство Монгольской Народной Республики, в свою очередь, считало виновными в нарушении границы японские и маньчжурские войска. При этом оно ссылалось на карту от 5 июля 1887 г., составленную в результате разрешения пограничных споров между баргутами и халхасцами (монголы). Правительство МНР считало, что столкновения между монгольскими и маньчжурскими войсками происходят на территории Монгольской Народной Республики{21}.

К этому времени командование Квантунской армии сосредоточило в спорном районе 23-ю пехотную дивизию и несколько полков баргутской конницы, а в районе Хайлара – 2-ю сборную авиационную группу. Общее командование этими войсками было возложено на генерал-лейтенанта М. Камацубару, общепризнанного специалиста по Советскому Союзу. Он хорошо говорил по-русски, с 1919 по 1921 г. служил заместителем военного атташе в Москве, а в 1927–1930 гг. – военным атташе. Начальником штаба 23-й дивизии был другой эксперт по Советскому Союзу, кадровый разведчик Ц. Оути. В 1933–1935 гг. он был военным атташе в Латвии, затем на протяжении двух лет возглавлял штаб кавалерийской бригады в Маньчжурии. Личный состав дивизии не имел боевого опыта и воинской выучки, но командование японской армии считало, что ее руководство, которое хорошо знало военную доктрину СССР, в кратчайшее время сможет организовать необходимое обучение и тренировки и успешно справится с поставленными задачами. В район Халхин-Гола был направлен сводный отряд во главе с командиром 64-го пехотного полка полковником Ямагатой для выполнения задачи по уничтожению войск МНР. Первое боевое столкновение произошло 14 мая. Войска Монгольской народно-революционной армии (МНРА), обессиленные массовыми репрессиями, развязанными маршалом Х. Чойбалсаном, оказались не в состоянии дать надлежащий отпор противнику.

Правительство МНР в этих условиях могло только рассчитывать на помощь советского 57-го особого стрелкового корпуса, который был дислоцирован на территории Монгольской Народной Республики в соответствии с протоколом о взаимопомощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 г. Корпус к началу июня 1939 г. насчитывал около 5,6 тыс. человек{22}, им командовал комдив Н. В. Фекленко. Однако нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов не разрешил 17 мая командиру корпуса предпринимать какие-либо активные действия против «японо-баргут», подготавливая одновременно силы для их разгрома. Это свое требование Ворошилов повторил и вечером 21 мая в разговоре с Фекленко. Для усиления корпуса в Монголию были направлены полк бомбардировщиков СБ и истребительный авиационный полк. Туда же направлялся заместитель начальника авиации Красной Армии Герой Советского Союза комкор Я. В. Смушкевич вместе с 35 опытными летчиками-истребителями.

Нарком обороны, не разрешая Фекленко предпринимать активные действия, в то же время упрекал его в пассивности. Это и послужило причиной командировки в Монголию Г. К. Жукова, С. П. Денисова и И. Т. Чернышева. В удостоверении, подписанном 24 мая 1939 г. Ворошиловым, отмечалось, что на них возлагается:

«1. Тщательное изучение и установление причин неудовлетворительной работы командования и штаба 57-го отдельного корпуса во время конфликта с японо-баргутами с 11 по 23 мая 1939 г. и оказание на месте непосредственной помощи командиру и комиссару 57-го отдельного корпуса.

2. Проверка состояния и боевой готовности частей 57-го отдельного корпуса во всех отношениях…»

Непосредственно Жукову поручалось: «Изучить работу командования и штаба 57-го отдельного корпуса по руководству боевой подготовкой сухопутных частей корпуса, установить, какие мероприятия приняты и принимались командованием корпуса по поддержанию подчиненных им частей в постоянной боевой готовности, проверить укомплектованность личным составом, обеспеченность вооружением, боевой техникой и предметами материального снабжения и их состояние»{23}.

Таким образом, цель командировки была чисто инспекционная. Жуков, прибыв в штаб 57-го отдельного стрелкового корпуса, располагавшийся в Улан-Баторе, представил 30 мая наркому обороны первое донесение, в котором излагалась обстановка в районе вооруженного конфликта. В донесении отмечались неудачные действия частей корпуса в боях 27–29 мая против сводного отряда полковника Ямагаты. Основными причинами этого являлись: «тактически неграмотное решение и легкомысленное отношение командования и штаба 57-го стрелкового корпуса к организации боя, отсутствие учета маневренной возможности и тактики противника»; отсутствие взаимодействия самолетов И-15 и И-16, которые выпускались в бой «малыми группами и с интервалом, в результате чего японская авиация уничтожала нашу авиацию» (с 21 по 28 мая противник сбил в воздушных боях 17 советских самолетов. – *Авт.*); «…партийно-политическая работа не конкретна, руководство недостаточно, незнание настроений и нужд личного состава…»{24}.

В очередном донесении Ворошилову от 3 июня инспекторская группа во главе с Жуковым возложила всю ответственность за неудачи на командование корпуса. В этом документе особо подчеркивалось: «Фекленко, как большевик и человек, хороший и, безусловно, предан делу партии, много старается, но в основном мало организован и недостаточно целеустремлен. К проведению этой операции он заранее подготовлен не был, не был готов и его штаб. Более полную оценку Фекленко можем дать только после тщательного его изучения»{25}.

Серьезные провалы в боевых действиях вынудили наркома обороны Ворошилова принять 5 июня решение о переходе к обороне по восточному берегу р. Халхин-Гол. Вскоре, 12 июня, Фекленко был отстранен от командования корпусом, а на его место назначен Жуков. Видать, судьба уготовила ему быть командиром по чрезвычайным ситуациям. В своих действиях он не был полностью свободен, так как должен был согласовывать каждый шаг с Москвой (наркомом обороны и Генеральным штабом). Кроме того, в оперативные дела часто вмешивался находившийся в Монголии заместитель наркома обороны Г. И. Кулик.

Г. К. Жуков, вступив в командование корпусом, первым делом взялся за организацию разведки, стремясь увязать в единую систему все виды и средства разведки. Это был правильный шаг, так как позволял своевременно разгадать замысел врага и принять меры по его срыву. Следующим шагом стала организация учебы личного состава, чтобы научить его «хорошему владению гранатой, штыком, умению скрытно переползать и при малейшей остановке зарываться в землю»{26}. Одновременно принимаются суровые меры с целью укрепления воинской дисциплины. Так, 27 июня военный трибунал приговорил к расстрелу командира отряда капитана М. П. Агафонова, командира взвода лейтенанта С. Н. Дронова и красноармейца Д. Я. Лагуткина, которые, сбившись ночью с пути, наткнулись на японскую заставу. Все трое после обстрела противником «в панике бежали в тыл».

Времени для того, чтобы полностью устранить все недочеты, у Жукова не было. На рассвете 3 июля японские войска перешли в наступление с целью «уничтожить армию Внеш-

ней Монголии, перешедшую границу». Главные силы 23-й пехотной дивизии наносили удар по левому флангу советско-монгольских войск, стремясь переправиться через Халхин-Гол, отрезать пути отхода на запад и ликвидировать попавшие в окружение части. В район Хайлара были дополнительно переброшены пехотный полк и отряд полевой зенитной артиллерии. В районе Халун-Аршан сосредоточивалась 1-я танковая группа (танковый полк, танковый полевой отряд, отдельный полк боевой артиллерии, подразделения обеспечения и обслуживания) под командованием Ясуоки, который возглавил сводный отряд. Всего противник сосредоточил для удара более 10 тыс. штыков, около 100 орудий и до 60 противотанковых орудий{27}.

Первоначально все шло так, как и планировал командующий Квантунской армией генерал Уэда. Японские войска, сумевшие ночью скрытно переправиться через Халхин-Гол, атаковали подразделения 6-й кавалерийской дивизии МНР (чуть более тысячи штыков и около 50 орудий), захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки местности. В результате у противника появилась возможность для удара во фланг и тыл основной группировки советско-монгольских войск. Однако командование противника не знало, что у Жукова имеется в распоряжении достаточно сильный резерв: 11-я танковая и 7-я мотобронеевая бригады (всего до 150 танков и свыше 150 бронемашин), а также бронедивизион 8-й монгольской кавалерийской дивизии, оснащенный сорокапятимиллиметровыми пушками.

Г. К. Жуков, быстро оценив обстановку, приказал 11-й танковой бригаде (комбриг М. П. Яковлев) во взаимодействии с 24-м мотострелковым полком (полковник И. И. Федюнинский), усиленным артиллерийским дивизионом, с ходу атаковать противника и уничтожить его. На 7-ю мотобронеевую бригаду (полковник А. Л. Лесовой) возлагалась задача нанести удар по противнику с юга. Впоследствии генерал армии И. И. Федюнинский писал: «Оценивая сейчас смелое по замыслу решение Г. К. Жукова, нельзя не заметить, сколь точно и правильно определил Георгий Константинович, что главным нашим козырем были бронетанковые соединения и что, только активно используя их, можно разгромить переправившиеся японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону»{28}.

Поставив задачи резервам, Жуков с оперативной группой немедленно выехал на командно-наблюдательный пункт, находившийся в районе горы Баин-Цаган. Здесь он приказал тяжелому артиллерийскому дивизиону 185-го артиллерийского полка выбросить разведку к горе Баин-Цаган и открыть огонь по противнику. Мощный удар по горе нанесла артиллерия, расположенная за р. Халхин-Гол. Одновременно по тревоге была поднята в воздух вся авиация корпуса.

В 7 часов утра 3 июля первые группы бомбардировочной и истребительной авиации нанесли удары с воздуха по наземным частям противника и переправе через Халхин-Гол. Артиллерия также держала вражескую переправу под непрерывным обстрелом. Около 9 часов начали подходить передовые подразделения авангардного батальона 11-й танковой бригады. В 10 часов 45 минут главные силы бригады развернулись и с ходу атаковали противника. Завязалось так называемое «Баин-Цаганское побоище». Обе стороны дрались с большим ожесточением. И только к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было сломлено, и он начал поспешно отступать к переправе. Но она была взорвана японскими саперами, опасавшимися прорыва танков 57-го отдельного стрелкового корпуса. Солдаты и офицеры противника бросались в полном снаряжении в воду и тут же тонули. Противник потерял все танки, значительную часть артиллерии, 45 самолетов и около 10 тыс. человек. Велики были и потери 11-й танковой бригады: убита и ранена почти половина личного состава.

Противник явно не хотел смириться с поражением. 7–8 июля он предпринял попытку взять реванш, но, потеряв более 5 тыс. человек, отказался от своей затеи. Отход японских

войск вдохновил Жукова на более решительные действия. Он сформировал ударную оперативную группу в составе двух танковых, трех мотобронеевых бригад и стрелковой дивизии, которой поставил задачу нанести «короткий удар по противнику с целью разгрома», «занять главными силами свои прежние оборонительные позиции и выйти передовыми частями на государственную границу». Одному из полков 82-й стрелковой дивизии предстояло «нанести решительный удар в направлении: северный берег реки Хайластын-Гол и далее на северо-запад и выйти на прежние оборонительные позиции, выставив на государственной границе передовой отряд». Левее в том же направлении должен был наступать 149-й стрелковый полк. Остальным частям корпуса предписывалось активными действиями сковать противника и тем самым обеспечить наступление ударной группы. Частям 11-й танковой бригады предстояло занять исходное положение на песчаных буграх в 6 км восточнее р. Халхин-Гол и разгромить противника, его артиллерию и ближайшие резервы. Наступлению должна была предшествовать артиллерийская и авиационная подготовка.

Однако наступление 57-го особого стрелкового корпуса, предпринятое 9 июля, как и последующие его действия, успеха не имело. Жуков после «Баин-Цаганского побоища» явно переоценил состояние и настроение своих частей. Японцы вновь овладели инициативой, нанося чувствительные удары по советским войскам, которые с 8 по 12 июля потеряли около 3 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Так, 12 июля при организации разгрома прорвавшейся группы противника 36-я мотострелковая дивизия понесла значительные потери. Тогда же погиб командир 11-й танковой бригады комбриг М. П. Яковлев.

Тяжелые потери отрицательно сказались на моральном духе красноармейцев. Дело порой доходило и до прямого неповиновения командирам. Так, в ночь с 11 на 12 июля два батальона 603-го полка 82-й стрелковой дивизии без приказа дважды уходили с позиций. Полк пытался даже бунтовать. Не лучше обстояли дела и в других частях дивизии. Поэтому Жуков был вынужден заменить в этой дивизии командиров полков, батальонов, рот и даже взводов, призванных недавно из запаса, на командиров из состава хорошо зарекомендовавшей себя в предыдущих боях 36-й мотострелковой дивизии.

Командир корпуса не ограничился только заменой командиров, но и предпринял более жесткие меры по наведению порядка в войсках. 11 июля он подписал приказ, в котором «за проявленную бездеятельность при организации переправы, за бездеятельность при организации управления для боя – командиру полка т. Степанову, военному комиссару т. Мусину, начальнику штаба т. Нерот» объявил выговор и предупредил, что если «полк не будет организован, если командование и штаб будут бездействовать, буду ставить вопрос перед народным комиссаром обороны о предании суду военного трибунала». Некоторые бойцы были преданы суду военного трибунала, в том числе красноармейцы Никитин и Мальцев, которые 9 июля «в силу трусости, умышленно, с целью уклониться от военных обязанностей военной службы в боевой обстановке, выстрелом из винтовки легко ранили себя в левую руку». 13 июля оба красноармейца были приговорены военным трибуналом к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего принадлежащего им личного имущества{29}. Наряду с этим Жуков потребовал «прекратить вести бесцельный и неорганизованный огонь, расстреливая маловажные и мелкие цели ружейно-пулеметным огнем и малокалиберной артиллерией, подпуская противника на ближние дистанции, на верный выстрел. В случае появления перед фронтом крупных частей противника организовать сосредоточенный огонь всех видов оружия, чтобы противник был наверняка уничтожен системой огня»{30}.

Заместитель наркома обороны Кулик докладывал Ворошилову: «…12 июля являлось критическим днем и могло кончиться для нас потерей техники, артиллерии, а также значительной части людского состава, если бы противник повторил контратаку, потому что мы занимали кольцеобразный фронт, уцепившись за западные скаты бугров, и наступление про-

тивника на переправу грозило полным пленением и разгромом наших сил, так как никаких резервов для парирования удара не было»{31}.

К. Е. Ворошилов, недовольный действиями корпуса, послал 12 июля Г. К. Жукову телеграмму, содержащую нелицеприятные оценки его действий. Нарком обороны отмечал, что противник действует организованнее и тактически грамотнее, чем командир корпуса. Умело применяя снайперов и снайперские орудия, непрерывные мелкие наскоки днем и ночью, японцы наносят большой вред частям корпуса, держат инициативу в своих руках. Ворошилов, оценивая действия корпуса за последние дни как неправильные, указывал Жукову, что он не заботится об отдыхе людей, вводит подходящие подкрепления в бой с марша без тщательной подготовки, бросает танки ротами и батальонами на закрепившегося противника, что приводит к большим потерям, слабо использует противотанковую артиллерию, не умеет сочетать оборону с короткими ударами по слабым местам противника, неэффективно использует артиллерию, мало внимания уделяет организации взаимодействия между родами войск. В заключение нарком отмечал: «Поменьше нервничайте, не торопитесь «одним ударом» уничтожить врага, и мы разобьем противника с меньшей затратой своей крови»{32}.

Главный военный совет РККА, пытаясь улучшить управление войсками дальневосточного региона, принял 9 июля решение об образовании в Чите нового руководящего военного органа – фронтовой группы. Возглавил ее командарм 2-го ранга Г. М. Штерн, на которого возлагалась задача по объединению и направлению «действий 1-й и 2-й краснознаменных армий, Забайкальского военного округа и 57-го особого корпуса»{33}.

Г. М. Штерн, вступив в командование фронтовой группой, немедленно выехал в район боевых действий, чтобы на месте ознакомиться со сложившейся обстановкой. Обнаружив сосредоточение крупной группировки противника, он 13 июля предложил Г. И. Кулику: «Пока подойдут новые части и подтянутся слабые, уменьшить число наших частей на восточном берегу, но прочно занять два небольших плацдарма, обеспечивающие переправы, которые использовать в последующем для перехода в наступление». Г. И. Кулик сразу же приказал Г. К. Жукову вывести главные силы, технику, артиллерию на западный берег р. Халхин-Гол для приведения в порядок, оставив на противоположной стороне по одному усиленному батальону для обороны переправ. В создавшейся обстановке такое решение представлялось наиболее правильным, и Жуков отдал соответствующий приказ по корпусу. Однако на следующий день командира корпуса вызвал к прямому проводу начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, который в жесткой форме потребовал восстановить положение частей. Вслед за этим Ворошилов отменил приказ Жукова, требуя удерживать восточный берег реки при всех обстоятельствах{34}. Кулику было указано впредь не вмешиваться в оперативные дела корпуса, предоставив заниматься этим командованию корпуса и фронтовой группы.

19 июля Главный военный совет РККА решил «в целях укрепления руководства войсками, расположенными на территории МНР, переформировать управление 57-го особого корпуса в управление армейской группы с подчинением командующему фронтовой группы». Это новое формирование получило наименование «1-я армейская группа», командующим которой стал Г. К. Жуков{35}.

Таким образом, Жуков поднялся на новую ступень в пирамиде военной иерархии. Армейская группа являлась временным общевойсковым объединением, состоящим из соединений (частей) одного или нескольких родов войск, создаваемым для выполнения отдельных (частных) оперативных задач самостоятельно или в составе фронта (группы армий). Ранее уже отмечалось, что Георгий Константинович считался оперативно грамотным командиром, то есть ему по плечу было решение вопросов, связанных с подготовкой и ведением не только боя, но и операции.

Г. К. Жуков, получив серьезные упреки со стороны наркома обороны и начальника Генерального штаба, сделал для себя соответствующие выводы из опыта июльских боев. По указанию Георгия Константиновича приводились в порядок войска, улучшалось их материально-техническое и тыловое обеспечение, укреплялась воинская дисциплина, налаживалась учеба командиров и красноармейцев. В своих приказах Жуков требовал: разжаловать в рядовые тех младших командиров, которые проявили трусость в бою, неумело командовали своими бойцами; начать систематические занятия с частями, выведенными в резерв; проводить тактические занятия с учетом боевого опыта; провести тщательный разбор боевых действий со средним и старшим комсоставом.

Все вопросы приходилось решать в непростых условиях, так как противник не прекращал своих попыток восстановить утраченное положение. Так, утром 23 июля части 23-й пехотной дивизии и три кавалерийских полка при поддержке огня артиллерии и ударов авиации нанесли удар по левому флангу 1-й армейской группы. Противнику удалось вклиниться в расположение 149-го мотострелкового полка и стрелково-пулеметного батальона 11-й танковой бригады. Однако Жуков ввел в бой резервы 36-й мотострелковой и 82-й стрелковой дивизий и ликвидировал прорыв.

Японское командование, убедившись в бесплодности своих наступательных усилий, приняло в конце июля решение перейти к обороне на занимаемых рубежах, привести в порядок личный состав и материальную часть, чтобы подготовиться к намеченному на конец августа «генеральному наступлению». К 10 августа из числа прибывших на усиление частей и соединений была сформирована 6-я армия, насчитывавшая 55 тыс. человек, 500 орудий, 182 танка, около 1300 пулеметов и свыше 300 самолетов{36}.

К решительной схватке готовилась и 1-я армейская группа. По указанию Г. М. Штерна командующий и штаб группы должны были к 31 июля подготовить конкретные соображения по разгрому японской группировки в районе р. Халхин-Гол. На подготовку к операции отводилось 20 дней. Командующий фронтовой группой непосредственно занимался всеми вопросами, относящимися к подготовке операции по разгрому противника, не подменяя Жукова.

К началу решающей схватки сложилось следующее соотношение сил и средств сторон. По данным штаба 1-й армейской группы, японские и маньчжурские войска насчитывали 49,6 тыс. человек (по сведениям противника – 58 тыс. только японских солдат и офицеров), 186 орудий и 20 мортир, 110 противотанковых орудий, 130 танков, 30 бронеавтомобилей и 448 самолетов{37}. Эти силы занимали господствующие бугры по линии 15 км юго-восточнее Номон-Хан-Бурд– Обо, Нурен-Обо, песчаные бугры до горы Баин-Цаган. Всего протяженность фронта обороны, которая была хорошо подготовлена в инженерном отношении, особенно в центре боевого построения, составляла 40 км. Здесь были оборудованы блиндажи, ходы сообщения, лисьи норы, убежища для машин и щели для лошадей, проволочные заграждения. Перед линией обороны находились части прикрытия, а в глубине – сильный резерв (танковая бригада). На флангах располагалось до 5 полков баргутской конницы. Кроме того, в ходе боевых действий японское командование перебросило к Халхин-Голу караульный батальон из Хайлара, охранный отряд из Чанчуня и пехотный отряд.

По данным штаба 1-й армейской группы, в ее состав входили: 36-я мотострелковая (два полка), 82-я и 57-я стрелковые дивизии, 11-я и 6-я танковые бригады, 7, 8 и 9-я мотоброневые бригады, 212-я авиадесантная бригада, 4 дивизиона артиллерии РГК. Части 1-й армейской группы совместно с монгольскими войсками насчитывали 59 тыс. человек, 373 артиллерийских орудия, 194 противотанковых орудия, 396 танков, 300 бронеавтомобилей, 594 самолета (из них 100 с мелкими поломками){38}. Они превосходили противника по танкам в 3 раза, по самолетам – в 1,3, по артиллерийским орудиям – в 2 раза.

10 августа Штерн доложил наркому обороны конкретный замысел разгрома противника. Он предусматривал нанести главный удар правым флангом 1-й армейской группы и вспомогательный – ее левым флангом. Особенностью замысла на операцию являлось то, что ударные группировки нацеливались на наиболее уязвимые места в обороне противника – на фланги, где находились наименее стойкие части баргутской конницы и маньчжуры. Это предложение было поддержано Ворошиловым, который ограничил глубину удара, приказав не переходить границу, а закрепиться на командных высотах, не доходя до нее 4–5 км. Перед началом операции предписывалось провести предварительное уничтожение артиллерийским огнем и авиацией огневых точек и живой силы противника, во избежание лишних потерь при атаке. Штерну было запрещено подтягивать к границе войска 1-й и 2-й армий и проводить групповые налеты авиацией этих армий в районе границы{39}.

Для проведения операции были созданы три группы войск: Южная (командующий – полковник М. И. Потапов), Северная (командующий – полковник И. В. Шевников) и Центральная (командующий – полковник Д. Е. Петров). В резерве командующего 1-й армейской группой находились 212-я авиадесантная и 9-й мотоброневаая бригады, танковый батальон 6-й танковой бригады и бронебригада МНРА.

В соответствии с замыслом командующего фронтовой группой Г. К. Жуков предусматривал нанести силами Южной и Северной групп войск два охватывающих удара с флангов с целью окружения и уничтожения японских войск и предотвращения их отхода в Маньчжурию. Центральной группе предстояло сковать противника с фронта и содействовать своим главным силам в его разгроме. Исходя из этого, каждая группа войск получила конкретные задачи.

Южная группа должна была нанести удар своим правым флангом в направлении на Номон-Хан-Бурд-Обо, окружить и разгромить южную группировку противника и в дальнейшем овладеть высотами на южном берегу р. Хайластын-Гол. Центральной группе предписывалось оказать содействие Южной группе и выйти на южный берег р. Хайластын-Гол. Северной группе предстояло нанести удар своим левым флангом в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо и совместно с Южной группой окружить и уничтожить северную группировку противника. На две не полные по численности, но удовлетворительные по боеспособности монгольские кавалерийские дивизии возлагалась задача активно прикрывать фланги 1-й армейской группы. Резерв группы располагался в 8 км юго-западнее горы Хамар-Даба и готовился развить успех Южной или Северной групп войск.

Операция, в отличие от предшествующих боев, готовилась весьма тщательно. Штаб армейской группы во главе с М. А. Богдановым разработал ряд важных документов, в том числе «План подготовительных мероприятий». Он включал детальное изложение порядка сосредоточения войск, их переправы через Халхин-Гол, действий в исходном положении, последовательность проведения артиллерийской подготовки и атаки, мероприятия по противовоздушной обороне, маскировке операции и введению противника в заблуждение, порядок тылового, материально-технического и санитарного обеспечения войск, организации и поддержания устойчивого управления. По указанию штаба группы в частях и соединениях готовились таблицы сосредоточения войск и тыловых учреждений, плановые таблицы переправы, планы взаимодействия войск в бою, разведки, дезинформации и дезориентирования противника, боевые приказы и распоряжения, указания по связи и скрытому управлению войсками, памятки бойцам в обороне и наступлении. Кроме того, штаб ВВС 1-й армейской группы разработал «План боевых действий ВВС в подготовительный период» и «Плановую таблицу боевых действий частей ВВС 1-й армгруппы на 20 августа 1939 г.», а политический отдел 1-й армейской группы – «План по политическому обеспечению наступления». В целях обеспечения устойчивого управления войсками связь командного пункта 1-й армейской группы с командирами соединений осуществлялась двойной системой проводов.

Особое внимание было уделено проведению широкомасштабной дезинформации противника. С вечера 12 августа началось строительство окопов и позиций на участках частей и соединений первого эшелона, а на участках 36-й мотострелковой и 82-й стрелковой дивизий возводились ложные мосты. Всем бойцам 13 августа были розданы памятки об обороне, а из района 36-й мотострелковой дивизии была дана ложная телеграмма, содержавшая сведения о подготовке оборонительных работ. Одновременно с 2 часов ночи до 2 часов 45 минут с 14 по 17 августа передавались ложные сводки о проделанной работе по инженерному оборудованию местности. До 15 августа запрещалось проводить какие-либо сосредоточения на флангах. Выдвижение войск осуществлялось только в ночное время под шум моторов. С целью приучить противника «к шуму моторов и гусеничному шуму» южнее горы Хамар-Даба, в районе центральной переправы, осуществлялись демонстративные передвижения танков и тракторов до 16 августа включительно.

Начало операции было назначено на воскресенье, 20 августа. Командующий 6-й японской армией, введенный в заблуждение системой мер по дезинформации, не ожидал в ближайшие дни наступления советских и монгольских войск, а потому разрешил генералам и старшим офицерам воскресные отпуска.

Успех предстоящей операции во многом зависел от пополнения войск, их тылового и материально-технического обеспечения. Потери 1-й армейской группы (до этого – 57-го особого стрелкового корпуса) за период с 16 мая по 25 июля составили 5010 человек. За это время были почти израсходованы все боеприпасы, запасы продовольствия, горючего. Трудность состояла в том, что подвоз подкреплений и всего необходимого осуществлялся в условиях бездорожья и большой удаленности района боевых действий от железной дороги. Несмотря на это, в течение месяца на расстояние около 750 км на автомобилях было доставлено около 50 тыс. тонн различных грузов и до 18 тыс. человек{40}. Для усиления 1-й армейской группы были переброшены 6-я танковая бригада, части 57 и 65-й стрелковых дивизий, зенитный полк, авиадесантная бригада, другие соединения, части и подразделения различного назначения. К началу операции в районе боевых действий были созданы необходимые запасы: для наземных войск – до 6 боекомплектов и до 6 заправок горючего; для авиации – не менее 5 заправок для бомбардировщиков и 12–15 заправок – для истребителей. В Тамцак-Булаке для приема раненых развертывались дополнительные места на 1000 коек, а также еще один эвакуационный госпиталь.

20 августа в 5 часов 45 минут по позициям японских войск и их союзников был нанесен массированный бомбовый удар, в котором участвовало свыше 200 бомбардировщиков под прикрытием более 300 истребителей. Затем в течение 2 часов 45 минут более чем 200 орудий провели мощную артиллерийскую подготовку. За 15 минут до перехода в атаку пехоты и танков 45 бомбардировщиков нанесли повторный удар по противнику, а артиллерия сосредоточила огонь по его переднему краю обороны. В результате удалось подавить значительную часть артиллерийских и зенитных средств и уничтожить часть боеприпасов противника. В 9 часов советские войска совместно с монгольскими частями перешли в наступление, которое, как отмечалось в отчете штаба 1-й армейской группы, оказалось совершенно неожиданным для японского командования. С этим трудно согласиться, так как противник сумел быстро прийти в себя и оказал упорное сопротивление. Южная группа войск смогла к исходу дня овладеть большими песчаными буграми в 10 км юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо. Части 82-й стрелковой и 36-й мотострелковой дивизий продвинулись на отдельных участках только на 0,5–1 км. Северная группа войск на правом фланге захватила пески в 4 км восточнее горы Баин-Цаган, а левым флангом вышла к государственной границе. Продвижение в центре, где противник создал сильно укрепленную оборону, было незначительным. И только 23 августа Центральная группа войск сумела прорвать оборонительные позиции врага. Видимо, незначительное продвижение частей 1-й армейской группы создало у коман-

дира 23-й пехотной дивизии генерала Камацубары иллюзию того, что она ведет «назойливое наступление в направлении обоих флангов». Не видя в этом большой опасности, генерал Камацубара потребовал 22 августа от своих подчиненных, «громя на передних позициях противника», вести подготовку к последующему наступлению.

Ошибка генерала Камацубары стоила ему поражения. К исходу 23 августа войска 1-й армейской группы, пользуясь растерянностью противника, окружили 4 вражеских полка. К концу следующего дня противник оказался в полном оперативном окружении, имея лишь выход на северо-восток шириной 6–7 км, простреливаемый огнем артиллерии, танков и бронемашин. В ночь на 25 августа Жуков ввел в сражение из своего резерва 9-ю мотобронебригаду. Она нанесла удар в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо и овладела северным берегом р. Хайластын-Гол, превратив тем самым оперативное окружение в тактическое. В 14 часов 30 минут того же дня войска 1-й армейской группы перешли в общее наступление и, встречая лишь незначительное сопротивление противника, в течение двух дней завершили его разгром. В последующем, до 31 августа, продолжалось уничтожение уцелевших мелких подразделений.

Халхин-гольский «котел» до основания потряс Квантунскую армию: ее командование в полном составе было вынуждено подать в отставку. Как известно, попав в безвыходное положение, японское правительство запросило перемирия. В результате переговоров, проходивших в Москве между наркомом иностранных дел В. М. Молотовым и японским послом С. Того, обе стороны пришли к соглашению о том, что японо-маньчжурские и советско-монгольские войска 16 сентября в 14 часов по московскому времени прекращают всякие военные действия, оставаясь на занимаемых ими рубежах. Урок, преподанный японским войскам на берегах р. Халхин-Гол, отрезвляюще подействовал на японское правительство, которое не рискнуло напасть на СССР ни в 1941 г., ни позже.

Операция завершилась, и пора подводить итоги. В капитальном труде, подготовленном сотрудниками Генерального штаба и Военно-мемориального центра Вооруженных Сил Российской Федерации на основе архивных документов, отмечается, что японцы потеряли около 61 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, в том числе только убитыми около 25 тыс. человек. Потери советских войск составили: безвозвратные – 6472 человека убитыми и умершими от ран на этапах санитарной эвакуации, 1160 умершими от ран в госпиталях и от болезней, 2028 пропавшими без вести и 43 погибшими в катастрофах и в результате происшествий; всего 9703 человека, или 14 % от общей численности войск; санитарные потери – 15 251 раненый, контуженный и обожженный и 701 заболевший; всего 15 952 человека, или 23,1 % от общей численности{41}.

Что же нового дала операция советских войск в районе р. Халхин-Гол для развития военного искусства?

Об этом можно судить из выступления Г. К. Жукова в декабре 1940 г. на совещании высшего командного состава РККА. Он, оценивая итоги Халхин-гольской операции, отмечал, что первый период операции характеризовался полной неподготовленностью театра военных действий к войне, слабой подготовленностью 57-го особого стрелкового корпуса и абсолютно слабой готовностью к войне частей монгольской армии. Далее Георгий Константинович, говоря о «генеральной наступательной операции», проведенной 20–29 августа, сказал: «Эта операция является небольшой операцией, но она является современной операцией, достаточно поучительной как с точки зрения ее организации, материального обеспечения, так и ее проведения. К этой операции командование готовилось достаточно серьезно, она была продумана всесторонне как с точки зрения оперативной, так и с точки зрения материального обеспечения, с точки зрения оперативно-тактической внезапности».

К особенностям операции Георгий Константинович отнес: завоевание советской авиацией господства в воздухе; проведение мероприятий с целью достижения внезапности, тщательную маскировку и дезинформацию противника; организацию тесного взаимодействия танков, артиллерии, пехоты и авиации; применение большого количества бронетанковых частей. «В результате принятых мер удалось добиться того, – подчеркивал Жуков, – что оперативное окружение переросло в тактическое окружение и противник был действительно уничтожен в намеченном районе. Попытка противника нанести контрудар во фланг встретила организованное сопротивление, контрудар организованной обороны и танковой бригады». Эта операция учит тому, подчеркивал Жуков, что «техническое преимущество дало возможность нашей пехоте получить громаднейший эффект в современном сражении».

В то же время боевые действия на Халхин-Голе выявили и ряд недостатков: невысокая плотность артиллерии на 1 км фронта (3–5 орудий), что оказалось недостаточным для прорыва заблаговременно подготовленной обороны; слабая одиночная выучка бойцов; отсутствие твердых навыков в ведении ближнего боя; недостаточная подготовка к ведению ночных действий; слабая обученность стрелковых подразделений атаке укрепившегося противника и переходу в атаку с хода и др.

Боевой опыт, полученный в Халхин-гольской операции, нашел отражение в докладах командующего фронтовой группой Г. М. Штерна и военного совета 1-й армейской группы, представленных наркому обороны СССР в сентябре 1939 г. Кроме того, в 1940 г. был издан ряд книг, посвященных опыту боевых действий у р. Халхин-Гол{42}. На основе полученного опыта были выработаны рекомендации, которые легли в основу обучения войск. Выделим наиболее принципиальные из них: командиры всех степеней должны наблюдать за ходом боевых действий на направлении главного удара; авиационные командиры должны находиться на командных пунктах общевойсковых командиров; все усилия родов войск и авиации следует сосредоточивать для обеспечения действий пехоты; для непосредственного сопровождения танков необходимо выделять орудия, пулеметы и саперные подразделения; передовые наблюдательные артиллерийские пункты целесообразно располагать на командных пунктах командиров стрелковых батальонов; в составе стрелковых полков необходимо иметь минометные батареи.

В военной биографии Г. К. Жукова операция на р. Халхин-Гол сыграла поистине переломную роль. Он успешно справился с поставленной задачей, реализовав на практике идеи, заложенные видными военными теоретиками того времени. Однако это не означает, что ему одному принадлежит заслуга в подготовке и проведении Халхин-гольской операции. Эта версия берет свое начало с 5 июня 1940 г., когда в газете «Красная Звезда» была опубликована передовая статья под названием «Велики их заслуги перед Родиной». В статье говорилось следующее: «Звания генерала армии удостоены три славных командира: Герой Советского Союза Г. К. Жуков, Герой Советского Союза К. А. Мерецков и И. В. Тюленев. Генерал армии Г. К. Жуков – участник Гражданской войны, кадровый командир, последовательно прошедший ряд старших и высших должностей, обладающий широким оперативным кругозором. Когда 23-я японская дивизия генерала Камацубары переправилась через реку к горе Баин-Цаган, пытаясь углубиться на территорию дружественной нам Монгольской Народной Республики, она была разгромлена советскими танковыми частями. Здесь, по замыслу тов. Жукова, впервые самостоятельно действовали на поле боя крупные танковые массы. «Баин-Цаганское побоище» – под этим именем вошел в историю разгром японской дивизии. Генерал армии Жуков разработал и блестяще провел операцию полного окружения и окончательного уничтожения 6-й японской армии, вторгнувшейся в пределы МНР».

Вслед за «Красной Звездой» данное утверждение перекочевало в работы ряда исследователей и писателей. В частности, В. В. Карпов в своей книге «Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира» пишет: «Для самого Жукова это была первая круп-

ная армейская операция, которую он задумал и осуществил сам»{43}. Ему вторит А. Исаев: «Жукову удалось вывести советские войска в Монголии из глубокого кризиса, отразить наступление японцев, накопить силы и разгромить противостоящие ему японские войска в решительном сражении на окружение»{44}.

Как мы видим, ни слова не сказано о Г. М. Штерне, которому, как и Г. К. Жукову, за блестяще проведенную операцию было присвоено звание Героя Советского Союза. А ведь та же «Красная Звезда» в своей передовице «Мужество и героизм», опубликованной 30 августа 1939 г., отмечала: «В списке Героев Советского Союза заслуженно красуется имя командарма 2-го ранга Г. М. Штерна. Выдающийся военачальник, талантливый ученик тов. Ворошилова, руководитель боев у озера Хасан, Григорий Михайлович Штерн блестяще выполнил боевое задание. Один из замечательных военных деятелей нашей партии, член ее Центрального Комитета – он являет собой образец мужественного большевика, боевого руководителя войск». Прошло время, и о Штерне забыли, тем более что его арестовали по ложному обвинению и без суда и следствия расстреляли в октябре 1941 г.

Не найдем мы и ни одного доброго слова о заместителе наркома обороны Г. И. Кулике, который со знанием дела анализировал боевую деятельность частей и соединений 1-й армейской группы, выдвигал конкретные и аргументированные предложения по улучшению их боевой подготовки и применения в бою. Однако Кулика постигла та же участь, что и Штерна. Его арестовали 11 января 1947 г., обвинили в организации заговорщической группы для борьбы с советской властью и расстреляли 24 августа 1950 г. Забыли и начальника штаба 1-й армейской группы комбрига М. А. Богданова. Ему также не повезло. В начале Великой Отечественной войны он был снят с должности командира дивизии и направлен командовать полком.

Так и продолжает в новых книгах жить старая версия о единоличном авторе Халхин-гольской операции – Г. К. Жукове. Но такой подход только вредит ему, а не идет на пользу. Наша цель избежать этого пути, а потому мы в своем повествовании стараемся строго следовать архивным документам.

31 августа 1939 г., как уже отмечалось, войска 1-й армейской группы завершали ликвидацию отдельных подразделений японской 6-й армии, а на следующий день на Западе, вдали от монгольских степей, разразилась Вторая мировая война. За ее событиями Жуков мог наблюдать только из Улан-Батора, куда он переехал вместе с прибывшей в Монголию семьей.

Германская армия, совершив 1 сентября внезапное нападение на Польшу, быстро разгромила ее войска. К тому времени руководство Советского Союза провело в жизнь мероприятия, направленные на повышение боеготовности своих Вооруженных Сил. 19 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о развертывании новых войск, а 22 августа нарком обороны Ворошилов обратился в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой разрешить произвести обеспечение войск вооружением и боевой техникой «из неприкосновенных запасов». 2 сентября Совнарком СССР утвердил план реорганизации Красной Армии на 1939–1940 гг., предусматривавший иметь в составе Красной Армии 173 стрелковые дивизии, а общую численность армии мирного времени довести до 2265 тыс. человек{45}.

17 сентября части Красной Армии перешли восточную границу Польши и в соответствии с советско-германским секретным протоколом от 23 августа вышли на рубеж рек Нарев, Западный Буг, Сан. Западные области Белоруссии и Украины, входившие в состав Польши, были присоединены к СССР. 28 сентября между Германией и СССР был подписан «Договор о дружбе и границе», после чего советское руководство фактически свернуло антифашистскую пропаганду в стране и во внешнем мире, что, естественно, играло на руку агрессору. В тот же день правительство СССР заключило договор о взаимной помощи с Эстонией, а позднее подобные договоры были подписаны с Латвией и Литвой. Советский

Союз получал право размещать в республиках Прибалтики свои войска и создавать на их территории военно-морские и военно-воздушные базы, что было оговорено в специальных военных конвенциях.

В конце ноября 1939 г. началась советско-финляндская война. Войска Ленинградского округа ввязались в тяжелые бои, принявшие затяжной характер. 11 февраля 1940 г. красноармейские части предприняли очередное наступление на Карельском перешейке и прорвали «линию Маннергейма», вынудив Финляндию подписать в марте мирный договор. В ходе этой войны выявились крупные недостатки в организации, подготовке и управлении частями и соединениями Красной Армии. Поэтому К. Е. Ворошилов в мае был смещен с должности наркома обороны, а на его место назначен командующий Киевским Особым военным округом С. К. Тимошенко, сразу ставший Маршалом Советского Союза.

В это время немецкие войска успешно осуществляли свой «блицкриг» на Западноевропейском театре военных действий. 9 апреля 1940 г. они совершили нападение на Данию и Норвегию, 10 мая нанесли удар по Франции через Люксембург, Бельгию и Нидерланды. 10 июня в войну против Франции и Англии вступила Италия, а 22 июня в лесу под Компьеном был подписан акт о капитуляции Франции.

Таковы кратко события, происходившие на мировой арене. А что же наш герой? В мае 1940 г. он получил новое назначение – командующим Киевским Особым военным округом. В результате Г. К. Жуков стал военачальником оперативно-стратегического масштаба. Это назначение не свидетельствует о том, что Георгий Константинович перешагнул какие-либо ступени служебной лестницы. Ведь он в свое время был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа и успешно командовал армейской группой.

В Киевском Особом военном округе на командных и штабных должностях находились в большинстве своем опытные кадры, избежавшие репрессий. Начальником штаба был генерал-лейтенант М. А. Пуркаев, всесторонне знавший свое дело, человек высокой культуры. С ним Жуков работал вместе в Белорусском военном округе. Артиллерией округа командовал генерал Н. Д. Яковлев, крупный специалист в области техники и боевого ее применения. С двумя командующими армиями – генералами И. Н. Музыченко и Ф. Я. Костенко – Жукову довелось длительное время служить в 4-й Донской казачьей дивизии. Начальником оперативного отдела штаба округа был полковник П. Н. Рубцов, которого Жуков знал по центральному аппарату Наркомата обороны. Его, правда, в скором времени заменил однокашник Жукова по Высшей кавалерийской школе полковник И. Х. Баграмян, оперативно грамотный, вдумчивый, спокойный, трудолюбивый. Ну, а начальником снабжения округа оказался бывший сослуживец Жукова, которого Георгий Константинович в разгар репрессий отстоял от наветов, – В. Е. Белокосков.

На новом месте Г. К. Жукову пришлось снова заниматься уже привычным делом – наводить порядок в войсках, ибо за годы репрессий дисциплина и исполнительность в Красной Армии резко упали, во многих частях и соединениях царил полный развал порядка.

Прежде чем продолжить наше повествование, сделаем небольшое отступление. Говоря о том, что Георгию Константиновичу при каждом новом назначении приходилось сталкиваться с массой недостатков в боевой подготовке войск и в состоянии воинской дисциплины, мы не склонны обвинять в этом его предшественников. В том состоянии, в котором оказывались те или иные части, соединения и объединения, которыми приходилось командовать Жукову, находились и другие войска Красной Армии. Для этого достаточно проанализировать приказы наркома обороны и командующих войсками военных округов по итогам прошедшего года и задачам на новый год. Например, в директиве командующего войсками Киевского Особого военного округа от 23 мая 1940 г. отмечалось, что командиры и штабы недостаточно усвоили методику оценки обстановки, не умеют планировать операцию и бой, не полностью отрабатывают вопросы организации взаимодействия родов войск на поле боя,

особенно наземных войск с авиацией, не умеют правильно формулировать свое решение и отдавать четкие приказы, не овладели искусством управления войсками в сложных условиях боя{46}. Акцентируя внимание на этих недостатках, мы преследуем только одну цель – показать, что Жуков не приходил на все готовое, а вынужден был, как и другие командиры, бороться со многими негативными явлениями, которые были свойственны Красной Армии в то время.

Твердую руку в округе ощутили сразу же. Жуков взялся за решительное искоренение случаев неисполнения приказаний, массовых самовольных отлучек бойцов из частей, коллективных пьянок красноармейцев и командиров. Командиров и комиссаров, не принимавших мер по искоренению всех этих позорящих армию фактов, командующий округом снимает с должности и ходатайствует перед наркомом обороны о предании их суду военного трибунала.

Жуков не сидит на месте, а осуществляет постоянный контроль на местах, как идет боевая учеба. Он организует с работниками штаба округа крупные командно-штабные учения, а затем – командно-штабную полевую поездку со средствами связи в район Тернополя, Львова, Владимир-Волынского, Дубно. Именно туда, где в 1941 г. войска вермахта по плану «Барбаросса» нанесли на Украине свой главный удар.

И вновь приходится руководить войсками в боевых условиях. В июне 1940 г. на территорию Литвы, Латвии и Эстонии в соответствии с договорами о взаимной помощи были введены части Красной Армии. Под контролем чрезвычайных уполномоченных правительства СССР А. А. Жданова, А. Я. Вышинского и В. Г. Деканозова в Литве, Латвии и Эстонии произошла немедленная смена правительств, а затем состоялись выборы в сеймы, провозгласившие установление советской власти и вхождение прибалтийских республик в состав СССР.

Вслед за Прибалтикой пришел черед Бессарабии и Северной Буковины. 26 июня советское правительство передало румынскому представителю ноту, в которой предлагалось «приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу»{47}. Однако правительство Румынии заняло уклончивую позицию, вызвав тем самым более жесткое требование: вывести все войска с «территории Бессарабии и Северной Буковины в течение четырех дней, начиная с 14 часов по московскому времени 28 июня».

Задача по освобождению «Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии» была возложена на войска Южного фронта, созданного из трех армий: 12-й – под командованием генерал-майора Ф. А. Парусинова, 5-й – под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко (Киевский Особый военный округ) и сформированной из войск Одесского военного округа 9-й армии под командованием генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Командование Южным фронтом возлагалось на Г. К. Жукова. После долгих переговоров румынское правительство все же согласилось вывести свои войска из Северной Буковины и Бессарабии.

По воспоминаниям Г. К. Жукова, чтобы избежать нежелательных инцидентов при отводе румынских войск, стороны договорились о следующем: Румыния будет отводить свои войска на 20 км в сутки, а Красная Армия соответственно такими же темпами будет продвигаться вперед на освобождаемую территорию. При этом румынская сторона обязывалась оставить в неприкосновенности железнодорожный транспорт, оборудование заводов, материальные запасы.

Однако вскоре командованию Южного фронта стало известно, что румыны, не выполнив обязательств, начали спешно вывозить с освобождаемой территории все, что только можно. «Чтобы пресечь эти нарушения договорных условий, мы решили выбросить две воздушно-десантные бригады на реку Прут и захватить все мосты через реку, – вспоминал Геор-

гий Константинович. – Двум танковым бригадам была поставлена задача: обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут. Совершив стремительный марш-бросок (около 200 километров), наши танковые части появились в районах высадки десантов одновременно с их приземлением. Среди румынских частей, местных властей, всех тех, кто стремился скорее удрать в Румынию, поднялась паника. Офицеры, оставив свои части и штабное имущество, также удирали через реку. Короче говоря, королевские войска предстали перед советскими войсками в крайне плачевном состоянии и продемонстрировали полное отсутствие боеспособности»{48}.

На другой день после этого Г. К. Жукова по ВЧ вызвал И. В. Сталин, который сообщил о поступившей от посла Румынии жалобе на то, что советское командование, нарушив заключенный договор, выбросило воздушный десант на реку Прут, отрезав все пути отхода. Посол утверждал, что советское командование высадило «с самолетов танковые части и разогнало румынские войска». Жуков доложил Сталину о принятых им мерах и сказал, что танки по воздуху не перебрасывал, так как для этого нет специальных самолетов. По-видимому, добавил он, «отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха». Сталин рассмеялся и сказал: «Соберите брошенное оружие и приведите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта – берегите его. Я сейчас дам указание Наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству».

В начале августа 1940 г. на VIII сессии Верховного Совета СССР были приняты законы, юридически оформившие включение в состав Советского Союза трех республик Прибалтики и образование Молдавской ССР.

Поход войск Южного фронта в Бессарабию и Северную Буковину выявил значительные недостатки в их подготовке и обучении. В своей директиве от 17 июля Жуков выделил: плохую организацию штабами марша и службы регулирования; отсутствие в наземных войсках средств связи с авиацией; неумение осуществлять маскировку при расположении на отдых и вести наблюдение за воздухом; невысокую степень подготовки красноармейцев и конного состава к совершению длительных и особенно ночных маршей; слабую организацию артиллерийской разведки; недостаточную отработку взаимодействия танков с пехотой и артиллерией; неудовлетворительную подготовку понтонных и саперных батальонов к организации переправ и наведению мостов; отсутствие должной воинской дисциплины, что привело к большому количеству нарушений порядка и чрезвычайных происшествий{49}.

Под руководством Жукова был разработан комплекс мероприятий, направленный на совершенствование боевой подготовки войск округа. В целях выработки скорости и оперативности в выполнении боевых задач проводились систематические тренировки подъемов по тревоге. Отныне только по тревоге поднимаются войска на полевые учения. В тактической подготовке начсостава и войск упор делается на отработку наступательного боя с преодолением полосы заграждения и крупных водных преград, оборонительного боя с устройством полосы заграждения, разведки. Марши и боевые действия механизированных соединений и частей отрабатываются в трудных условиях местности: лесисто-гористой, болотистой и песчаной. Особое внимание уделяется организации противотанковой и противовоздушной обороны. В подготовке штабов и совершенствовании управления войсками за основу берется управление по радио и с помощью самолетов.

В сентябре 1940 г. в округе проводится командно-штабное учение с привлечением штабов 6-го стрелкового, 4-го механизированного корпусов и 15-й смешанной авиационной дивизии по отработке вопросов организации прорыва обороны противника, обеспечения ввода в прорыв механизированного корпуса, взаимодействия родов войск в ходе боя. В октябре состоялось опытное учение 4-го механизированного корпуса, на котором решались задачи по преодолению противотанковых районов, водных преград, нанесению последовательных контрударов для разгрома противника по частям и др. Темп боевой учебы посто-

янно возрастал. М. Т. Калашников, наш выдающийся конструктор-оружейник, в конце 30-х годов проходивший службу в должности механика-водителя, вспоминал: «…За два года перед этим мы не «наездили» столько, сколько летом и осенью предвоенного сорокового. Днем и ночью мы утюжили гусеницами полигон, совершали марши на большие расстояния. Наши танки находились под непрерывным боевым напряжением, и содержать их постоянно в рабочем состоянии было для нас, механиков-водителей, нелегко»{50}.

Напряженная повседневная работа Г. К. Жукова вскоре принесла свои плоды. Нарком обороны С. К. Тимошенко, проверявший в сентябре войска Киевского Особого военного округа, остался доволен действиями на учениях 41 и 99-й стрелковых дивизий, а штаб 37-го стрелкового корпуса за отличную выучку был награжден переходящим Красным Знаменем Генерального штаба Красной Армии.

Одним из серьезных испытаний для Жукова стало его выступление с докладом на тему «Характер современной наступательной операции» в декабре 1940 г. на совещании высшего командного состава Красной Армии. До этого Георгию Константиновичу не приходилось заниматься разработкой крупных теоретических вопросов, тем более касающихся подготовки и проведения наступательных операций армейского и фронтового масштаба. Да, практический опыт у него был, но военные действия у р. Халхин-Гол по своему размаху не выходили за рамки оперативно-тактического масштаба. Это было обусловлено тем, что район конфликта имел по фронту около 80 км и в глубину от 10 до 20 км.

Г. К. Жуков, получив задание от Генерального штаба подготовить доклад, стал перед серьезной дилеммой. Задание было весьма ответственным, а времени у командующего войсками округа для теоретического анализа и обоснования своих идей, убеждений и военного опыта было явно недостаточно. Помог полковник И. Х. Баграмян, преподававший ранее в Военной академии Генштаба. Он вспоминал, что, попросив его помочь подготовить доклад, Георгий Константинович с увлечением стал излагать свою точку зрения: «Все должно строиться на учете реальных возможностей. Успехи немцев на Западе, основанные на массированном применении танковых и моторизованных войск и авиации, заставляют о многом задуматься. У нас, к сожалению, пока нет таких крупных оперативных механизированных соединений. Наши механизированные корпуса находятся еще только в стадии формирования. А война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные планы, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня»{51}.

В своих мемуарах Жуков высоко оценил помощь Баграмяна. Кроме него, к разработке доклада был привлечен прибывший в округ на стажировку выпускник Академии Генштаба подполковник Г. В. Иванов. Из текста доклада видно, что при его подготовке использовались серьезные теоретические труды, в том числе работа известного военного теоретика В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий»{52}.

На совещании высшего командного состава РККА были собраны руководящие сотрудники Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники Центральных управлений, командующие, члены военных советов и начальники штабов военных округов, армий, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск, командиры некоторых корпусов, дивизий – всего более 270 человек{53}. Участники совещания заслушали доклады начальника Генерального штаба РККА генерала армии К. А. Мерецкова на тему «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего комсостава», начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова «Военно-Воздушные Силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе», командующего войсками Московского военного округа генерала армии И. В. Тюленева «Характер современной оборонительной операции», командующего войсками Западного Особого военного округа генерала армии Д. Г. Павлова «Использование

механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв», генерал-инспектора пехоты генерал-лейтенанта А. К. Смирнова «Бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне».

Мы не будем касаться всех этих выступлений, так как нас интересует прежде всего доклад Жукова. Он кратко охарактеризовал общие условия ведения современной наступательной операции, опыт современных войн и развитие вооруженных сил. В докладе подчеркивалось, что развитие передовых армий осуществляется по линии создания наступательных средств ведения войны: крупных военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, механизированной артиллерии. В результате широкого внедрения в армии современных технических средств оперативное искусство, по мнению Жукова, получило такие могучие факторы, как скорость и сила удара. На основе этих технических средств, на основе этих факторов «значительно увеличились оперативная и тактическая внезапность, маневренность и дальнобойность операций». Операции и бои стали проводиться высокими темпами, с большой динамичностью и завершаться более решительными результатами. Быстрота развития операций, как показали последние опыты сражений, достигается главным образом благодаря внезапному, смелому и массовому применению авиации, авиадесантов, танковых и моторизованных соединений. Все это позволяет не только окружать противника в условиях маневренной войны, но и уничтожать, прорывая сильно укрепленные и развитые на большую глубину полосы обороны. Успешное развитие прорыва, перерастание его из оперативного успеха в успех стратегический стало возможным также благодаря возможностям современной техники, применяемой в массовом масштабе. Одновременно значительно усложнилось управление войсками, но количественное и качественное развитие беспроволочных средств связи в свою очередь дает полную возможность командованию всех степеней иметь в своих руках постоянное, твердое управление войсками.

Анализируя опыт последних войн, Георгий Константинович выделил наиболее характерные черты для современного оперативного искусства. Так, опыт войны в Испании показал, что республиканская армия широко применяла оборонительные действия на всех фронтах. В то же время наступательные операции имели исключительно ограниченные цели, ограниченные задачи и чаще всего организовывались с целью оттягивания генерального удара противника. Те наступления, которые проводили республиканцы, были очень плохо материально и технически обеспечены по вполне понятным причинам и не могли дать большего успеха, чем дали. В отличие от республиканцев, армия генерала Ф. Франко имела значительное превосходство в авиации и артиллерии, а также большое количество (до 100 тыс. человек) итальянских и немецких войск. Все это позволило Франко организовывать и проводить ряд последовательных наступательных операций с решительной целью.

В войне с Китаем японская армия обладала явным техническим и материальным превосходством. Несмотря на это, японское командование не сумело провести ни одной поучительной современной операции. Причинами этого, по мнению Жукова, явились рост национального самосознания китайского народа и жгучей его ненависти к японцам, огромная территория и трудности местности, изнуряющие действия китайских партизан в тылу японских войск. Кроме того, китайской армии помог конфликт и разгром японцев на р. Халхин-Гол, заставивший японцев держать на советской границе всю Квантунскую армию и привлекать на операции на р. Халхин-Гол лучшие части воздушных сил и громадные средства материального обеспечения, а в последующем японское командование вынуждено было снимать с китайского фронта артиллерийские и пехотные части.

Об опыте боевых действий на р. Халхин-Гол говорилось ранее, а потому посмотрим, как Жуков оценивал опыт советско-финляндской войны. Он отмечал, что советское командование на Карельском перешейке впервые в современной военной истории показало искусство прорыва мощных укрепленных полос, применив для прорыва «могущественную совре-

менную технику, какую дает нам страна, дает нам социалистическая промышленность». Однако в первый период наступательные действия частей Красной Армии были характерны совершенно неудовлетворительной подготовкой наступательной операции, и, как следствие, операции в первый период были сорваны. При этом сказались и условия местности, которые характеризовались бездорожьем, глубоким снегом, а также сильные морозы. Опыт советско-финляндской войны, по мнению Георгия Константиновича, учит тому, что необходимо заблаговременно «подготовиться к сокрушительным, уничтожающим и организованным действиям нашей армии, несмотря на то, в какие условия (маневренного, позиционного или иного характера) наша армия будет поставлена».

Из опыта военных действий вермахта на Западе Георгий Константинович выделил следующие поучительные моменты: смелое и решительное применение танковых дивизий и механизированных корпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника; решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и их самостоятельные действия в оперативном тылу противника; массовое применение парашютных десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближайшем и глубоком тылу противника; тесное взаимодействие пехоты, артиллерии, танков и авиации при прорыве укрепленных районов; высокие темпы наступления по 16–20 км в сутки; применение шпионской агентуры и диверсионных групп для нарушения управления, коммуникаций противника.

Резюмируя все сказанное, Жуков отметил, что современные условия характеризуются наличием мощных технических средств борьбы, позволяющих наступающему:

«1. В тесном взаимодействии авиации, танковых частей, артиллерии и стрелковых войск уничтожить не только полевую оборону, но и, как это показано на деле, прорвать современную укрепленную полосу.

2. Прорвав тактическую оборону, введя мощную подвижную группу, нанести решительное поражение оперативным резервам и развить успех оперативный в успех стратегический.

3. Мощным и внезапным ударом разгромить авиацию противника на всю глубину оперативно-стратегического удара и завоевать господство в воздухе».

Здесь прервем выступление Жукова и отметим, что он в целом верно оценил опыт военных действий на Западе. Все то новое, что применяла германская армия, она впоследствии с успехом использует при нападении на Советский Союз. К сожалению, следует отметить, что те поучительные моменты, о которых говорил Георгий Константинович, были не полностью учтены при подготовке Красной Армии к возможной войне, что отрицательно сказалось на исходе приграничных сражений летом 1941 г.

В своем докладе Жуков кратко остановился и на вопросах организации современной обороны. Он выделил следующие ее характерные черты: строительство в мирное время на всех важнейших участках государственной границы укрепленных районов и глубоких позиций полевой обороны с противотанковыми, противопехотными и иными препятствиями; развитие современной обороны на всю оперативно-стратегическую глубину с целью не только отразить удары ВВС противника на всю глубину своего расположения, не только измотать наступающего на подступах к обороне, но и, расколов, измотав и ослабив наступающего, нанести ему поражение.

После этого Жуков перешел к изложению характера современной наступательной операции. Он считал, что при современной протяженности фронтов и их оперативно-стратегической глубине невозможно отдельными, изолированными друг от друга по времени и месту ударами сокрушать эти фронты. «Современная наступательная операция может рассчитывать на успех лишь в том случае, – подчеркивал Георгий Константинович, – если удар будет нанесен в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения,

с выброской крупных подвижных сил на фланг и тыл основной группировки противника. Одновременно с действиями на решающих направлениях наступательным и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на возможно широком фронте. Только такая наступательная операция может в относительно короткие сроки привести к окружению и разгрому основной массы сил противника на всем фронте предпринимаемого наступления».

При этом Жуков отметил, что не всегда можно достигнуть победы одной операцией, как это иногда при благоприятных условиях достигалось в операциях на Западе. «Потребуется ряд крупных наступательных операций, проводимых последовательно одна за другой по принципу – бить противника по частям, – говорил Георгий Константинович. – Для обеспечения успеха подготовка и выполнение каждой решительной операции должны сопровождаться организацией вспомогательных наступательных операций на соседних участках стратегического фронта. В условиях нашего Западного театра военных действий крупная наступательная операция со стратегической целью, мне кажется, должна проводиться на широком фронте, во всяком случае, масштаба 400–450 км. Мощность первого удара должна обеспечить разгром не менее одной трети – одной второй всех сил противника и вывести наши силы в такую оперативную глубину, откуда создавалась бы реальная угроза окружения остальных сил противника, а для этого, если на таком фронте организуется наступательная операция, общая ширина участков главного удара в предпринимаемой операции должна быть не менее 100–150 км». Для проведения такой операции, по мнению Жукова, потребуется сосредоточение мощных сил и средств: 85–100 стрелковых дивизий, 4–5 механизированных корпусов, 2–3 кавалерийских корпуса и 30–35 авиационных дивизий.

Большое значение для окружения и разгрома основных сил противника, по мнению Жукова, имели глубина операции и возможные темпы ее проведения. «Глубина непрерывно следуемых друг за другом ударов и темпы оперативного продвижения наступающего, особенно его подвижных войск, должны обеспечить необходимое пространство и свободу маневров для изоляции и окружения главных сил противника прежде, чем последние успеют уйти из-под занесенных ударов, – считал Георгий Константинович. – Удары авиации должны развернуться на таком пространстве, чтобы подавить в районах аэродромного базирования основную массу авиации противника, нанести ей поражение, нарушить подвоз по железным и грунтовым дорогам, парализовать всю систему быстрого продвижения в оперативную глубину, должны сковать оперативные действия сил противника в тылу и исключить возможность их оперативного маневрирования».

Общая глубина операций, по мнению Жукова, будет различная в зависимости от многих факторов, в том числе от условий обстановки и поставленной задачи. В среднем глубина фронтовой операции, возможно, составит 200–300 км, а в отдельных случаях и более. «Ближайший удар фронта, мне кажется, должен исходить из задачи разгрома основной группировки противостоящего противника, – говорил он. – И если мы посмотрим на оперативную и стратегическую группировку противника, на его оборону, то эта самая основная группировка будет как раз находиться в полосе, в зоне порядка 150–200 км. И вот мне кажется, что глубина первого и ближайшего удара фронта, первое усилие фронта для уничтожения группировки противостоящего противника должны быть нацелены на уничтожение этой группировки. Конечно, последующие удары и вместе с этим связанное дальнейшее развитие операций будут значительно глубже, и, как показал опыт, операция эта может иметь даже размах стратегический, если противник первым ударом будет не только смят, разгромлен; если он не будет способен организовывать на тыловых оперативных рубежах сопротивление, не будет способен зацепиться за рубежи, оказать сопротивление, его, конечно, надо гнать до полного уничтожения, надо добиваться одним ударом полного стратегического успеха».

Темпы развития наступательных операций, по мнению Георгия Константиновича, будут зависеть от обстановки, сопротивления противника, состояния войск, соотношения сил и условий материального обеспечения. Исходя из опыта последних войн, он предполагал, что скорость продвижения общевойсковых соединений при прорыве сильно укрепленной обороны составит от 3 до 15 км в сутки, а на отдельных этапах операции – 25–30 км в сутки. В среднем же темп наступления на всю глубину операции не будет превышать 10–15 км. Исходя из среднего темпа развития операции, общая длительность операции на глубину 200 км составит, таким образом, 12–20 дней, в особо благоприятных условиях она может быть закончена и раньше.

В докладе отмечалось, что ведение большой наступательной операции под силу только мощным группам армии, фронтовым объединениям. «Фронтовая операция, как правило, развертывается на нескольких операционных направлениях и стремится к достижению крупной стратегической цели, влияющей на ход всей войны, – говорил Жуков. – Достижение стратегической цели потребует разрешения ряда промежуточных оперативных задач, о чем я докладывал. Каждая из этих промежуточных задач обычно составит содержание отдельных этапов фронтовой операции. Промежуточные задачи фронтовой операции разрешают проведением ряда последовательных армейских операций. Фронтовое командование объединяет, организует действия нескольких армий и мощных групп подвижных войск и фронтовой авиации. Следовательно, фронтовое командование является главным организатором операции, на него ложатся все трудности, связанные с подготовкой и проведением современных крупных наступательных операций. Армейская наступательная операция обычно развертывается на одном операционном направлении, является производной от замысла и плана фронтовой операции».

Далее в докладе излагались основные оперативные формы удара (маневра) в наступательной операции. Жуков считал, что первоначальные исходные операции чаще всего начнутся с фронтальных ударов. Проблема наступления будет состоять в том, чтобы сначала прорвать фронт противника, образовать фланги и затем уже во второй фазе перейти к широким маневренным действиям. Условия для оперативного обхода, охвата и ударов по флангам будут создаваться в ходе самой наступательной операции. Во фронтальном наступлении прорыв может быть осуществлен: центром, на нескольких несмежных участках фронта, одним из крыльев или обоими крыльями. Каждая из этих форм имеет свои особенности.

«Прорыв центром предусматривает сосредоточенный удар нескольких армий на одном решающем направлении с задачей пробить в расположении противника широкую брешь с тем, – отмечал Жуков, – чтобы в дальнейшем, развивая удары, провести охватывающий маневр подвижными войсками по окружению одной из разорванных на две части групп противника. Подобный удар в силу своей мощности обеспечивает пропуск в прорыв подвижной группы фронтового масштаба. Но вместе с тем эта форма удара для наступающего имеет ряд недочетов: она требует широко развитой и сосредоточенной железнодорожной сети, дает противнику возможность сосредоточить свои силы и средства для контрудара с других направлений, что при наличии у противника крупных ВВС и мотомехсоединений может уравновесить соотношение сил участка прорыва и быстро его ликвидировать».

В то же время, по мнению Георгия Константиновича, прорыв на нескольких несмежных участках фронта имел ряд существенных преимуществ. Одновременный прорыв фронта на нескольких важнейших операционных направлениях «приводит к потрясению противника на широком фронте и создает благоприятные условия для окружения и разгрома противника или уничтожения по частям». Прорыв обороны противника одним из крыльев фронта выгоден, если в результате разгрома одного из флангов создаются выгодные исходные условия для последующего удара во фланг и в тыл основной группировки противника.

Однако наилучшие условия концентрического наступления двух ударных группировок по сходящимся направлениям будут достигнуты прорывом вражеской обороны обоими крыльями фронта. Необходимой предпосылкой такого маневра является наличие слабых флангов противника, позволяющих после их разгрома ударными фланговыми кулаками взять расположение противника в сильные «клещи» и разгромить его путем окружения на поле сражения. По мнению Жукова, необходимо стремиться к тому, чтобы осуществить обход флангов противника крупными силами и настолько глубоко с целью обеспечить окружение и разгром войск всего оперативного построения противника. При этом «глубина замаха обхода» должна в среднем быть не менее 20–30 км.

Для развития тактического прорыва в оперативный Жуков предлагал придавать ударным армиям группы подвижных войск. По опыту действий немецкой армии в Польше подвижная группа включала от танковой дивизии до мотомеханизированного корпуса, а в Бельгии и Франции использовалась подвижная армия, которая выполняла задачи фронтового назначения. В тех случаях, когда армия не будет иметь подвижной группы, развитие прорыва в глубине может осуществляться ударными корпусами (пехотой и танками) и резервными соединениями.

По расчетам Жукова, в качестве эшелона развития прорыва на каждую ударную армию потребуется до одного механизированного или усиленного кавалерийского корпуса. В интересах фронтовой задачи необходимо вводить на глубину до 150 км мощную группу подвижных войск – конно-механизированную или мотомеханизированную армию. Такая подвижная армия должна разгромить в оперативной глубине обороны не только ближайшие оперативные, но и более глубокие фронтовые резервы противника, а главное, сохранив свободу действий, исключить у противника всякую возможность оперативного маневра и организации нового сопротивления. Эта подвижная группа (армия) должна включать два механизированных, один-два кавалерийских корпуса и соответствующее количество авиации. Кроме того, командующий фронтом должен для взаимодействия с подвижной армией использовать авиадесантные соединения и своевременно усилить ее 2–3 стрелковыми дивизиями. Наряду с фронтовыми резервами необходимо иметь резервную армию, на которую возлагается задача по парированию контрударов, предпринимаемых крупными силами противника в процессе ведения операций, обеспечению флангов и наращиванию сил в ходе операции. Основой успеха операции Жуков считал достижение господства в воздухе смелым и внезапным мощным ударом всех ВВС по авиации противника в районах ее базирования.

По мнению Георгия Константиновича, ударная армия должна быть способной прорвать фронт противника шириной в 20–30 км и обеспечить немедленное безостановочное развитие тактического прорыва в оперативный. Оперативный прорыв считался завершенным в том случае, если будут разгромлены главная группировка противника, его оперативные резервы, а также будет исключена возможность использования противником оборонительной полосы для восстановления фронта. Армейская операция заканчивается разгромом противника и выходом на рубеж, удаленный от исходного положения на 100–150 км. Для успешного решения этой задачи необходимо было иметь следующие плотности: одна стрелковая дивизия на 2,5–3 км; 60 орудий и до 40 танков на 1 км.

Жуков, развивая идеи Триандафиллова, считал, что на решающих направлениях фронта должны действовать ударные армии или главные группировки фронта. «Каждая ударная армия должна располагать такими силами и средствами подавления, – говорил Георгий Константинович, – которые обеспечивали бы ей осуществление оперативного прорыва фронта противника и вместе с тем – надежное преодоление всей оперативной глубины обороны». С этой целью в состав ударной армии должны входить до 5 стрелковых корпусов (15–16 стрелковых дивизий), 3 – танковых бригад, 6–7 гаубичных, 2–3 пушечных артиллерийских полка, 6 минометных батарей, 7–8 зенитно-артиллерийских дивизионов, 2–

3 истребительных, 4–5 бомбардировочных и 2–3 штурмовых авиационных полка. В качестве подвижной группы ударной армии предлагалось иметь один усиленный кавалерийский или механизированный корпус, а в резерве – 2–3 стрелковые дивизии. Полоса наступления такой армии составляет 50–70 км. Армии, действующие на вспомогательном направлении, имеют более слабый состав (2–3 стрелковых корпуса) и наступают в полосе 60–100 км. Всего для организации наступления в полосе шириной 400–450 км потребуется 3–4 ударных и 1–2 вспомогательные армии.

Наступательную операцию Жуков предлагал разделить на четыре этапа. Первый, или подготовительный, этап (2–3 дня) – подготовка операции, в том числе подход и развертывание армии. Второй этап (2–3 дня) – прорыв оборонительной полосы и разгром противостоящего противника. Третий этап (2–3 дня) – развитие успеха с выходом войск в оперативную глубину, обеспечивающую окружение противника. Четвертый этап (один день) – завершение операции по уничтожению противника. В целом операция займет 7–10 дней.

Решающим актом наступательной операции Георгий Константинович считал успешный прорыв обороны противника. Для достижения этой цели требовалось подавить на направлении главного удара полосу главного сопротивления противника, его противотанковую оборону и основную массу артиллерии. Вся остальная система тактической обороны, ближние оперативные резервы и узлы управления должны быть скованы и расстроены. Военно-воздушные силы противника также следовало подавить и завоевать господство в воздухе. Жуков, излагая ход операции, акцентировал внимание на том, чтобы перед началом артиллерийской и авиационной подготовки специально оборудованными штурмовиками «порвать на поле боя и в оперативной глубине» всю войсковую, армейскую, железнодорожную и государственную связь, а затем «рвать ее теми же самолетами» 2–3 раза в день, чтобы лишить противника возможности нормально управлять своими войсками. Перед броском пехоты и танков в атаку в целях обеспечения от огня противника в последние 15–20 минут предлагалось нанести мощный огневой и авиационный удар по переднему краю, по пулеметным батареям противника за обратными скатами и по артиллерийским позициям. В период атаки большое значение приобретали непрерывные штурмовые и бомбардировочные действия авиации по артиллерии противника.

Жуков, учитывая опыт применения на Западе современных танков с тяжелой броней, считал необходимым внести некоторые коррективы в методику атаки пехоты с танками. После мощного огневого налета артиллерии и удара авиации на передний край обороны противника должен ворваться первый эшелон тяжелых танков с задачей уничтожения противотанковой обороны, резервов, артиллерии, командных пунктов и линий связи. Движение этого эшелона следовало поддерживать огневым валом и действиями авиации. Под прикрытием эшелона тяжелых танков через передний край проходит эшелон легких танков с задачей уничтожать систему пулеметного огня за обратными скатами. За этим эшелоном на передний край врывается эшелон огнеметных танков и своими действиями помогает пехоте производить «уничтожающие штыковые удары». При наступлении на танконедоступной местности танки должны вводиться в бой только тогда, когда пехота захватит передний край и выйдет на танкодоступную местность. При наступлении на укрепленный район танки целесообразно применять только в составе штурмовых групп и до тех пор, пока полоса долговременных огневых точек не будет преодолена пехотой.

Отметим, что предложения Жукова по созданию и использованию эшелонов тяжелых и легких танков были созвучны теории глубокой операции и боя, разработанной в 30-е годы М. Н. Тухачевским, В. К. Триандафилловым, К. Б. Калиновским и др. В соответствии с нею предполагалось создавать три группы танков: дальнего действия (ДД), дальней поддержки пехоты (ДПП) и непосредственной поддержки пехоты (НПП). Однако на практике такой способ применения танков себя не оправдал, за исключением танков НПП.

Жуков считал, что процесс прорыва фронта противника в зависимости от его тактической плотности, степени развития в глубину, характера укреплений, наличия резервов противника и других условий может принять самый различный характер. При отсутствии у противника второй оборонительной полосы прорыв может быть завершен в первый день наступления. Наличие второй оборонительной полосы при близко расположенных к ней сильных резервах может затянуть весь процесс прорыва до 2–3 дней. Успех прорыва во многом будет зависеть от того, насколько удастся действиями авиации помешать резервам противника занять вторую оборонительную полосу. Для обеспечения успеха важно также не допустить планомерного отхода частей противника с первой оборонительной полосы на вторую. При смелых и удачных действиях наступающего не исключена возможность овладения второй оборонительной полосой к исходу первого дня наступления. Для этого стрелковые корпуса должны были на плечах отходящих частей противника атаковать с ходу вторую оборонительную полосу и овладеть ею прежде, чем противник успеет отойти и закрепиться на ней или подвести свои свежие резервы. Если же противнику удалось прочно осесть на второй оборонительной полосе, то ее атака может начаться после проведения короткой, но мощной артподготовки. Как в том, так и в другом случаях в бой могут быть введены вторые эшелоны ударных корпусов. Армейские резервы должны быть сохранены для развития тактического прорыва в оперативный. Уничтожение очагов сопротивления противника, оставшихся на флангах и в тылу, следовало возлагать на вторые и третьи эшелоны, чтобы первый эшелон имел возможность безостановочно продвигаться вперед. Заметим, что в годы Великой Отечественной войны Георгий Константинович неоднократно требовал от командиров действовать именно таким образом.

Развитие прорыва Жуков предлагал осуществлять «как захождением ударных корпусов армии в сторону одного из образовавшихся флангов противника, так и вводом в прорыв группы подвижных войск». Для непосредственного обхода флангов противника и расширения прорыва предлагалось использовать специально предназначенные для этой цели вторые эшелоны корпусов и частично армейские резервы. Группа подвижных войск при развитии прорыва, по мнению Жукова, являлась основным средством оперативного маневра. Ее основной и важнейшей задачей было окружение и уничтожение во взаимодействии с ударными корпусами армии, авиацией и авиадесантом главных сил обороны. При наличии у противника второй оборонительной полосы, в особенности если последняя занята сильными войсковыми и близко расположенными оперативными резервами, группа подвижных войск в целях сохранения своих сил должна вводиться в прорыв только после овладения этой полосой ударными корпусами армии. Вслед за подвижной группой следовало выдвигать в оперативную глубину возможно больше пехоты, как на автотранспорте, так и своим ходом. Задача этих соединений – расширять фланги прорыва, обеспечивать тыл и по возможности фланги группы подвижных войск и в случае необходимости поддерживать ее действия в оперативной глубине противника.

Армейская и фронтовая авиация должна в этот период центр тяжести своей боевой работы сосредоточить для непосредственной поддержки и прикрытия войск ударных корпусов и особенно подвижной группы. Кроме того, фронтовая авиация, продолжая борьбу за господство в воздухе, должна была изолировать район прорыва от притока глубоких резервов противника в радиусе до 150–200 км. С армейской подвижной группой должны тесно взаимодействовать авиадесанты.

Подводя итог, Жуков отмечал: «Таким образом, в процессе развития прорыва действия всех сил и средств ударной армии объединяются в одном стремлении – завершить операцию полным окружением и разгромом главных сил обороны. При современных средствах развития прорыва правильно спланированная и энергично проводимая операция в большинстве случаев может быть доведена до своего логического конца. Если операция завершается окру-

жением и разгромом главных сил противника, то для армии она может считаться законченной. Вслед за этой операцией без оперативной паузы должна проводиться новая операция». В тех случаях, когда противнику удастся избежать окружения, то операция должна быть завершена «этапом уничтожающего оперативного преследования» с широким использованием подвижных соединений. Особое значение Жуков придавал внезапности современной операции, считая ее одним из решающих факторов победы. Далее Георгий Константинович подчеркивал, что Красная Армия должна быть готовой к борьбе с искусным и технически оснащенным противником. «Для того чтобы успешно вести современные наступательные операции, необходимо иметь отлично подготовленные войска, командиров и штабы, – говорил Жуков. – Современные операции, развивающиеся быстрыми темпами, требуют исключительной слаженности, маневренности и гибкости. Войска, не обладающие этими способностями, не могут рассчитывать на успех. Особенно высокие требования должны быть предъявлены командирам и штабам высших соединений. Высший комсостав и штабы высших соединений в ближайшее время должны в совершенстве отработать знания и навыки по организации и проведению современной наступательной операции. Надо помочь комсоставу овладеть искусством организации и проведения наступательной операции».

Доклад Г. К. Жукова был встречен с большим интересом и вызвал оживленную дискуссию. С заключительной речью на совещании выступил нарком обороны С. К. Тимошенко. Вполне понятно, что некоторые его суждения, особенно с вершины наших современных военно-исторических знаний, выглядят далеко не безупречными. Однако вывод о том, что «в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового», вызывает недоумение. Ведь к тому времени уже для многих было ясно, что эта война с ее военно-политическими замыслами, методами развязывания, масштабностью, глубиной и скоротечностью операций, комплексным использованием видов вооруженных сил и родов войск для достижения политических и стратегических целей знаменовала качественно новый этап развития военного искусства.

Несомненно, что на совещании были сделаны в основном правильные выводы о характере и особенностях возможной войны, определены принципиальные взгляды на наступательную операцию, массированное использование новейших средств вооруженной борьбы. В то же время к началу 1941 г. Красная Армия по своей структуре, техническому оснащению, уровню оперативной подготовки командного состава и штабов, многим другим параметрам была еще не готова вести войну.

Сразу же после совещания были проведены две двусторонние оперативно-стратегические игры на картах{54}. Они, как и само совещание, проходили в то время, когда руководство нацистской Германии начало подготовку к войне с Советским Союзом. В Генеральном штабе Сухопутных войск Германии с 29 ноября по 7 декабря 1940 г. была проведена военная игра под руководством первого обер-квартирмейстера генерал-майора Ф. Паулюса. На этой игре проверялись конкретные наработки к плану войны с Советским Союзом. На первом этапе разыгрывалось вторжение немецких войск в приграничную полосу СССР, проводилось «обсуждение оперативных возможностей после достижения первой оперативной цели»{55}. На втором этапе отрабатывались действия германских войск при их наступлении до рубежа Минск, Киев, а на третьем – за этим рубежом{56}. Результаты игры были обсуждены 13 декабря с высшим командным составом и учтены в окончательном варианте плана нападения на СССР.

18 декабря А. Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием вариант «Барбаросса» («Barbarossa Fall»){57}. В ней Вооруженным силам Германии ставилась задача «разгромить Советскую Россию в ходе одной кратковременной кампании». Замысел состоял в том, чтобы быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот расколоть фронт главных сил Красной Армии, сосре-

доточенных в западной части России, и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки советских войск. При этом основные силы Красной Армии намечалось уничтожить западнее линии Западная Двина, Днепр, не допустив их отхода в глубь страны. В дальнейшем планировалось овладеть главными стратегическими объектами – Москвой, Ленинградом, Центральным промышленным районом, Донбассом и выйти на линию Архангельск, Волга, Астрахань. Конечная цель кампании состояла в создании «заградительного барьера против азиатской России по линии Волга, Астрахань».

К сожалению, в конце 1940 г. и начале 1941 г. Генеральный штаб Красной Армии не располагал данными о планах вероятного противника. Поэтому основой заданий оперативно-стратегических игр, проведенных под руководством наркома обороны С. К. Тимошенко, стали устаревшие к тому времени сведения о возможных планах нацистской Германии.

В ходе первой игры, проведенной 2–6 января 1941 г., «восточными» (Северо-Западный фронт) командовал генерал армии Д. Г. Павлов (в то время – командующий войсками Западного Особого военного округа), а «западными» (Северо-Восточный фронт вероятного противника в войне) – генерал армии Г. К. Жуков. По условиям игры «западные» в союзе с «северо-западными», «северными» и «юго-западными» выступили против «восточных». Они упредили «восточных» в развертывании и 15 июля 1941 г. начали наступление. Почему наступление условного противника началось именно 15 июля? Этот срок советское руководство считало наиболее вероятным началом нападения Германии на СССР.

Главный удар «западные», имея значительное преимущество в силах и средствах, нанесли южнее Бреста в направлении Владимир-Волынский, Тернополь. К северу от Демблина до Балтийского моря «западные», объединенные в Восточный и Северо-Восточный фронты, в интересах главного удара перешли в наступление с задачей разгромить белостокско-волковысскую и каунасскую группировки «восточных» и к исходу условной даты, 15 августа, выйти на линию Барановичи, Двинск, Рига.

Войска Северо-Восточного фронта «западных», перейдя государственную границу, углубились на 70–120 км, но под контрударами «восточных» начали отход на заранее подготовленный к обороне рубеж, имея задачей до подхода резервов сдержать наступление «восточных». В свою очередь Северо-Западный фронт «восточных», отразив наступление «западных», вышел к линии государственной границы и получил задачу: разгромить «западных» в Восточной Пруссии. Справа от него Северный фронт должен был перейти в наступление с целью разгрома войск, безуспешно наступавших на Ленинград. Слева Западный фронт, обеспечивая операцию Северо-Западного фронта наступлением на Варшаву, должен был выйти на р. Висла.

Г. К. Жуков, оценив обстановку, решил, прочно опираясь на укрепленные районы и рубежи Восточной Пруссии и не допуская вторжения противника на территорию «западных», продолжать сосредоточение подходящих резервов и одновременно наносить короткие удары с целью истощения противника, а затем перейти в общее наступление и выйти на линию Минск, Двинск, Рига. Д. Г. Павлов, учитывая, что фронт «восточных» приобрел общее превосходство над «западными», принял решение разгромить их до подхода резервов противника.

Поначалу удары атакующих «восточных» возымели успех, но затем ситуация изменилась. Подтянув резервы, Жуков сформировал крупную группировку войск и мощным ударом прорвал фронт «восточных». Одновременно контрударом были разгромлены силы «восточных», переправившиеся через Западный Буг, а затем была окружена и уничтожена еще одна крупная группировка противника. Еще около 20 стрелковых дивизий и до четырех танко-

вых бригад «восточных» к моменту окончания первой игры оказались под угрозой полного окружения и разгрома.

В ходе второй игры роль Г. К. Жукова изменилась – теперь он командовал Юго-Западным фронтом «восточных». По условиям второй игры на стороне «западных» действовали теперь два фронта – Южный и Юго-Восточный. Войска Южного фронта возглавлял генерал-полковник Ф. И. Кузнецов (командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа), Юго-Восточного – Д. Г. Павлов. По легенде игры, «западные» в союзе с «юго-западными» и «южными» начали войну против «восточных», перейдя в наступление двумя упомянутыми фронтами.

И вновь Жуков продемонстрировал недюжинный оперативный талант, стремясь, прежде всего, бить противника по частям, не допуская соединения его ударных группировок. Умело концентрируя собственные силы, нанося удары в стыки противостоящих соединений, используя ложные маневры, он в конце концов разъединил армии «западных» на отдельные оперативные группы и подготовил внушительный удар стратегического значения.

Игры принесли несомненную пользу его участникам. Военный историк П. Н. Бобылев, детально исследовавший ход этих учений на картах, отмечал, что «высший командный состав РККА получил хорошую практику в оценке обстановки и принятии решений в сложных условиях, в планировании и материально-техническом обеспечении фронтовых и армейских операций, в вождении крупных подвижных соединений во взаимодействии с авиацией»{58}.

Но начало Великой Отечественной войны показало, что в январе 1941 г. оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыгрывало на картах такой вариант военных действий, который реальными «западными», то есть Германией, не намечался. Большинство участников игр руководили в них соединениями безотносительно к тому, какие должности они фактически занимали в начале 1941 г.

Разбор игр проводил И. В. Сталин, который был явно недоволен действиями «восточных», а также итоговым докладом начальника Генерального штаба генерала армии К. А. Мерецкова. В результате Мерецков был освобожден от должности, а начальником Генштаба назначен генерал армии Г. К. Жуков. К исполнению новых обязанностей он приступил 1 февраля 1941 г. До нападения вермахта на Советский Союз оставалось меньше пяти месяцев. Один из наиболее яростных критиков Г. К. Жукова, бывший сотрудник Главного разведывательного управления В. Б. Резун (псевдоним – Виктор Суворов) пишет: «Итак, Жуков понимал, что сейчас грянет война, но своими вредительскими распоряжениями запрещал армии готовиться к отпору врага. Жуков до самого последнего момента под угрозой смерти возбранял командующим приграничными округами и армиями делать хоть что-нибудь для подготовки к отражению гитлеровского нашествия»{59}.

Не будем вдаваться в полемику с человеком, присвоившим себе фамилию нашего знаменитого соотечественника – генералиссимуса А. В. Суворова. Наша цель – на документах показать, что мог сделать и что не сделал Жуков на посту начальника Генштаба. Но прежде поясним, что круг обязанностей руководителя «мозга армии» был весьма велик. В соответствии с проектом Положения о службе Генерального штаба, разработанного к февралю 1937 г., но так и не утвержденного, на Генштаб возлагались: разработка оперативно-стратегических планов войны, вопросов организационного строительства вооруженных сил; составление мобилизационных планов; изучение и подготовка театров военных действий; разработка перспектив развития военной техники; совершенствование боевых возможностей видов вооруженных сил; организация оперативной подготовки командного и начальствующего состава; разработка вопросов материально-технического обеспечения вооруженных сил во время войны и др.{60}.

Структура Генштаба в период с апреля 1936 г. по июль 1940 г. уточнялась шесть раз. В соответствии с приказом наркома обороны № 0038 от 26 июля 1940 г. Генштаб включал восемь управлений (оперативное, разведывательное, организационное, мобилизационное, военных сообщений, устройства тыла и снабжения, по укомплектованию войск, военно-топографическое) и четыре отдела (укрепленных районов, военно-исторический, общий и кадров){61}. В этой структуре Генштаб с небольшими изменениями и встретил войну.

Изменения коснулись не только структуры Генштаба, но и функций его начальника. В соответствии с постановлением правительства СССР от 8 марта 1941 г. общее руководство Красной Армией народный комиссар обороны осуществлял через Генеральный штаб, своих заместителей и систему главных и центральных управлений. Начальник Генштаба становился всего лишь одним из заместителей наркома. Его роль в управлении Вооруженными Силами понизилась. Теперь он мог влиять на работу только управлений связи, снабжения горючим, Главного управления ПВО, военных академий Генерального штаба и им. М. В. Фрунзе. В результате Генштаб утратил часть своих функций и стал на один уровень с другими органами высшего военного управления.

Недооценка роли Генштаба, частые изменения в его организации не могли не отразиться на подготовке страны и ее Вооруженных Сил к отражению агрессии. Негативное влияние на решение этого вопроса в немалой степени оказывала и частая смена начальников Генштаба. В отличие от практики Генеральных штабов зарубежных государств, где пребывание на таком ответственном посту до десяти лет считалось вполне нормальным, целесообразным и даже необходимым явлением, военно-политическое руководство Советского Союза не считало этот вопрос проблемным. С мая 1937 г. по август 1940 г. (более трех лет) Генштаб возглавлял Б. М. Шапошников. Его на этом посту сменил К. А. Мерецков, но уже через пять месяцев на пост начальника Генштаба был назначен Г. К. Жуков. Смена начальников Генштаба, как правило, сопровождалась малообоснованными перемещениями начальников управлений, отделов и их заместителей. Например, с осени 1940 г. и до начала Великой Отечественной войны сменилось четыре начальника ведущего – Оперативного управления Генерального штаба.

Г. К. Жуков в своих мемуарах отмечал: «Ни мои предшественники, ни я не имели случая с исчерпывающей полнотой доложить И. В. Сталину о состоянии обороны страны, о наших военных возможностях и о возможностях нашего потенциального врага. И. В. Сталин лишь изредка и кратко выслушивал наркома или начальника Генерального штаба. Не скрою, нам тогда казалось, что в делах войны, обороны И. В. Сталин знает не меньше, а больше нас, разбирается глубже и видит дальше. Когда же пришлось столкнуться с трудностями войны, мы поняли, что наше мнение по поводу чрезвычайной осведомленности и полководческих качеств И. В. Сталина было ошибочным»{62}. И далее Георгий Константинович добавляет: «Как начальник Генерального штаба, принявший этот пост 1 февраля 1941 г., я ни разу не был информирован И. В. Сталиным о той разведывательной информации, которую он получал лично»{63}.

Советская разведка располагала определенной, но не всей, информацией о подготовке к нападению на СССР. Противник умело скрывал свои приготовления. По указанию Гитлера начальник Генерального штаба Верховного Главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель подписал 15 февраля специальную «Директиву по дезинформации противника». Чтобы скрыть подготовку к операции по плану «Барбаросса», отделом разведки и контрразведки штаба были разработаны и осуществлены многочисленные акции по распространению ложных слухов и сведений. Перемещение войск на восток подавалось «в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию». Были напечатаны в массовом количестве топографические материалы по Англии. К войскам прикомандировывались переводчики англий-

ского языка. Подготавливалось «оцепление» некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии. Распространялись сведения о мнимом авиадесантном корпусе. На побережье устанавливались ложные ракетные батареи. В войсках распространялись сведения в двух вариантах: в первом – что они идут на отдых перед вторжением в Англию, во втором – что немецкие соединения будут пропущены через советскую территорию для выступления против Индии. Чтобы подкрепить версию о высадке десанта в Англию, были разработаны специальные операции под кодовыми названиями «Акула» и «Гарпун». Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза. Как всегда, в работу включились дипломаты. В связи с решением Гитлера расширить масштабы операции «Марита» (нападение на Грецию) в план операции «Барбаросса» 7 апреля были внесены изменения, предусматривавшие перенесение ее начала на более поздний срок и завершение всех подготовительных мероприятий приблизительно к 22 июня 1941 г.{64}.

В марте 1941 г. советский военный атташе в Белграде сообщал, что Германия отказалась от атаки английских островов и ближайшей задачей поставлен «захват Украины и Баку, которая должна осуществиться в апреле – мае текущего года»{65}. Начальник Главного разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков 20 марта представил И. В. Сталину доклад, в котором излагались варианты возможных направлений ударов войск вермахта при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они отражали наметки действий по плану «Барбаросса», а в одном из вариантов отражена была суть этого плана. Однако выводы, сделанные Голиковым из приведенных в докладе сведений, по существу, обесценивали все их значение и вводили Сталина в заблуждение:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»{66}.

10 апреля Сталину были доложены агентурные данные о предполагаемом начале военных действий Германии против СССР в конце июня. Жуков в 1956 г., готовясь к выступлению на Пленуме ЦК КПСС, отмечал, что Сталин и председатель Совнаркома Молотов знали о концентрации немецких войск у советских границ. В качестве примера Георгий Константинович сослался на свое донесение, направленное Молотову. В нем приводились примеры массовых нарушений государственной границы СССР германскими самолетами за период с 1 по 10 апреля 1941 г. Полеты производились на глубину 90–200 км от границы с целью сбора разведывательных сведений и фотографирования местности. Начальник Генштаба просил председателя СНК «доложить этот вопрос тов. Сталину и принять возможные мероприятия»{67}.

Несмотря на данные разведки о возможном нападении противника 15, 22 или 25 июня, Сталин полагал, что в обстановке, близкой к победоносному завершению войны с Англией, Гитлер не пойдет на гибельную для Германии войну на два фронта. Кроме того, Сталин считал, что английское правительство крайне заинтересовано в том, чтобы спровоцировать войну Германии против СССР. Поэтому он оценил как провокационные меморандум правительства Великобритании от 18 апреля (в нем говорилось, что в случае затягивания войны Великобритания может прийти к мысли об ее окончании на германских условиях) и доставленное ему 19 апреля письмо У. Черчилля, содержавшее предупреждение об интенсивной подготовке Германии к нападению на СССР.

Чем же занимался Генеральный штаб в преддверии нападения нацистской Германии на Советский Союз?

В феврале 1941 г. Генштаб завершил разработку последнего варианта мобилизационного плана, получившего наименование МП-41. По нему намечалось развернуть Вооруженные Силы СССР в количестве 344 расчетных дивизий, из них стрелковых, горнострелковых и мотострелковых – 198, моторизованных – 31, танковых – 61, кавалерийских – 13{68}. Реализация мобилизационного плана требовала призвать из запаса около 5 млн. человек, в том числе до 600 тыс. офицеров и 885 тыс. человек младшего начальствующего состава{69}. Кроме того, предусматривалась передача Вооруженным Силам из народного хозяйства 248 тыс. автомобилей и около 36 тыс. тракторов, 730 тыс. лошадей{70}. Обеспечение войск вооружением и боевой техникой планировалось осуществить за счет войсковых запасов, хранящихся на складах округов и центра, а также за счет поступления из промышленности в 1941–1942 гг. В мобилизационном плане при подъеме по варианту «Запад» численность западных военных округов определялась в 6,5 млн. человек при общей численности войск (без формирований гражданских наркоматов) 7,85 млн. человек (в действительности к началу войны численность западных округов составляла всего 2902 тыс. человек){71}.

После утверждения плана Жуков направил в марте в округа директивы с разъяснением порядка разработки и обеспечения плана мобилизации. Срок отработки планов на местах он установил до 1 мая, а затем перенес на 20 июля. К сожалению, округа и войска до начала войны так и не сумели детально отработать весь комплекс стоявших перед ними задач.

В конце февраля Тимошенко и Жуков провели совещание сотрудников Генштаба по вопросу состояния железных, шоссейных и грунтовых дорог. Выводы в основном сводились к следующему: сеть шоссейных дорог в западных областях Белоруссии и Украины находится в плохом состоянии. Многие мосты не выдерживают веса средних танков и артиллерии, а проселочные дороги требуют капитального ремонта. Нарком обороны отмечал, что в 1940 г. по заданию ЦК ВКП(б) Наркомат путей сообщения разработал 7-летний план технической реконструкции западных железных дорог. Однако пока ничего серьезного не сделано, кроме перешивки колеи и элементарных работ по приспособлению железнодорожных сооружений под погрузку и выгрузку войск и вооружения.

К 11 марта был подготовлен уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке{72}. По оценке Генштаба, Германия имела развернутыми 225 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных дивизий, 20 тыс. полевых орудий, 10 тыс. танков и до 15 тыс. самолетов. Из этого числа у границ СССР были сосредоточены 76 дивизий, в том числе 6 танковых и 7 моторизованных, а в Румынии и Болгарии – около 35 дивизий. При условии окончания войны с Англией предполагалось, что Германия направит против СССР до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных. Всего с учетом войск Финляндии, Румынии и Венгрии могло быть развернуто на западных границах 268 дивизий, 20 050 орудий, 10 810 танков и 11 600 самолетов. На Востоке Япония вместе с Маньчжоу-Го может выставить до 60 пехотных дивизий, 1 кавалерийскую дивизию, 27 смешанных и 6 кавалерийских бригад, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий, 3000 самолетов.

Но опять-таки, как и ранее в плане стратегического развертывания от 18 сентября 1940 г. {73}, отмечалось, что Генштаб не имеет документальных данных об оперативных планах вероятных противников. Поэтому были высказаны во многом уже устоявшиеся предположения: «Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Вол-

ковыск – Барановичи». Не исключалась возможность выступления Финляндии на северо-западе, румынской армии – на юге. Ожидалось, что Германия развернет: к северу от нижнего течения реки Западный Буг до Балтийского моря – 30–40 пехотных, 3–5 танковых, 2–4 моторизованные дивизии, до 3570 орудий и до 2000 танков; к югу от р. Западный Буг до границы с Венгрией – до 110 пехотных, 14 танковых, 10 моторизованных дивизий, до 11,5 тыс. орудий, 7,5 тыс. танков и большую часть своей авиации. Одновременно допускалась вероятность сосредоточения главных сил германской армии в Восточной Пруссии и на варшавском направлении, чтобы через Литву нанести и развернуть главный удар в направлении на Ригу или на Ковно, Двинск. Кроме того, предусматривались вспомогательные концентрические удары со стороны Ломжи и Бреста с последующим их развитием в направлении Барановичи, Минск.

Стратегическое развертывание Вооруженных Сил предлагалось проводить с учетом вероятности ведения военных действий на два фронта. Основные силы предусматривалось развернуть на Западе и финском фронте: 171 стрелковую, 27 мотострелковых, 54 танковых и 7 кавалерийских дивизий, 2 отдельные стрелковые бригады, 253 авиационных полка. Отмечалось, что «развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям».

В марте Генеральный штаб закончил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны. Г. К. Жуков вместе со своим заместителем В. Д. Соколовским представил его председателю Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилову. Время шло, а решения не принимались, и тогда Жуков был вынужден доложить лично Сталину об отсутствии промышленного мобилизационного плана. Проект плана было поручено рассмотреть Н. А. Вознесенскому, группе руководителей наркоматов и Госплана, но время все равно оказалось упущенным.

С 12 по 20 марта Генеральный штаб провел полевую поездку штабов Ленинградского, Уральского и Орловского военных округов с целью проверки подготовки фронтового и армейского управлений в организации и проведении современной операции зимой. На полевой поездке отрабатывалась наступательная операция зимой на труднодоступной местности и ведение борьбы с противником, перешедшим в контрнаступление. Тема была неслучайной – отголоски войны с Финляндией продолжали сказываться. Что же показала полевая поездка? В подготовке высшего комсостава имелись существенные недочеты: недостаточно глубокая оценка обстановки и, как следствие, принятие необоснованного и неверного решения; неумение правильно формулировать замысел операции и определить в ней место и роль своей армии (корпуса); неумение учитывать влияние местности на ход операции; фронтовая операция на первом этапе рассматривалась как частная операция одной армии; направление главного удара не имело четко выраженной группировки войск, и решительное превосходство на этом направлении не создавалось; механизированные соединения использовались не на главном направлении для решения оперативных задач, а в тесной связи с пехотой; задачи авиации ставились без учета ее возможностей; авиадесантная бригада применялась изолированно, без взаимодействия с механизированными соединениями и др.{74}. Если говорить кратко, то полевая поездка, как отмечал командующий Киевским Особым военным округом генерал-полковник И. П. Кирпонос в своей директиве № А/0061 от 18 апреля, вскрыла «низкую оперативную и штабную подготовку фронтового и армейских управлений».

В течение весны Жуков организовал работу по увеличению неприкосновенных запасов всех западных приграничных округов за счет государственных резервов по горючему, продовольствию и вещевому снабжению. Нарком обороны и Генеральный штаб считали необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам. Решение правильное. Но никто не ожидал, чем обернется начальный

период войны. После быстрого прорыва фронта врагу удалось в короткий срок захватить значительные материально-технические запасы.

Одновременно велись работы по строительству полевых аэродромов и бетонных взлетно-посадочных полос на постоянных аэродромах. Однако из-за нехватки сил и средств завершить намеченное к началу войны не удалось. В результате авиация в отдельных районах базировалась недалеко от границы.

Масса проблем возникала со строительством укрепленных районов на новой, отодвинутой к западу границе, с использованием старых УРов. 8 апреля Генеральный штаб направил командующим Западным и Киевским Особыми военными округами распоряжение, в котором обязывал провести ряд мероприятий по созданию новых и использованию старых укрепрайонов, в том числе сформировать кадры управлений укрепрайонами. А через несколько дней в приграничные округа была направлена еще одна директива, предписывающая «все имеющееся в округе вооружение для укрепленных районов срочно смонтировать в боевые сооружения и последние привести в боевую готовность», а при отсутствии специального вооружения «установить временно (с простой заделкой) в амбразурные проемы и короба пулеметы на полевых станках и, где возможно, орудия»{75}.

По указанию Г. К. Жукова, в соответствии с уточненным планом стратегического развертывания, начальник Оперативного управления генерал А. М. Василевский подготовил 10 апреля директиву по оперативному развертыванию войск приграничных военных округов. В частности, для Западного Особого военного округа указывалось: «Основные задачи: с переходом в наступление ЮЗФ (Юго-Западный фронт. – *Авт.*) – ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец – Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла. Разработать план первой операции 13 и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»{76}. Таким образом, по-прежнему исходили из устоявшейся стратегической аксиомы: а) главная угроза – на юго-западном направлении; б) наносим противнику встречный удар, немедленно переходим в контрнаступление и громим вражеские группировки.

Во второй половине апреля в целях усиления состава западных приграничных военных округов началось формирование 10 артиллерийских противотанковых бригад РГК и 4 воздушно-десантных корпусов. 26 апреля военные советы Забайкальского и Дальневосточного военных округов получили указание подготовить к отправке на запад один механизированный, два стрелковых корпуса, две воздушно-десантные дивизии. Одновременно директивой Генштаба № Орг/3/522698 ставится задача перевести к 1июля 1941 г. авиационный тыл ВВС на новую систему и организовать новые районы авиационного базирования{77}.

5 мая в Большом Кремлевском дворце состоялось торжественное собрание, посвященное выпуску командиров, окончивших военные академии и военные факультеты гражданских вузов. Перед его участниками выступил Сталин. Поздравив выпускников с окончанием учебы, он отметил, что за последние три-четыре года была создана новая армия, вооруженная современной военной техникой. На банкете, устроенном после приема выпускников, Сталин, в ответ на тост одного из присутствовавших за мирную сталинскую внешнюю политику, сделал поправку: «Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспита-

ние, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная»{78}.

В тот день, когда Сталин выступал на приеме в честь выпускников военных академий, начальник Главного разведывательного управления генерал Голиков подписал новое разведывательное сообщение. В нем были сделаны следующие выводы:

«1. За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий.

2. Необходимо считаться с дальнейшим усилением немецкого сосредоточения против СССР за счет освободившихся войск в Югославии с их группировкой в районе Протектората и на территории Румынии.

3. Вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем.

4. Наличные силы немецких войск для действий на Ближнем Востоке к данному времени выражаются в 40 дивизиях, из которых 25 в Греции и 15 в Болгарии. В этих же целях сосредоточено до двух парашютных дивизий с вероятным их использованием в Ираке»{79}.

6 мая нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов доложил И. В. Сталину, что военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносит:

«Советско-подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил помощнику нашего мораташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах.

Попытка выяснить первоисточник сведений и расширить эту информацию пока результатов не дала, т. к. Бозер от этого уклонился. Работа с ним и проверка сведений продолжаются.

Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР»{80}.

8 мая ТАСС опроверг слухи о сосредоточении советских войск на западных границах. На следующий день СССР разорвал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии и Югославии, а 12 мая признал прогерманский режим в Ираке.

13 мая Генеральный штаб направил директиву округам о начале выдвижения войск на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля – 21-я армия; из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви – 19-я армия; из Харьковского военного округа на рубеж Западной Двины – 25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки – 16-я армия. Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. Однако дивизии насчитывали в своем составе по 8–9 тыс. человек и не располагали полностью предусмотренной по штату боевой техникой.

14 мая нарком обороны распорядился осуществить досрочный выпуск курсантов военных училищ и немедленно отправить их в войска. Командующим войсками приграничных военных округов были направлены директивы, в которых требовалось «с целью прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск» разработать детальные планы обороны государственной границы, противодесантной и противовоздушной обороны{81}. Западный Особый военный округ должен был разработать эти планы к 20 мая, Ленинград-

ский и Киевский Особый – к 25 мая, Прибалтийский Особый – к 30 мая. В качестве задач обороны ставилось: не допустить вторжения наземного и воздушного противника, высадки его воздушных и морских десантов; прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание своих войск. Никаких задач наступательного порядка войскам западных приграничных военных округов не предписывалось. Вместо них предусматривалась оборона на всю оперативную глубину, в стратегическом масштабе – вплоть до дальних подступов к Москве. В директивах содержались указания по эвакуации, минированию и подрыву некоторых важных объектов.

В то же время Жуков считал необходимым иметь план, в котором предусматривалось нанесение упреждающего удара по возможному противнику. Василевскому было поручено разработать проект «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Такой документ был подготовлен к 15 мая{82}. Он был написан от руки, адресован председателю СНК и не подписан ни Тимошенко, ни Жуковым. В документе говорилось:

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить – разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест – Демблин, и выход к 30-му дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц.

Последующей стратегической целью – наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшей задачей – разбить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении выйти на рубеж р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезать Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Демблин с целью оковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовыми к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чишев, Людовлено силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона…

Северный фронт (ЛВО).

Задача – оборона г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской ж. д. и совместно с БВМФ (Балтийский флот. – *Авт.*) обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива.

Северо-Западный фронт – задача на схеме.

Западный фронт.

Задачи: оборона там (так в документе. – *Авт.*). Далее с переходом ЮЗФ (Юго-Западный фронт. – *Авт.*) в наступление ударом левого крыла фронта в направлении Варшавы и Седлец, Радом разбить варшавскую группировку и овладеть Варшавой во взаимодействии с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радомом.

ЮЗФ – с ближайшими задачами:

а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку восточнее р. Висла в районе Люблина;

б) одновременно ударом с фронта Сенова, Перемышль, Любавнеха разбить силы противника на краковском и сандомирско-келецком направлении и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии;

в) прочно оборонять государственную границу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению мощных ударов против Румынии из района Черновиц и Кишинева с ближайшей целью – разгром северного крыла румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы…»{83}

Сталин не только отклонил предложение об упреждающем ударе, но и ответил категорическим отказом на просьбы Тимошенко и Жукова разрешить привести в боевую готовность войска приграничных округов, обвинив их в стремлении спровоцировать Германию на нападение, дать Гитлеру повод для агрессии. 16 мая Иосиф Виссарионович приказал своему секретарю А. Н. Поскребышеву вызвать Жукова. «Сталин был сильно разгневан моей докладной и поручил передать мне, – вспоминал Георгий Константинович, – чтобы я впредь такие записки «для прокурора» больше не писал: что председатель Совнаркома более осведомлен о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет еще достаточно времени, чтобы подготовиться к решающей схватке с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти»{84}.

Проект «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» некоторые исследователи склонны оценивать как «агрессивный». О какой агрессии могла идти речь? Ведь Советский Союз не имел общей границы с Германией, войска которой находились как на территории, оккупированной ими в результате разгрома Польши, так и на территории союзников Германии. Начальник Генштаба в данном случае исходил из положений уставов, требовавших атаковать противника, где бы он ни находился.

В конце мая состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было обсуждено состояние подготовки страны к обороне. Доклад по этому вопросу было поручено сделать Жукову. Его выступление позволяет представить полную картину состояния дел в Вооруженных Силах за три с небольшим недели до начала войны{85}. Прежде всего он подчеркнул неотложность проведения в стране всеобщей мобилизации, обосновав это тревожными цифрами: из 170 дивизий и 2 бригад в приграничных округах 19 дивизий имеют численность 5–6 тыс. человек (штат военного времени – 14,5 тыс.), 7 кавалерийских дивизий – в среднем по 6 тыс., 144 дивизии насчитывают по 8–9 тыс. человек. Во внутренних округах большинство дивизий содержится по сокращенным штатам, многие же стрелковые дивизии только начали формироваться.

Крайне медленными темпами идет вооружение войск танками КВ и Т-34 – они стали поступать только со второй половины 1940 г. в основном в бронетанковые училища и войска приграничных округов. При этом некоторыми танковыми заводами не выполняются планы.

Прекрасно понимая, какие силы в современной войне выполняют главную ударную роль, Жуков заострил внимание на проблеме механизированных соединений: из 20 намеченных к формированию корпусов пока создано всего 9. Для полного укомплектования новых механизированных корпусов требуется 16,6 тыс. танков только новых типов, а всего – около 32 тыс. танков. Однако пришлось констатировать: такого количества машин в течение одного года просто неоткуда взять. Существенно отстает и подготовка кадров для механизированных соединений.

Укомплектована, в основном до штатных норм, войсковая артиллерия приграничных округов, одновременно ведется формирование 27 артиллерийских полков и 10 артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного командования. В то же время Главное артиллерийское управление недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 («катюши»). В существенном ускорении нуждается производство 82-мм и 120-мм минометов. В докладе подчеркивалось, что наиболее остро стоит вопрос об обеспечении воинских частей артиллерийскими снарядами и минами, в первую очередь для новейших артиллерийских систем.

В войсках наблюдалась огромная нехватка современных средств связи, фактически отсутствовали мобилизационные и неприкосновенные запасы имущества связи. К примеру, войска Западного Особого военного округа были обеспечены радиостанциями только на 27 %, Киевского Особого – на 30 %, Прибалтийского Особого – на 52 %.

Важнейшая проблема – строительство укрепленных рубежей вдоль государственной границы, состояние шоссейных и грунтовых дорог, железнодорожных линий. К концу мая 1941 г. на западной границе построено 2500 железобетонных сооружений, из коих 1000 вооружены уровской артиллерией, а остальные 1500 – только пулеметами. Однако строительство укрепленных районов не завершено, что ставит границу в весьма уязвимое положение.

Особую озабоченность вызывала боеготовность Военно-воздушных сил. С 1 января 1939 г. по конец мая 1941 г. авиационная промышленность выпустила 17 745 боевых самолетов, из них 3719 – новых типов. Однако примерно 75–80 % общего числа машин по своим летно-техническим данным уступают однотипным немецким самолетам. Новыми самолетами оснащено всего около 21 % авиационных частей. Одновременно начато формирование 25 новых авиационных дивизий, а также 5 воздушно-десантных корпусов, для которых не хватает боевой техники. Жуков отмечал, что Военно-воздушные силы находятся в стадии реорганизации, перехода на новую материальную часть и переучивания летно-технического состава. И только через год-полтора они могут предстать в совершенно обновленном, мощном, боевом виде.

Отметив недостаточную оснащенность войск противовоздушной обороны, Жуков охарактеризовал состояние Военно-Морского флота. В его составе к концу мая 1941 г. имелось более 600 боевых кораблей, в том числе 3 линкора, 7 крейсеров, 49 эсминцев, 218 подводных лодок, а также 2529 самолетов. Личный состав подготовлен хорошо, командующие флотами, флотилиями и их штабы готовы к боевым операциям. Среди недостатков главным является отсутствие должного внимания к береговой и противовоздушной обороне, минно-торпедному вооружению.

Жуков привел еще несколько данных, характеризующих боеготовность Вооруженных Сил. На 1 января 1941 г. в сухопутных войсках, военной авиации, на флоте, в войсках ПВО насчитывалось более 4,2 млн. человек. Для подготовки квалифицированных командных и политических кадров действовало 19 академий, 10 факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских училищ, 203 военных училища. Однако вопрос о командных кадрах продолжал оставаться острым, так как массовое выдвижение на высшие командные должности молодых командиров привело к снижению на какое-то время боеспособности армии. В войсках ощущается недостаток квалифицированного командного состава, специалистов-танкистов, артиллеристов и летно-технического состава. В качестве позитивного момента было отмечено, что «созданы стратегические запасы горюче-смазочных материалов, продовольствия, обмундирования, которых, в случае войны, хватит на несколько лет».

В завершение начальник Генштаба подчеркнул, что «современный период в развитии наших Вооруженных Сил – это период коренных военных реформ, поиск новых способов наиболее эффективного использования боевой техники, улучшения всей системы боевой

подготовки войск, выработки советской военной доктрины». Учащимся военных академий прививается мысль, что войны в нынешнюю эпоху не объявляются, что агрессор стремится иметь на своей стороне все преимущества внезапного нападения, поэтому каждая воинская часть должна быть готова в любую минуту к отражению нападения. «Военная стратегия строится главным образом на правильном утверждении, что только наступательными действиями можно разгромить агрессора, – говорил Жуков. – К сожалению, другие варианты борьбы – встречные сражения, вынужденные отступательные действия, бои в условиях окружения (если брать, конечно, не отдельные работы, а направление в преподавании военных дисциплин) – рассматриваются недостаточно основательно».

После того как Жуков закончил свое выступление, нарком иностранных дел Молотов спросил:

– Непонятно, почему Генеральный штаб долго мирился с такими большими недостатками в подготовке к обороне страны, о которых нам сегодня доложил Жуков?

Сталин реагировал на это быстро и справедливо:

– Жуков – начальник Генерального штаба всего несколько месяцев. Он не может отвечать за оставленное ему наследство. Этот вопрос, пожалуй, следует, прежде всего, задать нам с тобой.

Сталин, подводя итог заседанию, практически поддержал все принципиальные выводы начальника Генштаба{86}:

– Товарищ Жуков прав: часть наших беззаветно преданных Родине командных кадров – люди молодые, недавно выдвинутые на командные должности, не имеющие достаточного военного опыта. Товарищ Жуков прав: нельзя полностью разоружать укрепленные районы на старой границе. Думаю, что там целесообразно сохранить на разоружаемых участках не только пулеметы, но и часть артиллерийского вооружения. Отвечающим за авиацию всемерно ускорить поступление в авиационные части новой техники. Докладывать мне об этом еженедельно. Я понимаю объективные трудности в этом деле. Но положение, когда мы успели перевооружить новыми самолетами не более 21 процента авиационных частей, далее терпимо быть не может.

Что касается войск противовоздушной обороны, то здесь первоочередная задача – организовать надежное прикрытие наших промышленных центров, не дать противнику, в случае войны, уничтожить наш экономический потенциал. О том, как ведется работа в этом направлении, наркому обороны с начальником Генерального штаба докладывать мне еженедельно. Товарищ Кузнецов (нарком ВМФ. – *Авт.*), скорейшее усиление береговой и противовоздушной обороны, устранение недостатков в минно-торпедном вооружении – под Вашу личную ответственность.

Товарищ Малышев (нарком среднего машиностроения. – *Авт.*), следует обратить особое внимание на создание условий для более быстрого развития промышленности на Урале и на Востоке. Надо скорее завершать там строительство машиностроительных, нефтеперерабатывающих и химических заводов-дублеров и наладить бесперебойную работу металлургических заводов в Забайкалье и на Амуре, предприятий цветной металлургии в Средней Азии. Не забывайте, что здесь сооружается три четверти всех новых доменных печей, а между Волгой и Уралом – наша вторая нефтяная база. Особое внимание обратите в созданных новых промышленных районах на работу гидростанций, автосборочных заводов, трубопрокатных предприятий и алюминиевых комбинатов.

Надо продумать и подработать первоочередные конкретные предложения по устранению недостатков в подготовке страны к обороне и внести их в правительство для решения. Письменные предложения по этим вопросам представить мне через три дня. Только прошу исходить из наших реальных возможностей и не фантазировать насчет того, что мы пока материально обеспечить не можем.

Товарищи, командующие транспортом, руководители наркоматов авиационной, химической промышленности, боеприпасов, электропромышленности и других отраслей народного хозяйства, имеющих оборонное значение, должны извлечь уроки из сегодняшней критики и коренным образом улучшить свою работу. В противном случае они будут сняты с занимаемых постов.

После заседания Политбюро ЦК ВКП(б) были предприняты дальнейшие шаги по подготовке к отражению возможной агрессии. В конце мая Генеральный штаб дал указание командующим войсками военных округов срочно приступить к подготовке командных пунктов. В конце мая – начале июня в соответствии с планом МП-41 был проведен призыв 793,5 тыс. военнообязанных запаса для укомплектования 21 дивизии приграничных округов, частей артиллерии, ПВО и укрепленных районов{87}.

4 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило увеличить численность Красной Армии по мирному времени на 120 695 человек и по военному времени на 239 566 человек.

Однако не все инициативы высшего военного руководства находили поддержку у И. В. Сталина. Так, в начале июня военный совет Киевского Особого военного округа по предложению генерал-полковника М. П. Кирпоноса принял верное решение о выводе части сил постоянных гарнизонов укрепленных районов в предполье с целью приведения в боевую готовность построенных там деревоземляных огневых точек. Об этом приказе начальник пограничных войск НКВД Украины Строкач донес наркому внутренних дел Л. П. Берии, который немедленно передал полученную информацию И. В. Сталину. В результате Жукову и Тимошенко был учинен настоящий разнос и запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи без личного указания Сталина. Начальник Генштаба вынужден телеграфировать Кирпоносу: «Донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение»{88}. На следующий день Жуков предписал всем командующим западными приграничными военными округами «полосу предполья без особого на то приказания полевыми и УР-овскими частями не занимать, а охрану сооружений предполья организовать службой часовых и патрулированием»{89}. Командующие войсками приграничных округов М. П. Кирпонос, Д. Г. Павлов и Ф. И. Кузнецов по требованию Сталина были вызваны в Москву, где получили от Тимошенко и Жукова строжайшие указания о бдительности и недопущении поводов для провокации немцев на вооруженное столкновение с советскими войсками.

Отнюдь не на все донесения разведки Сталин реагировал скептически. Так, полученные 12 июня сведения из Берлина настолько встревожили его, что Жуков получил возможность направить в тот же день директиву командующим войсками приграничных военных округов с указанием с 12 по 15 июня вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе. Командующий Киевским Особым военным округом генерал Кирпонос приказал стрелковым дивизиям, расположенным в глубине, начать выдвижение в 20 часов 18 июня в полном составе, но без мобилизационных запасов. В Западном Особом военном округе командиры стрелковых корпусов и дивизий получили устные распоряжения на выдвижение из глубины ближе к границе. 13 июня Жуков и Тимошенко попросили разрешения у Сталина привести войска приграничных округов в полную боевую готовность и развернуть первые эшелоны по плану прикрытия. Сталин обещал подумать.

Почему же Сталин не верил в возможность нападения Германии? Во-первых, внешняя и военная разведки, если судить из опубликованных сведений, сообщали несколько различных сроков нападения, которые (кроме 22 июня) не сбылись. Во-вторых, германское руководство в первой половине 1941 г. провело умелую кампанию по дезинформации. В

Германии распространялись слухи: Сталин приедет в Берлин, шьют уже красные флаги для встречи, предстоит скорое вторжение в Англию. 13 июня в газете «Фелькишер беобахтер» была напечатана статья имперского министра пропаганды Й. Геббельса под названием «Крит как пример», которая должна была создать впечатление о том, что высадка немецких парашютистов на Крит является репетицией атаки на Великобританию. Газета была сразу же конфискована. Геббельс 14 июня отмечал в своем дневнике: «Английское радио уже заявило, что наши выступления против России – пустой блеф, за которым скрывается наша подготовка к вторжению (на Британские острова. – *Авт.*). Такова и была главная цель. В мировых новостях царит полнейшая неразбериха»{90}.

14 июня в «Правде» публикуется сообщение ТАСС, в котором объявлялось, что все слухи о намерении Германии порвать пакт о ненападении и совершить нападение на Советский Союз лишены основания. К великому сожалению, оно только дезориентировало командиров Красной Армии и притупляло их бдительность. Все эти просчеты в оценке международной обстановки и заигрывание с нацистской Германией роковым образом обернулись против Советского Союза.

И все-таки определенные меры по подготовке к отражению возможной агрессии предпринимались, но весьма робко. Так, с середины июня в некоторых соединениях были выданы боеприпасы, отменены отпуска личному составу, началось строительство командных пунктов. В войсках велась отработка «Плана-инструкции по подъему войск по боевой тревоге». Командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов 15 июня потребовал максимально повысить боеготовность частей и рассредоточить авиацию. Согласно этому приказу командиры стрелковых дивизий должны были разработать планы обороны своей полосы, а заготовку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем производить с таким расчетом, чтобы минное поле по особому приказу в случае необходимости могло быть установлено в течение 3 часов. Одновременно приказывалось тщательно проработать план противовоздушной обороны, замаскировать самолеты, танки и артиллерию. Все эти мероприятия предписывалось выполнить к 25 июня.

17 июня нарком государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов направил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР сообщение, в котором, ссылаясь на источник, работающий в штабе германской авиации, отмечал:

«1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС… воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может».

В сообщении говорилось, что объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские. В военных действиях на стороне Германии может принять активное участие Венгрия.

На препроводительной записке к сообщению Сталин нанес резолюцию: «Т-щу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба Герм. авиации к е… матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.»

В приграничных военных округах командующие, не дожидаясь указаний из Москвы, на свой страх и риск продолжали проводить мероприятия по стратегическому развертыванию. Так, командующий Прибалтийским Особым военным округом приказал 18 июня привести в боевую готовность театр военных действий и определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, противотанковых мин, взрывчатых веществ и противопехотных заграждений. Приказом предписывалось заготовить подручные материалы для

устройства переправ через реки Вилия, Невяжа, Дубисса, подготовить понтонные полки для наводки мостов через Неман, а также провести рекогносцировку наиболее важных мостов с целью их последующего разрушения. Кроме того, требовалось привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону, все средства связи, подготовить к работе в боевой обстановке железнодорожное сообщение{91}. Одновременно военные советы армий и командиры механизированных корпусов получили приказ начать выдвижение войск в предназначенные им по плану прикрытия полосы и районы, взяв с собой «только необходимое для жизни и боя».

19 июня советский резидент в Риме Г. И. Рогатнев получил от ценнейшего агента сообщение: «Германия нападет на СССР в интервале между 20 и 25 июня». Одновременно агент «Брайтенбах» на внеочередной встрече с сотрудником берлинской резидентуры Б. Н. Журавлевым сказал: «Германия нападет на СССР 22 июня после 3 часов утра»{92}.

В тот же день, 19 июня, Жуков направил командующим войсками приграничных военных округов телеграммы с указанием наркома обороны о выводе фронтовых и армейских управлений на полевые пункты. Командующему Киевским Особым военным округом предписывалось к 22 июня вывести управление фронта (Юго-Западного. – *Авт.*) в Тернополь с соблюдением строжайшей тайны{93}. Фронтовое управление Северо-Западного фронта во главе с командующим Прибалтийским Особым военным округом должно было прибыть 22–23 июня в Паневежис, а Западного – в Обуз-Лесна.

Одновременно приграничные военные округа получили указание в двухнедельный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом в соответствии с планом прикрытия. В целях маскировки аэродромов нарком обороны требовал к 1 июля «засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, взлетные полосы покрасить и имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону». Категорически запрещалось линейное, скученное расположение самолетов, приказывалось обеспечить их рассредоточение, провести к 1 июля маскировку складов, мастерских и парков, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8–10 ложных аэродромов с макетами самолетов. К 15 июля предписывалось завершить все работы по маскировке артиллерийских и мотомеханизированных частей{94}. Флоты и флотилии получили предписание о переходе в оперативную готовность № 2.

После того как Сталин узнал о мероприятиях в Прибалтийском Особом военном округе, он вновь устроил очередной разнос Тимошенко и Жукову. В результате начальник Генштаба 20 июня направил Кузнецову телеграмму с требованием отменить приказ о приведении в боевую готовность системы противовоздушной обороны, так как оно вызывает различные толки и нервирует общественность.

Тем временем у западных границ СССР заканчивали развертывание германские группы армий «Север», «Центр», «Юг», отдельная немецкая армия «Норвегия», финская и две румынские армии, венгерская корпусная группа. Всего к 22 июня в первом стратегическом эшелоне врага находились 153 дивизии и 19 бригад (из них немецких – 125 дивизий и 2 бригады), свыше 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 4,4 тыс. боевых самолетов, почти 39 тыс. орудий и минометов. Общая численность группировки вместе с германскими ВВС и ВМС (192 корабля основных классов) составляла почти 4,4 млн. человек. В стратегическом резерве немецкого Главного командования имелось 28 дивизий и бригад, около 500 тыс. человек, 8 тыс. орудий и минометов, 350 танков.

Западные приграничные военные округа Красной Армии насчитывали к этому времени 170 дивизий, 2 отдельные стрелковые и 12 воздушно-десантных бригад. Эти силы были относительно равномерно распределены вдоль всей границы и рассредоточены на большую глубину (третий эшелон прикрытия располагался на расстоянии 100–400 км от границы).

Всего группировка советских войск на Западном ТВД насчитывала 3 млн. человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и более 9,1 тыс. боевых самолетов{95}.

Противник имел превосходство в живой силе в 1,3 раза, равное соотношение по орудиям и минометам, но уступал советским войскам в 2,1 раза по количеству боевых самолетов и в 2,7 раза – по танкам. Однако по качеству боевой техники безусловное преимущество было на стороне Германии. Кроме того, ее войска были полностью укомплектованы и развернуты, оснащены современным транспортом и находились в полной боевой готовности. Советские войска, выдвинутые к западной границе, по оценке большинства исследователей, не были подготовлены ни к обороне, ни тем более к наступлению.

Генерал Г. Гудериан, находившийся 21 июня 1941 г. в передовых частях 2-й танковой группы, вспоминал: «Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть сколько-нибудь продвинулись вперед за последние недели. Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом. Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение установленного времени»{96}.

На исходе того же дня, когда Гудериан проверял готовность к наступлению своих частей, Жукову позвонил начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал Пуркаев, который сообщил о перебежчике, заявившем, что немецкие «войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня». Жуков немедленно доложил об этом Тимошенко и Сталину, который вызвал обоих к себе. В Кремль они приехали, имея на руках проект директивы о приведении войск в полную боевую готовность. По указанию Сталина она была тут же доработана и подписана наркомом обороны Тимошенко, начальником Генштаба Жуковым и членом Главного военного совета Маленковым. В директиве, адресованной военным советам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского, Одесского округов и в копии – наркому Военно-Морского Флота, говорилось:

«1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»{97}.

Передача директивы в зашифрованном виде из Генштаба в округа закончилась только в 00 часов 30 минут 22 июня. На ее расшифровку требовалось определенное время. А ведь была возможность передать в округа ранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», что заняло бы всего несколько минут.

В штаб Западного Особого военного округа директива поступила в ноль часов 45 минут. Через 15 минут командующий округом генерал армии Павлов доложил наркому обороны о том, что в течение последних полутора суток в Сувалкский выступ беспрерывно идут немецкие мотомеханизированные колонны. Тимошенко посоветовал командующему округом не паниковать, на всякий случай утром собрать штаб, а если будут отдельные провокации – позвонить. Сразу же после разговора с наркомом Павлов приказал командующим и начальникам штабов армий привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недостроенные железобетонные укрепления. Командующие 3, 10 и 4-й армиями и командующий ВВС округа доложили Павлову, что войска и авиация готовы к бою. В 2 часа 25 минут и 2 часа 35 минут директива, полученная из Москвы, была направлена в штабы армий. По сигналу «Гроза» вводился в действие «Красный пакет», в котором находился план прикрытия государственной границы.

В штаб Киевского Особого военного округа директива поступила в 1 час 45 минут, а штабы армий получили ее в 2 часа 35 минут. Однако приказы и распоряжения о приведении войск в боевую готовность в большинстве случаев были получены слишком поздно – до начала артиллерийской подготовки противника оставалось немногим более получаса. Командир 75-й стрелковой дивизии генерал-майор С. И. Недвигин докладывал через несколько дней командующему 4-й армией: «Красный пакет» опоздал, а отсюда и вся трагедия»{98}.

Более благополучно обстояло дело в Военно-Морском флоте, так как Тимошенко напрямую предупредил наркома ВМФ Кузнецова о необходимости приведения флота в боевую готовность № 1. Кузнецов сразу же установленным паролем быстро отдал соответствующие распоряжения. В результате флот был приведен в боевую готовность за 3–4 часа до начала войны.

В 3 часа 7 минут командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский доложил наркому обороны о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов и просил указаний. Командующему флотом была дана команда встретить самолеты огнем зенитных средств.

В 3 часа 10 минут разведывательный отдел штаба Западного Особого военного округа сообщал начальнику Главного разведывательного управления генералу Голикову:

«1. По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе ЗапОВО заняла исходное положение.

2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе»{99}.

Нашествие

В 3 часа утра 22 июня 1941 г. немецкая авиация вторглась в воздушное пространство Советского Союза и нанесла массированный бомбовый удар по всей западной приграничной полосе на глубину свыше 400 км. Через 15 минут началась артиллерийская подготовка противника. В 3 часа 30 минут начальник Генштаба Красной Армии генерал армии Г. К. Жуков получил доклад о налете вражеской авиации на города Белоруссии от начальника штаба Западного Особого военного округа генерал-лейтенанта В. Е. Климовских. А минуты через три начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев сообщил, что бомбардировке подверглись города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, который сообщил о воздушных налетах на Каунас и другие города. Многомесячные, практически безнаказанные полеты немецких самолетов-разведчиков, агентурные данные позволили германскому командованию с высокой точностью выявить пункты управления, линии связи, аэродромы, склады, места расположения войск. В результате они первыми подверглись удару и разрушениям.

В 4 часа утра командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский доложил наркому обороны о том, что налет вражеской авиации отражен.

В 4 часа 5 минут войска группы армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала В. фон Лееба перешли в наступление, захватив все пограничные мосты неповрежденными. В журнале боевых действий группы армий «Север» записано: «Сопротивление на границе было очень незначительным. Противник был застигнут врасплох»{100}. Через 10 минут началось наступление войск групп армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) и «Юг» (генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт). В отчете штаба 1-й танковой группы отмечалось: «Противник ошеломлен внезапностью. Вначале он не оказывал никакого сопротивления»{101}. В журнале группы армий «Центр» отмечалась та же картина: «Противник на всех участках застигнут врасплох… Мосты через Западный Буг взяты нашими войсками… Сопротивление в Бресте оказывается, главным образом, в крепости… Общая оценка обстановки: наше наступление явилось полной неожиданностью для противника»{102}.

Г. К. Жуков, вспоминая те роковые дни, пишет, что около 4 часов утра он по указанию наркома обороны позвонил И. В. Сталину, доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. Сталин, выслушав начальника Генштаба, сказал, чтобы он вместе с Тимошенко прибыл в Кремль.

В половине пятого утра в кабинете И. В. Сталина собрались С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, В. М. Молотов, Л. П. Берия и Л. З. Мехлис. По свидетельству Георгия Константиновича, Сталин после сообщения Тимошенко о том, что немцы бомбят города на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике, все еще допускал вероятность провокационного характера их действий. Молотов позвонил в германское посольство. Там ответили, что посол Германии в Москве граф фон Ф. Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Вскоре, приняв посла, вернулся Молотов и сообщил, что германское правительство объявило войну Советскому Союзу.

В «Декларации Гитлера», опубликованной в Германии, отмечалось:

«…Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего пакта о дружбе. Делая все это, правители Кремля притворялись до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы, так же, как это было в отношении Финляндии и Румынии. Они сочинили опровержение, производившее впечатление невинности. В то время как до сих пор обстоятельства заставляли меня хранить молчание, теперь наступил момент, когда

выжидательная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы. Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки. Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра.

Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам и по своему территориальному охвату является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. Сотрудничая со своими финскими товарищами, соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана. Германские дивизии под командованием победителя Норвегии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала. От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта. На берегах Прута, на нижнем течении Дуная до берегов Черного моря находятся германские и румынские солдаты под командованием генерала Антонеску, главы румынского государства: в задачу этого фронта входит уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и, следовательно, защита всех стран Европейского континента. Таким образом, я решил сегодня передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!»{103}

В то время как в Кремле решали, что предпринять для отражения агрессии Германии, заместитель командующего войсками Западного фронта генерал И. В. Болдин в шестом часу утра доложил по телефону наркому обороны о налетах вражеской авиации на войска и мирное населении и о переходе противника через государственную границу. Нарком, по свидетельству Болдина, сказал: «Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не начинать»{104}.

В 5 часов 25 минут командующий Западным фронтом приказал командующим 3,10 и 4-й армиями: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий» поднять «войска и действовать по-боевому»{105}.

В 6 часов 10 минут командующий Северо-Западным фронтом доложил наркому обороны: «Отдал приказ контратаками выбросить противника и пленить. Наши Военно-воздушные силы в воздухе. До получения вашего приказа границу не перелетать… принял меры, чтобы бомбить противника, не перелетая границы»{106}.

В Кремле наконец-то сумели прийти к единому мнению. В 7 часов 15 минут члены Главного военного совета Тимошенко, Жуков и Маленков подписали директиву № 2:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

22 июня 1941 г. в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км.

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»{107}.

Жуков, вернувшись в Генштаб, немедленно вызвал к себе своих заместителей и начальников управлений. Им была поставлена задача во исполнение указаний наркома обороны подготовить директивы: о призыве личного состава и транспорта укрепленных районов, о проведении отмобилизования частей в военных округах, о введении в действие планов мобилизационных перевозок, о порядке использования неприкосновенного запаса и мобилизационных резервов боевой техники и материальных средств, о переводе первого эшелона управления Харьковского военного округа в новый пункт (на базе управления Харьковского военного округа и войск Киевского Особого военного округа формировалась 18-я армия) и управления 20-й армии в Смоленск{108}.

Наиболее сложной была задача получить точные разведывательные данные о противнике и о характере его действий. Ответа на эти вопросы не было, так как противник нарушил, а на Западном фронте почти полностью парализовал управление войсками и связь. В части и соединения поступали противоречивые указания вышестоящих штабов и командиров. В этих условиях нереально выглядела задача «обрушиться на вражеские силы и уничтожить их», поставленная в директиве № 2. Большая часть стрелковых дивизий первого стратегического эшелона в первые же часы после нападения была расчленена, некоторые оказались в окружении. Механизированные корпуса, способные нанести ощутимые встречные удары, только начинали выдвижение к границе и находились в большой удаленности от участков прорыва.

Несмотря на отсутствие точных данных об обстановке, военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов в 21 час 15 минут была направлена директива № 3, подписанная Тимошенко, Жуковым и Маленковым:

«1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей границе с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23–24.6 ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6-й А (армий. – *Авт.*) окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. Приказываю:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы…

б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки…

в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки…

г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6-й А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления.

д) Армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу территорию. При попытке противника нанести удар в черновицком направлении или форсировать р. Прут и Дунай мощными фланговыми ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией уничтожить его; двумя мехкорпусами в ночь на 23.6 сосредоточиться в районе Кишинев и лесов северо-западнее Кишинева.

4. На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей.

5. Авиации Главного Командования:

а) поддержать Северо-Западный фронт одним вылетом 1-го авиационного корпуса ДД (дальнего действия. – *Авт.*) и Западный фронт одним вылетом 3-го ав. корп. ДД на период выполнения ими задачи по разгрому сувалкской группировки противника;

б) включить в состав Юго-Западного фронта 18-ю авиадивизию ДД и поддержать Юго-Западный фронт одним вылетом 2-го ав. корпуса ДД на период выполнения им задачи по разгрому люблинской группировки противника;

в) 4-й ав. корпус ДД оставить в моем распоряжении в готовности содействовать главной группировке Юго-Западного фронта и частью сил Черноморскому флоту»{109}.

Заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, готовивший эту директиву, не знал истинной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Поэтому, определяя стратегический рубеж ответных действий Красной Армии, он руководствовался планом стратегического развертывания от 15 мая 1941 г. Впоследствии Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян (в то время – начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта), оценивая эту директиву, писал: «Когда я зачитал генералу Пуркаеву телеграмму, он с явным недоверием взглянул на меня, выхватил бланк и перечитал текст несколько раз. Быстро обмениваемся мнениями. Они у нас сходятся: к наступлению мы не готовы»{110}.

В тот же день, 22 июня, председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин подписал Указы об объявлении в отдельных местностях военного положения, о военном положении, «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» и «Положения о военных трибуналах», которые были объявлены для руководства в приказах наркома обороны от 23 июня.

По указанию И. В. Сталина на Западный фронт были направлены Маршалы Советского Союза Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик, а на Юго-Западный фронт – генерал армии Г. К. Жуков.

В Тернополь, где находился штаб Юго-Западного фронта, Жуков прибыл поздно вечером 22 июня. Командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос доложил, что войска группы армий «Юг» перешли государственную границу на фронте Владава, Перемышль, Липканы на луцком направлении силами 4–5 пехотных и танковых дивизий, на рава-русском – 3–4 пехотных дивизий с танками, на перемышль-львовском направлении – 2–3 пехотных дивизий. Кирпонос считал, что 23 июня противник предпримет более активные действия и осуществит ввод более крупных сил. Командующий фронтом планировал привлечь для уни-

чтожения группировки противника, продвигающейся к Луцку и Дубно, 31, 36 и 37-й стрелковые и 9, 19 и 15-й механизированные корпуса из своего резерва, а также 22-й механизированный корпус из 5-й армии, 4-й – из 6-й армии и 8-й – из 26-й армии.

На вопрос Жукова о том, где сейчас находятся механизированные корпуса, командующий фронтом ответил, что 8-й механизированный корпус на марше в район Броды, а 9 и 19-й механизированные корпуса получили приказание выдвинуться в район Луцка и Ровно с целью нанести контрудар по прорвавшемуся противнику с севера. В данное время 15-й механизированный корпус находится в районе Топорова, а остальные выйдут на исходное положение к утру 24 июня. Следовательно, приказ наркома обороны о занятии указанных в нем рубежей к исходу 24 июня был явно невыполним. Поэтому генерал Пуркаев предложил создать на рубеже укрепленных районов вдоль старой государственной границы прочную оборону из резервных стрелковых корпусов, а механизированные корпуса отвести за этот рубеж, то есть сначала остановить врага, а уж затем, подготовив контрнаступление, попытаться разгромить его. Генерал Кирпонос согласился с доводами начальника штаба, но сказал, что «приказ есть приказ, и его надо выполнять, во что бы то ни стало».

Кирпоноса поддержал Жуков, который считал, что в сложившейся обстановке единственно правильным будет контрудар механизированных корпусов против танковых дивизий противника. Но корпуса не успевают вовремя сосредоточиться в единый кулак, а медлить нельзя: немцы, введя в сражение подвижные соединения, продолжали развивать наступление на Луцк, Дубно, Броды. Поэтому Жуков решил, не ожидая подхода стрелковых и механизированных корпусов из резерва фронта, нанести контрудар теми корпусами, которые были под рукой. Различное удаление корпусов от района их ввода в сражение (от 200 до 400 км) означало и разные сроки подхода и вступления в бой, что не обеспечивало необходимой силы удара по противнику. Но обстановка вынуждала к этому.

Контрудары механизированных корпусов являлись составной частью оборонительных действий войск Юго-Западного фронта, которые впоследствии были названы историками «Львовско-Черновицкой стратегической оборонительной операцией (22 июня – 6 июля 1941 г.)».

23 июня 15-й механизированный корпус генерал-майора И. И. Карпезо нанес удар из района Топорова в северном направлении на Радзехов, по правому флангу группировки противника, но сильно заболоченная местность и массированные налеты немецкой авиации затрудняли маневр боевых машин. Несмотря на это, генерал Кирпонос вечером 23 июня принял решение «не ожидая сосредоточения всех мехкорпусов, нанести завтра, 24 июня, контрудар по прорвавшимся танковым и моторизованным дивизиям противника лишь теми силами, которые уже подошли к району сражения»{111}. Войскам 5-й армии предстояло нанести контрудар в общем направлении на Владимир-Волынский, разгромить части противника, вклинившиеся на луцком направлении, и соединиться с окруженными полками 87-й стрелковой дивизии. 15-й механизированный корпус, выделив часть сил на оборону у Радзехува и на подступах к Бродам, должен был наступать в направлении на Берестечко, чтобы разгромить танковые и моторизованные войска противника, прорвавшиеся из района Сокаля, а затем соединиться с окруженными частями 124-й стрелковой дивизии. На 6-ю армию возлагалась задача удерживать во что бы то ни стало занимаемый фронт, немедленно вывести 4-й механизированный корпус генерал-майора танковых войск М. И. Потапова из боя и повернуть его на Радзехув, на поддержку 15-го механизированного корпуса. Частям 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева предстояло к утру 24 июня выйти в район Броды и быть готовыми поддержать 15-й механизированный корпус ударом на Берестечко. Для остальных армий задача оставалась прежней – прочной обороной удерживать занимаемые рубежи.

Эти планы Кирпонос обсудил с Жуковым, когда тот только что вернулся из 8-го механизированного корпуса, где знакомился с состоянием частей корпуса и тем, как осуществляется выдвижение их из района Львова на Броды. Георгий Константинович оставался верен принципу: понять обстановку можно только на месте. «Начальник Генерального штаба был хмур, – вспоминал И. Х. Баграмян. – Он молча кивнул в ответ на мое приветствие. Из разговора я понял, что Жуков считает действия командования фронта недостаточно энергичными и целеустремленными. По его словам, много внимания уделяется решению второстепенных задач и слишком медленно идет сосредоточение корпусов. А нужно определить главную опасность и против нее сосредоточить основные усилия. Такой главной угрозой являются танковые и моторизованные группировки противника, глубоко вклинившиеся в глубь нашей обороны. Поэтому основные силы фронта при поддержке всей авиации должны быть брошены именно на эти направления. Только так можно добиться перелома в ходе пограничного сражения. Жуков считал ошибкой, что Кирпонос позволил командующему 6-й армией оттянуть 4-й механизированный корпус с правого фланга армии, где враг наносит главный удар, на левый и ввести его в бой на этом второстепенном направлении»{112}.

24 июня 22-й механизированный корпус генерал-майора С. М. Кондрусева совместно со 135-й стрелковой дивизией нанес контрудар по левому флангу вклинившейся группировки противника, стремясь оказать помощь 87 и 124-й стрелковым дивизиям, окруженным восточнее Владимир-Волынского. Однако несогласованность в действиях соединений, большие потери в боях и превосходство противника в танках вынудили части корпуса отступить 25 июня за р. Стырь севернее Луцка. Командир корпуса генерал Кондрусев погиб, а в командование вступил начальник штаба генерал-майор В. С. Тамручи.

По согласованию с Жуковым решили перенести контрудар на утро 26 июня, так как 8, 9 и 19-й механизированные, 31, 36, 37-й стрелковые корпуса ещ е не вышли в назначенные им районы. Однако Жукову не довелось увидеть своими глазами результаты этого контрудара. Утром 26 июня на командный пункт Юго-Западного фронта позвонил Сталин и предложил Жукову немедленно вылететь в Москву.

26 июня части 8-го механизированного корпуса перешли в наступление и в течение дня продвинулись на 10–12 км. Однако другие корпуса не смогли поддержать его успех. 15-й механизированный корпус понес большие потери от ударов вражеской авиации. 9-й (генерал-майор К. К. Рокоссовский) и 19-й (генерал-майор танковых войск Н. В. Фекленко) механизированные корпуса вступили в сражение только во второй половине дня. К исходу 26 июня корпус Фекленко вышел к Дубно, а корпус Рокоссовского не смог преодолеть сопротивление 14-й танковой дивизии противника.

К. К. Рокоссовский, вспоминая события того времени, писал: «26 июня по приказу командарма Потапова корпус нанес контрудар в направлении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником. Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Но посмотрим распоряжение фронта, относящееся к тому периоду: «…Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить ее и восстановить положение». Согласовывалось ли оно с обстановкой на участке, о котором идет речь, не говоря уже о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимир-волынском и ровненском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывалось. У меня создалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, в этом случае правильнее

было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба»{113}.

Во встречном танковом сражении под Берестечко, Луцком, Дубно с обеих сторон участвовало около 2 тыс. танков. Контрудар Юго-Западного фронта на какое-то время задержал продвижение группы армий «Юг». Однако генерал Кирпонос считал, что приграничное сражение проиграно. Жуков писал: «…В результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови»{114}. При этом Георгий Константинович критически оценивает действия на других фронтах, возлагая основную вину за неудачи на Ставку Главного Командования. Она была создана по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и оформлена постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня. В состав Ставки включались нарком обороны С. К. Тимошенко (председатель), начальник Генштаба Г. К. Жуков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, маршалы К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный и нарком Военно-Морского флота Н. Г. Кузнецов{115}. Нарком обороны был председателем Ставки только юридически, так как фактически все решал Сталин. Это порой усложняло управление войсками и приводило к запоздалым решениям в стремительно меняющейся обстановке на фронте. Положение было исправлено 10 июля, когда постановлением Государственного комитета обороны № 83 Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования в составе: председателя ГКО И. В. Сталина, заместителя председателя ГКО В. М. Молотова, маршалов С. К. Тимошенко, С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова, Б. М. Шапошникова, начальника Генштаба генерала армии Г. К. Жукова. 8 августа Ставка Главного Командования была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования под председательством Сталина.

Поздно вечером 26 июня прямо с аэродрома Георгий Константинович направился в Кремль. В кабинете Сталина находились члены Политбюро. Для того чтобы оценить обстановку, Жуков попросил сорок минут на совещание с Тимошенко и Ватутиным. Последние данные Генштаба сводились к следующему. 23–25 июня Северо-Западный и Западный фронты предприняли попытки контрнаступления, но Западному фронту удалось лишь на некоторое время задержать наступление противника на гродненском направлении, а контрудар Северо-Западного фронта по флангу 4-й танковой группы противника из района северо-западнее Каунаса закончился полной неудачей. В результате соединения противника, наступавшие на Даугавпилс и Минск, к исходу 25 июня продвинулись соответственно на 125 и 250 км. На брестско-барановичском направлении войска 4-й армии оказывали беспорядочное сопротивление 2-й танковой группе и 4-й полевой армии противника, которым удалось продвинуться в глубь страны на 200 км. Создалась реальная угроза выхода врага к р. Западная Двина и Минску. В тяжелом положении оказались 3 и 10-я армии Западного фронта, фланги которых были глубоко охвачены противником. Для их выхода на Минск остался лишь узкий коридор шириной до 60 км между городами Скидаль и Волковыск. 25 июня генералу армии Д. Г. Павлову было приказано отвести эти армии на рубеж Лида, Слоним, Пинск. В тот же день по предложению Генштаба Ставка приняла решение о создании в Брянске Группы армий резерва Главного Командования в составе 19, 20, 21 и 22-й армий под командованием Маршала Советского Союза С. М. Буденного. На эту группу возлагалась задача по подготовке оборонительного рубежа главной полосы по линии Сущево, Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга, а также быть готовой по особому указанию Главного Командования к переходу в контрнаступление{116}.

После оценки обстановки Тимошенко, Жуков и Ватутин предложили провести ряд мероприятий по восстановлению стратегического фронта обороны. Сталин одобрил эти предложения.

Во-первых, были уточнены состав и задачи Группы армий резерва Главного Командования, что нашло отражение в директиве № 0038 Ставки Главного командования, подписанной 27 июня Тимошенко и Жуковым. В соответствии с ней в состав группы включались 20, 21 и 22-я армии с задачей:

«К исходу 28.06.1941 г. занять и прочно оборонять рубеж Креславль, Десна, Полоцкий УР, Витебск, Орша, р. Днепр до Лоева. Не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контрударами наземных войск и авиацией…

Перед фронтом армий создать предполье, а внутри оборонительных районов создать полосу заграждений с противотанковыми препятствиями.

До начала действий использовать время на отработку всех вопросов управления.

Тыловой оборонительный рубеж группы иметь: верховье р. Волга, верховье р. Днепр, Ельня, р. Десна»{117}.

Кроме того, в районе Смоленск, Ярцево, Духовщина сосредоточивалась 16-я армия РГК в составе 6 дивизий.

Во-вторых, началось создание в глубине оборонительных рубежей, чтобы закрыть врагу дорогу на Москву. С этой целью Жуков подписал 27 июня директиву Ставки Главного Командования о формировании в Сибирском военном округе 24-й армии, которой надлежало подготовить и занять оборону, имея главную полосу сопротивления станция Нелидово, Белый, выс. 262, Дорогобуж, Гжатск, Ржев{118}. Аналогичная директива была направлена командующему войсками Архангельского военного округа о формировании 28-й армии с задачей подготовить и занять оборону, имея главную полосу обороны – Ельня, р. Десна до Ржанина, Выгоничи{119}.

В-третьих, для спасения войск Северо-Западного фронта от полного разгрома начальник Генштаба приказал 27 июня отвести к утру 30 июня его войска за р. Западная Двина и занять оборону по ее правому берегу на фронте Рига, (искл.) Краслава. В состав фронта передавались 21-й механизированный и 41-й стрелковый корпуса{120}. На следующий день Жуков приказал генерал-полковнику Кузнецову организовать оборону на рубеже Западной Двины и не допустить продвижение танков противника от Поневежа на север и северо-запад{121}.

В-четвертых, командующему 19-й армией директивой № 0060, отданной 28 июня в 17 часов 5 минут, приказывалось к утру 2 июля сосредоточиться в районе (иск.) Горностайполь, Макаров, Фастов, Белая Церковь, Триполье с целью подготовки обороны Киева{122}. Командующему войсками Киевского Особого военного округа была поставлена задача в ночь на 29 июня «выбросить на парашютах несколькими эшелонами 204-ю воздушно-десантную бригаду в район Озаричи, Любань, Волосовичи (40–50 км севернее Калинковичей) для действий в направлениях Шацилок, Паричей, Глуска с целью разгрома подвижной группы противника (до танковой дивизии), которая, форсировав у Бобруйска р. Березина, выдвигалась в направлении на Рогачев»{123}. Командующий 28-й армией получил задачу к исходу 5 июля занять и прочно оборонять рубеж Ельня, р. Десна до Жуковка, Старшевичи, Лопушь, Синезерки, обратив особое внимание на организацию обороны направления Рогачев, Медынь. Войскам 24-й армии предстояло к этому времени занять и прочно оборонять рубеж Высокое, Нелидово, Белый, Болышево, р. Днепр до Усвятье, Озерище, сосредоточив основные усилия на направлении Смоленск, Вязьма{124}.

В-пятых, принимались меры по восстановлению положения на Западном фронте. В директиве № 0068 Ставки Главного Командования, направленной в 20 часов 25 минут 28 июня генералу армии Д. Г. Павлову, говорилось:

«1. С целью разгрома подвижной группы противника в районе Радошковиче, опираясь на Минский укрепленный район, силами 21 и 44 ск 28 и 29.06 нанести удар со стороны

Молодечно на Красне, Радошковиче и со стороны Минска на Ракув, Грудск, Молодечно и, не допустив отхода ее на запад, уничтожить. Наступательные действия не прекращать и ночью.

2. Для изоляции и уничтожения подвижных частей противника, прорвавшихся от Слуцка на Бобруйск, путем диверсионных нападений на отдельные машины, части и тылы, 214-ю авиадесантную бригаду форсированным маршем на автотранспорте выбросить сегодня же ночью для действия в направлениях на Глушу, Глуск и Старые дороги.

Иметь в виду, что одновременно с этой же целью в район Озоричи (35–60 км сев. Калинковичей) будет выброшена 204-я авиадесбригада Юго-Зап. фронта для действий в направлениях Шацилки, Паричи, Глуск. После выброски бригада подчиняется Вам. Прикрытие Осиповичей возложить на авиадесбригаду. Высылаемые отряды предупредить, что у противника затруднения с горючим.

По выполнении задач бригадам искать соединения со своими войсками по обстановке.

3. Группой Петрова в составе 47 ск и мехкорпусов фронта нанести удар по тылам прорвавшейся группы противника в общем направлении Слуцк, Погост, Глуск, Паричи.

Частями 47 ск прочно занять и оборонять Слуцкий УР, закрыв дорогу для подвоза со стороны Кобрина и обеспечивая действия наших частей на Бобруйск со стороны Барановичи, Кобрин»{125}.

В день своего возвращения в Москву Жукову пришлось принять еще одно важное решение. Командующий Юго-Западным фронтом доложил ему о своем решении резервными стрелковыми корпусами перейти к обороне на рубеже Луцк, Кременец, Гологуры. Механизированным корпусам было приказано прекратить контрудары, выйти из боя и отойти за этот рубеж. Жуков считал такое решение ошибочным. Части 1-й танковой группы генерала Э. Клейста были разбросаны по дорогам, и ее фланги были открытыми. Механизированные корпуса Юго-Западного фронта занимали выгодное положение на флангах и в тылу вражеских дивизий. Поэтому необходимо было наносить контрудар со всей решительностью, не проявляя колебаний, не выводя сражавшиеся дивизии из боя в момент, когда у них обозначился успех. Развивая его, механизированные корпуса вынудили бы противника временно перейти к обороне. А это в конечном счете дало бы возможность фронту перегруппировать силы, подтянуть новые соединения из тыла и занять выгодные оборонительные рубежи. Жуков, считая, что генерал Кирпонос явно поторопился переходить к обороне, потребовал в жесткой форме от него с утра 27 июня перейти в наступление и разгромить противника, прорвавшегося к Луцку и Дубно. Однако к утру 27 июня, когда удалось обобщить сведения, поступившие с других фронтов, Жуков понял ошибочность своего решения о продолжении контрударов на Юго-Западном фронте. Обсудив еще раз ситуацию с генералами Ватутиным и Василевским, начальник Генштаба приказал подготовить директиву об отводе войск Юго-Западного фронта на рубеж укрепрайонов старой государственной границы.

Сталина более всего тревожило положение на Западном фронте. С целью подробнее разобраться с обстановкой в Белоруссии он вместе с членами Политбюро прибыл 29 июня в Наркомат обороны. В наркомате их встретили Тимошенко, Жуков и Ватутин. Они доложили, что связь с войсками Западного фронта потеряна, меры по ее восстановлению приняты, но на это потребуется много времени. Такой ответ не устроил Сталина, заявившего, что раз нет связи, то Генштаб бессилен руководить. Жуков, оскорбленный грубым окриком, выбежал в другую комнату. За ним пошел Молотов. Все были в удрученном состоянии. Через несколько минут Жуков, внешне спокойный, вернулся. Договорились (по предложению Сталина), что на связь с Западным фронтом пойдет Кулик. Одновременно члены Ставки Главного Командования Сталин, Тимошенко и Жуков подписали директиву № 0096, которая требовала от войск Северо-Западного фронта продолжать оборону на рубеже Рига, Якобштадт, озеро Лук-

нас, имея главной задачей не допустить прорыва противника со стороны Двинска и от Якобштадта в северном и северо-восточном направлениях{126}.

На южном и юго-западном направлениях было решено отойти и организовать оборону на новых рубежах. В директиве Ставки Главного Командования от 30 июня говорилось:

«…3. Войскам Юго-Западного и Южного фронтов отойти к 9 июля на рубеж укрепленных районов: Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Старо-Константиновского, Проскуровского и Каменец-Подольского, где, опираясь на УРы, организовать упорную оборону полевыми войсками с выделением в первую очередь артиллерийских противотанковых средств. Основные силы сосредоточить в резервах.

4. Армиям Юго-Западного фронта отойти на основной рубеж Сарны, р. Случь, Острог, Скаладзь (Скалат), Чортков, Коломыя, Берхомет (Берегомет), удерживая его до 6 июля. В дальнейшем отойти на основной рубеж.

Главную группировку фронта создать в районе Каганович (Кагановичи 1-е), Чаповичи, Радомышль, Чернобыль…

5. Армиям Южного фронта прикрывать отход войск Юго-Западного фронта со стороны Румынии до выхода их на промежуточный рубеж. С началом отхода армий Юго-Западного фронта на основной рубеж отвести правое крыло 18-й армии на фронт Смотричи, Липканы, где организовать упорную оборону, опираясь на УР. Основную группировку сил фронта иметь ближе к правому крылу фронта»{127}.

Для проведения в жизнь чрезвычайных мер постановлением ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и СНК СССР от 30 июня создается Государственный комитет обороны (ГКО), который возглавил Сталин. В руках ГКО концентрировалась вся полнота власти в стране.

Решение Ставки Главного Командования о переходе к стратегической обороне явилось первым шагом на пути из плена беспочвенных иллюзий. Но провал военно-стратегических идей Сталина оказался слишком глубоким – огромные жертвы и катастрофические неудачи начального периода войны требовали объяснений. 30 июня Сталин позвонил Жукову и приказал вызвать в Москву командующего Западным фронтом генерала армии Павлова.

Когда Жуков увидел 1 июля Павлова, то едва узнал его – так изменился Дмитрий Григорьевич за несколько дней войны. В тот же день Павлов был отстранен от командования фронтом и вскоре предан суду. Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством армвоенюриста В. В. Ульриха на закрытом судебном заседании «за позорящую командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» приговорила 22 июля к расстрелу Д. Г. Павлова, начальника штаба фронта генерала В. Е. Климовских, начальника связи генерала А. Т. Григорьева, командующего 4-й армией генерала А. А. Коробкова{128}.

Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 июля 1957 г. Д. Г. Павлов, В. Е. Климовских, А. Т. Григорьев и А. А. Коробков были реабилитированы.

По решению Ставки Главного Командования командующим Западным фронтом был назначен нарком обороны С. К. Тимошенко{129}. В состав фронта со 2 июля передавались 19, 20, 21, 22-я армии, а в тылу, в районе Смоленска, сосредоточивалась 16-я армия.

Расстрел командующего Западным фронтом не оказал какого-либо влияния на изменение обстановки в лучшую для Красной Армии сторону. Надо было не казнить генералов, а оказывать им помощь. Но в той сложной обстановке, когда никто толком не знал в полной мере, что творится на фронтах, от командующих пока лишь требовали сделать все возможное и невозможное для стабилизации положения. Когда командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, вопреки директиве № 0096, поставил войскам задачу отойти и организовать оборону на рубеже укрепленных районов, Жуков направил ему 30 июня директиву следующего содержания:

«Вами приказ Ставки 0096 не понят. Сложившаяся обстановка требует в течение ближайших трех-четырех дней задержать противника на рубеже Западной Двины. Ставка требует выполнения приказа 0096. Примите все меры, чтобы не допустить распространения противника на северном берегу Западной Двины. Используйте всю авиацию для систематической бомбежки днем и ночью переправ и переправляющихся частей противника. Об исполнении донести. В районе Риги оставить подвижные части для обороны рубежа на широком фронте, основную группу 8-й армии оттянуть как можно дальше. Острова Эзель и Даго удерживать»{130}.

С отъездом наркома Тимошенко на фронт вся тяжесть ответственности за боевые действия войск легла на Генеральный штаб и его начальника. А с постоянным ухудшением обстановки на фронтах все более неровным и крайне нервозным становилось поведение Сталина. Объем работы Генштаба необычайно возрос, в сферу его деятельности входили и такие важнейшие вопросы, как проведение мобилизации, работа тыла, железных дорог. Георгий Константинович и его сотрудники буквально задыхались. По настоянию Жукова Генеральный штаб в начале июля был перестроен и нацелен исключительно на решение задач по руководству вооруженной борьбой. Из его состава были выведены Организационное и Мобилизационное управления.

О том, какой объем работы приходилось выполнять начальнику Генштаба и какие ответственные решения принимать, можно судить по следующим документам, которые Жуков по поручению Ставки и от себя лично направлял в войска. Для этого воспользуемся сборником «Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). – М.: ТЕРРА, 1996».

2 июля:

Командующему Закавказским военным округом направляется директива № 00140 с требованием отменить распоряжения о занятии границы, что могло спровоцировать Турцию и Иран на войну с Советским Союзом.

Командующему 22-й армией ставится задача о занятии обороны в районе Витебска.

В ночь на 3 июля:

Жуков в разговоре по прямому проводу с начальником штаба Юго-Западного фронта генералом Пуркаевым ставит задачу: «…Учитывая стремление противника отрезать части 6, 26 и 12-й (армий), вам необходимо проявить исключительную активность, изобретательность и смелость в руководстве выводом частей. Если этого не сделаете, армии будут отрезаны, и для них это пахнет катастрофой…»

3 июля:

Командующим войсками фронтов и ВВС Красной Армии направляется директива о недостатках в использовании дальнебомбардировочной авиации, которую требуется применять впредь «преимущественно на больших высотах и ночью. В дневное время на средних высотах использовать с прикрытием истребителями и подавлением ЗА (зенитная артиллерия. – *Авт.*) противника». Одновременно им ставится задача в целях истребления авиации противника нанести 3 июля внезапный массовый удар по авиации противника на его аэродромах.

4 июля:

Военному совету Северного фронта приказывается: «В связи с явной угрозой прорыва противника в районе Остров, Псков немедленно занять рубеж обороны на фронте Нарва, Луга, Старая Русса, Боровичи. На этом рубеже и в предполье глубиною 10–15 км создать сплошные заграждения и минные поля, оставив лишь пути для войск Северо-Западного фронта. Собрать больше противотанковых пушек и поставить их в качестве орудий ПТО. Разрешается снять часть дивизионов с противовоздушной обороны округа, включительно до снятия ее с Выборга и других объектов»{131}.

Командующему Южным фронтом, 21-й армией и маршалу С. М. Буденному предписывается сосредоточить 16-й механизированный корпус к 9 июля в районе Мозырь, Калинковичи.

5 июля:

Военный совет Ленинградского военного округа получает задачу: «Для прикрытия города Ленинграда и важнейших направлений с юго-запада и юга: Гдов – Кингисепп – Ленинград, Луга – Ленинград, Новгород – Ленинград, Вышний Волочек – Ленинград построить оборонительный рубеж на фронте (иск.) Кингисепп, Толмачево, Огорели, Бабино, Кириши и далее по зап. берегу р. Волхов. Отсечную позицию – на рубеже Луга, Шимск. Наиболее прочно прикрыть направления Гдов – Ленинград, Луга – Ленинград, Шимск – Ленинград».

Командующему Киевским военным округом: «При производстве работ по усилению укрепрайонов особое внимание уделить созданию противотанковых и противопехотных препятствий между Коростенским и Новоград-Волынским УРами на участке Осова, Катериновка, Симоны, Баскаки и на фронте Лажава, Миссиоровка Остропольского укрепленного района».

Командующему Западным фронтом: «По имеющимся данным, перед фронтом 2, 44-го ск, 20-го мехкорпуса, вдк (4-й воздушно-десантный корпус. – *Авт.*) противника нет, наблюдает только разведка. Т. Сталин считает, что 2, 44-й ск должны ударить на Борисов, смять противника и выйти в район Лепель, Докшицы для окружения 57-го мехкорпуса (57-й моторизованный корпус. – *Авт.*) противника. Без этого удара 5, 7-й мк успеха иметь не будут. Вдк оставить для прикрытия переправ на р. Березина. Переправу противника у Рогачева ликвидировать, иначе он сорвет нам наш план».

Командующим войсками фронтов: «В боях за социалистическое Отечество против войск немецкого фашизма ряд лиц командного, начальствующего, младшего начальствующего и рядового состава – танкистов, артиллеристов, летчиков и других проявили исключительное мужество и отвагу. Срочно сделайте представление к награждению правительственной наградой в Ставку Главного Командования на лиц, проявивших особые подвиги».

В ночь на 6 июля:

Жуков требует от командующего Юго-Западным фронтом: «…Примите меры, чтобы противник не оказался у вас в Бердичеве и не отрезал бы 26 и 12-ю армии. Спешите с отводом за УР…»

Однако было уже поздно. В 16 часов 7 июля немецкие войска ворвались в Бердичев. «Ни в штабе 6-й армии, ни в штабе фронта об этом пока не знали», – отмечал впоследствии И. Х. Баграмян{132}. Узнали примерно через 10–12 часов после захвата города врагом. Хотя ему не удалось окружить эти армии, он прошел через укрепленный район. Г. К. Жукову оставалось только в переговорах со штабом фронта задать риторический вопрос: «Не понимаю, как вы могли пропустить противника через Шепетовский укрепленный район?»

В тот же день, 7 июля, Жуков направляет командующему Юго– Западным фронтом директиву № 00223, в которой требовалось одним стрелковым корпусом удерживать рубеж по восточному берегу р. Случь, обеспечивая стык с Западным фронтом. Главные силы 5-й армии надлежало отвести в район Овруч, Коростень и прочно занять Коростенский УР. Остальные армии фронта необходимо было к утру 9 июля отвести и прочно занять для обороны рубеж по линии Новоград-Волынского, Остропольского и Летичевского укрепленных районов. Одновременно следовало подготовить тыловые рубежи: первый – по линии Чернигов, р. Десна, Киевский укрепленный район, Фастов, р. Торч, Жашков и второй – по восточному берегу р. Днепр. Южному фронту предписывалось собрать резервы из районов Белград, Черновицы, Бельцы, Кишинев и контрударом отбросить противника за р. Прут, после чего принять меры к укреплению обороны на этой реке{133}.

С целью уничтожения мотомеханизированных войск и пехоты противника Ставка Главного Командования потребовала 9 июля от командующих фронтами «немедленно организовать удар по главным и самым опасным группировкам противника с воздуха группами самолетов, снаряженных гранулированным фосфором, термитными шарами, бутылками КС в РАПах и ведрах Онисько, а также ампулами с веществом КС»{134}.

10 июля К. Е. Ворошилов назначается главнокомандующим войсками Северо-Западного направления с подчинением ему Северного и Северо-Западного фронтов, С. К. Тимошенко – главнокомандующим войсками Западного направления с подчинением ему войск Западного фронта, С. М. Буденный – главнокомандующим войсками Юго-Западного направления с подчинением ему Юго-Западного и Южного фронтов. Однако в силу запоздалого создания этих промежуточных органов стратегического руководства, слабой слаженности как органов управления, ограниченных возможностей по выделению в их распоряжение минимально необходимых сил и средств, а также резервов, эффективность деятельности главных командований оказалась низкой. Они зачастую становились параллельно действующими органами управления, промежуточно-передаточными инстанциями. В 1941–1942 гг. они были упразднены.

Основные силы германских войск тем временем выходили на дальние подступы к Москве. Ожесточенные сражения одновременно развернулись на великолукском, смоленском и рославльском направлениях. 2-я танковая группа противника форсировала Днепр, а 3-я танковая группа прорвала оборону Западного фронта в районе Витебска. 12 июля Жуков направляет главнокомандующему войсками Западного направления директиву № 00290:

«Первое. Для ликвидации прорыва противника у Витебска немедленно организовать мощный и согласованный контрудар имеющимися свободными силами из районов Смоленска, Рудни, Орши, Полоцка и Невеля. Фронта Орша, Могилев не ослаблять.

Второе. Контрудар поддержать всеми ВВС фронта и дальнебомбардировочным корпусом.

Третье. Перейти к активным действиям на направлении Гомель, Бобруйск для воздействия на тылы могилевской группировки противника»{135}.

13 июля в направлении на Бобруйск нанесла удар 21-я армия. Она форсировала Днепр, освободила Рогачев и Жлобин и с боями двинулась в северо-западном направлении. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок вынужден был перебросить сюда крупные силы 2-й полевой армии. Но по ее тылам прорвалась и вышла в район Бобруйска кавалерийская группа генерала О. И. Городовикова. Для борьбы с ней немецкое командование было вынуждено привлечь из своего резерва еще три пехотные дивизии. Упорная оборона 13-й армии в районе Могилева, действия 21-й армии под Бобруйском затормозили продвижение противника на рославльском направлении.

Но в центре Западного фронта немецкие войска продолжали отступать. Во второй половине июля они вышли в район Ярцево, Ельня, Смоленск, Кричев, Пропойск и глубоко вклинились в нашу оборону. Но в это время оба фланга группы армий «Центр» оказались под угрозой контрударов советских войск – создались благоприятные условия для окружения и уничтожения смоленской группировки противника.

14 июля по поручению Ставки Жуков отдает приказ № 00334 о создании Фронта резервных армий в составе 29, 30, 24, 28, 31 и 32-й армий. Они должны были к исходу дня занять рубеж Старая Русса, Осташков, Белый, Истомино, Ельня, Брянск и подготовиться к упорной обороне. Войскам фронта указывалось особо тщательно подготовить противотанковую и противовоздушную оборону. Тыловой оборонительный рубеж требовалось подготовить по линии Кувшиново, Ржев, Сычевка, Реброво, Теренино, Феликсово, Сельцо и отсечную позицию – Лопушня, Карачев{136}.

Это было своевременное решение, ибо в это время развернулось ожесточенное сражение за Смоленск, шли бои уже и восточнее города, Жуков отчетливо видел зияющий разрыв между ударными силами групп армий «Центр» и «Юг» и понимал, что противник тоже хорошо осознает угрозу, нависшую над флангами его центральной группировки. Нельзя дальше развивать наступление на Москву, необходимо сначала ликвидировать разрыв. При этом просматривалось два варианта: или повернуть часть войск группы армий «Центр» на юг, или ускорить разгром Юго-Западного фронта группой армий «Юг». Так как сил у немцев для решения второй задачи сейчас явно недостаточно, то наиболее вероятен первый вариант. Противник должен повернуть часть сил с московского направления! Так оно и произошло. 19 июля немецкое Верховное командование уже отдало приказ о повороте значительной части сил группы армий «Центр» для действий в южном направлении с целью ликвидации угрозы своему правому флангу и содействия группе армий «Юг» в разгроме войск Юго-Западного фронта под Киевом. Однако выполнению этого решения помешали наступательные действия советских войск на смоленском направлении.

До того времени, когда противник принял данное решение, оставалось еще четыре дня. А пока Ставка Верховного Командования, в которой главную роль играли Сталин и Жуков, продолжает укреплять оборону. 15 июля командующим Фронтом резервных армий и 28-й армией ставится задача об усилении обороны направления Смоленск, Вязьма{137}. 18 июля Жуков по поручению Ставки подписывает приказ № 00409 о создании Фронта Можайской линии обороны в составе 32, 33, 34-й армий с задачей к исходу 21 июля занять рубеж Кушелево, Ярополец, станция Колочь, Ильинское, Детчино и подготовить его к упорной обороне. Тыловой оборонительный рубеж требовалось подготовить по линии Нудоль, озеро Тростенское, Дорохово, Боровск, Высокиничи{138}.

19 июля командующему Фронтом резервных армий ставится задача подготовить операцию по окружению противника в районе Смоленска{139}. На следующий день Жуков связался по прямому проводу с главнокомандующим войсками Западного направления Тимошенко и обсудил с ним детали готовящейся операции{140}.

ЖУКОВ: Проведение удара, указанного товарищем Сталиным, возлагается лично на Вас. Состав частей этой ударной группы – три дивизии 30-й армии под командованием товарища Хоменко, мотодивизия и танковая дивизия под командованием товарища Рокоссовского, три дивизии под командованием Качалова, в том числе одна танковая. Кроме этих групп, в Ваше распоряжение дается из состава сибиряков три дивизии. Итого, ударная группа составляет двенадцать дивизий. Из района Торопца в состав группы товарища Хоменко прибудут дополнительно две кавалерийские дивизии для действия на его фланге. Удар группы Хоменко изменить по кратчайшему направлению, то есть через Белый на Ярцево; основной задачей этой ударной группы является разгром противника в районе Смоленска и выход на рубеж реки Днепр для восстановления положения и изгнания противника из района Орши. Иметь в виду район Торопца. Южнее выйдет группа Масленникова, которая остановится в том районе и будет действовать в обороне до особого распоряжения. Действия Вашей ударной группы максимально обеспечить авиацией. Прикрывать авиацией с воздуха, а бомбардировочной и штурмовой – бить противника на поле боя.

ТИМОШЕНКО: В общем смысл задачи уяснили. Неясным является расчет во времени и состояние готовности намечаемых групп. Не совсем понятно, за счет чего мыслится обеспечение авиацией связи, броневиками и так далее. У нас всего этого крайне недостаточно, если не сказать больше. Подумаем и представим соображения.

ЖУКОВ: Средства связи должны быть выделены Вами за счет выделения танков и броневиков из частей, самолеты связи выделить также за счет боевых самолетов ВВС, два-три полка будут даны. Положение частей и время прохождения будут даны Генеральным штабом. Все прочие вопросы будут увязаны со штабом. Прикажите своему штабу подгото-

вить все соображения и через час лично доложить начальнику Генерального штаба. Все. Качаловская группа может начать действия с рассвета двадцать второго, чем и оттянет на себя противника. Группа Хоменко может начать 23–24-го. Группа Рокоссовского ведет бой. Группа сибиряков начнет движение с раннего утра завтра и будет в районе действия через два-три дня в качестве резерва Вашей группы. Остальное все будет дано особо.

В тот же день Жуков подписал директиву Ставки Верховного Командования о создании оперативных групп войск и их развертывании для разгрома Смоленской группировки противника. Группа войск генерала И. И. Масленникова включала 252, 256 и 243-ю стрелковые дивизии, БЕПО № 53 и 82, группа генерала В. А. Хоменко – 242, 251 и 250-ю стрелковые дивизии, группа генерала С. А. Калинина – 53-й стрелковый корпус (89, 91, 166-я стрелковые дивизии), группа генерала В. Я. Качалова – 149, 145 и 104-ю танковые дивизии{141}. Общее руководство операцией возлагалось на командующего Западным фронтом, которым с 19 июля стал генерал А. И. Еременко. Замысел операции состоял в том, чтобы нанести одновременные удары с северо-востока, востока и юга в общем направлении на Смоленск, а после разгрома прорвавшегося врага соединиться с основными силами 16 и 20-й армий.

21 июля Жуков направил командующим войсками Фронта резервных армий, 30, 24, 28-й армиями директиву № 00455 об усилении танками дивизий, предназначенных для участия в операции. В группы войск генералов Хоменко и Калинина выделялось по одному танковому батальону в составе 21 танка, в группу генерала Качалова – 104-я танковая дивизия в полном составе. При этом требовалось «танковую дивизию и танковые батальоны использовать в бою в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией, не допуская отрыва танков от пехоты, и ни в коем случае не бросать танки на организованную оборону противника»{142}.

Первой перешла в наступление 23 июля из района Рославля группа генерала Качалова. На следующий день из района Белого нанесла удар группа Хоменко, а в районе Ярцева атаковала группа генерала Калинина. Группа генерала Рокоссовского, отражавшая яростные атаки врага на ельнинском и вяземском направлениях, смогла принять участие в контрударе только 28 июля. Группа генерала Масленникова выступила позже других групп. Для того чтобы парировать удары оперативных групп, противник вынужден был использовать все соединения 3-й танковой группы, в том числе и учебную танковую бригаду{143}. Группа генерала Качалова своими действиями сковала значительные силы 2-й танковой группы. Кавалерийская группа генерала О. И. Городовикова 24 июля прорвалась в район юго-западнее Бобруйска, вышла в глубокий тыл 3-й танковой группы и 2-й армии противника и перерезала его коммуникации. 26 июля генерал-фельдмаршал фон Бок отметил в своем дневнике: «Выяснилось, что в моем секторе фронта русские завершили развертывание подошедших из глубокого тыла свежих войск и даже пытаются атаковать, пробуя на прочность мои позиции. Удивительное достижение для нашего неоднократно битого оппонента!»{144}

Действия войск центра и левого крыла Западного фронта к этому времени разделились на два самостоятельных очага: один – в районе Смоленска, другой – Гомеля. Поэтому Ставка для удобства управления разделила с 24 часов 24 июля Западный фронт на два фронта: Центральный (командующий генерал-полковник Ф. И. Кузнецов), включив в него 13 и 21-ю армии, а чуть позже и вновь сформированную 3-ю армию, и Западный (22, 16, 20 и 19-я армии). Главным операционным направлением Центрального фронта стало направление Гомель, Бобруйск, Волковыск.

Одновременно с нанесением контрударов по противнику принимались меры по укреплению стойкости своих войск. Одной из таких мер было создание и использование заградительных отрядов на фронте. Однако в организации заградительной службы имели место значительные недочеты, на устранение которых была нацелена телеграмма № 00533 гене-

рала армии Жукова, направленная 26 июля главнокомандующим войсками направлений и командующим войсками фронтов:

«Через линию заградительных отрядов тыла просачивается в глубокий тыл очень большое количество командиров и красноармейцев. Проникая в глубокий тыл, они своим появлением и преувеличенными сообщениями дезорганизуют население и распространяют панику. Расследованием установлено:

1. Заградслужба в тылах армий и фронтов организована очень низко, и стоит она только на дорогах.

2. При задержании, вместо немедленного направления во фронтовые части, задержанных направляют глубже в тыл.

Ставка *приказал*а немедленно лично разобраться, как организована заградслужба, и дать начальникам охраны тыла исчерпывающие указания. Всех задержанных вливать во фронтовые части и в тыл не направлять»{145}.

Для устранения выявленных недостатков начальник Управления особых отделов НКВД СССР, заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3-го ранга В. С. Абакумов издал 28 июля директиву № 39212 об усилении работы заградительных отрядов по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта{146}.

Упорные сражения развернулись у Могилева. Советские войска, находившиеся в окружении, вплоть до 26 июля выполняли приказ маршала Тимошенко оборонять во что бы то ни стало город. В ночь на 27 июля противник сумел ворваться в Могилев.

Жуков, внимательно следя за развитием событий на фронтах, пришел к выводу, что немецкое командование, видимо, не решится оставить без внимания опасный для группы армий «Центр» участок – правое крыло фронта – и будет стремиться в ближайшее время разгромить войска Центрального фронта. Если это произойдет, то противник получит возможность выйти во фланг и в тыл Юго-Западному фронту, нанесет ему поражение и, захватив Киев, получит свободу действий на Левобережной Украине. Поэтому только после того, как будет ликвидирована угроза флангу центральной группировки со стороны юго-западного направления, противник сможет начать наступление на Москву. Что касается северо-западного направления, то Георгий Константинович полагал, что противник попытается усилить войска группы армий «Север» с тем, чтобы в кратчайшее время овладеть Ленинградом, соединиться с финской армией, а затем также повернуть свои силы на Москву, обходя ее с северо-востока. Этой операцией немецкое командование будет стремиться снять угрозу левому флангу своей ударной группировки на московском направлении. О своих предположениях Жуков доложил 29 июля Сталину.

Мы имеем возможность сравнить предположения Жукова с намерениями немецкого командования, которые были изложены в директиве № 34 Генерального штаба, подписанной 30 июля Гитлером. Она требовала от войск группы армий «Север» продолжать наступление на Ленинград, окружить его и установить связь с финской армией. Группе армий «Центр» предстояло перейти к обороне, на правом фланге провести наступление с ограниченной целью – занять более выгодные исходные позиции. На группу армий «Юг» возлагалась задача продолжать операции против советских войск западнее Днепра, захватить плацдармы в районе Киева и южнее, уничтожить 5-ю армию Юго-Западного фронта{147}. Впервые с начала Второй мировой войны немецкие войска вынуждены были перейти к обороне на главном стратегическом направлении. Гитлер считал, что в условиях, когда сопротивление советских войск значительно возросло, а потери немецких войск увеличились, особенно в танковых группах, невозможно одновременное наступление на Ленинград, Москву и в сторону Донбасса. Наступление на Москву было остановлено.

Таким образом, Жуков в целом правильно предугадал замысел противника. Он считал необходимым немедленно организовать на западном направлении мощный контрудар, пока противник там ослаблен, и ликвидировать ельнинский выступ. Но его предложение отвести Юго-Западный фронт за Днепр, а Киев сдать, чтобы спасти войска фронта, вызывало у Сталина ярость. Как можно додуматься сдать Киев!

И вновь Жукова, как уже не раз случалось, подвело самообладание: вспылив, он попросил освободить его от обязанностей начальника Генштаба и послать на фронт. Маршал Советского Союза А. М. Василевский по этому поводу отмечал, что И. В. Сталин предпочел использовать командный опыт Г. К. Жукова непосредственно в войсках{148}.

30 июля был издан приказ Ставки № 00583, в котором говорилось, что для объединения действий резервных армий на ржевско-вяземской линии формируется штаб Резервного фронта. Командующим фронтом назначался заместитель наркома обороны генерал армии Жуков. В состав фронта включались 34, 31, 24, 43, 32 и 33-я армии. Позже, 6 августа, состав Резервного фронта был уточнен: в него включались 31, 35, 24, 43, 32 и 33-я армии, 2-отдельный стрелковый корпус{149}.

31 июля Жуков, сдав дела назначенному вместо него Шапошникову, выехал в Гжатск, в штаб Резервного фронта. В тот же день он доложил Шапошникову о критическом положении, в которое попала группа войск генерала Качалова: после взятия немцами Рославля ей грозило окружение. Шапошников согласился с предложением Жукова немедленно оттянуть на восток левый фланг и центр группы. Однако слабая выучка личного состава, недостаточно тесное взаимодействие между родами войск, нехватка авиации для их поддержки с воздуха не позволили полностью выполнить поставленную задачу. Против группы Качалова были брошены девять вражеских дивизий, которым удалось 3 августа окружить советские войска в районе Рославля. На следующий день Владимир Яковлевич погиб в бою. Группа войск генерала Рокоссовского и соединения 16 и 20-й армий одновременным наступлением навстречу друг другу прорвали к 1 августа кольцо окружения.

Войска, действовавшие в районе Смоленска, несмотря на все усилия, так и не смогли разгромить противника. Основными причинами этого являлись: крайне ограниченное время для подготовки наступления; недостаток артиллерии и танков; слабое прикрытие наземных войск авиацией; разрозненные действия оперативных групп. Вечером 5 августа генерал-фельдмаршал фон Бок издал приказ следующего содержания: «С уничтожением русских дивизий, попавших в окружение у Смоленска, трехнедельное сражение за Днепр, Двину и Смоленск завершилось блестящей победой германского оружия и германского духа. Взято в плен 309 110 солдат и офицеров, захвачено и уничтожено 3205 танков, 3000 артиллерийских орудий и 341 самолет. И эти данные еще далеко не полны. Это великое достижение уже вошло в анналы истории! Солдаты! Я взираю на вас с благодарностью и гордостью, так как только благодаря вам стал возможен этот грандиозный успех»{150}.

Перед угрозой всеобщего развала фронта Сталин идет на применение крайних мер с целью укрепления дисциплины и стойкости войск. Особо показателен в этом отношении (да он и был показательным!) приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В нем приводились примеры успешных действий войск под руководством заместителя командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенанта И. В. Болдина, комиссара 8-го механизированного корпуса бригадного комиссара Н. К. Попеля, командира 406-го стрелкового полка полковника Т. Я. Новикова, командующего 3-й армией генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова и члена военного совета армейского комиссара 2-го ранга Бирюкова.

Далее в приказе огульно были обвинены в предательстве командующие 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов, 12-й армией – генерал-лейтенант П. Г. Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. К. Кириллов. В приказе отмечалось:

«Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя…

*Приказыва*ю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и, если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен, – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев»{151}.

Приказ подписали Сталин, Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков.

Приказ от 16 августа неукоснительно проводился в жизнь. Упомянутый в нем генерал Качалов был приговорен к расстрелу уже после смерти. Свою лепту в обвинение Качалова и Понеделина в измене внес и Жуков, который 19 августа сообщал Сталину: «Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей. Видимо, преступную роль в этом деле играют Качалов и Понеделин. По рассказу участников боев группы Качалова, Качалов, как только появились мелкие группы противника, сел в танк Т-34 и уехал в неизвестном направлении. Все говорит за то, что Качалов умышленно перешел на сторону немцев. В танк Т-34, в котором Качалов уехал, он запретил садиться даже своему личному адъютанту»{152}.

В декабре 1953 г. Главная военная прокуратура пришла к выводу, что генерал-лейтенант В. Я. Качалов «за измену Родине осужден необоснованно» и «должен быть полностью

реабилитирован». Генерал Понеделин, заочно приговоренный к расстрелу, после возвращения из плена был арестован, а спустя пять лет расстрелян. Подобная же участь постигла и генерала Кириллова.

«Ельнинский выступ», о котором Жуков докладывал Сталину, образовался после захвата противником 19 июля г. Ельня. Он глубоко вдавался в оборону советских войск, представлял собой выгодную исходную позицию для удара в целях дальнейшего продвижения на Москву. Чтобы ликвидировать эту угрозу и окончательно разгромить ельнинскую группировку противника, Ставка Верховного Командования 6 августа приказала Жукову под его личную ответственность, усилив части, действующие под Ельней, 107-й стрелковой дивизией и двумя полками с артиллерией 100-й стрелковой дивизии, продолжать энергичное и решительное наступление под Ельней. Для проведения операции под Ельней в распоряжение командующего Резервным фронтом перебрасывались из резерва Верховного Командования два легкобомбардировочных и два истребительных авиационных полка{153}.

Однако наступление, предпринятое под Ельней силами 24-й армии, успеха не имело.

Обстановка на фронтах тем временем продолжала ухудшаться. Особенно тяжелое положение складывалось на киевском направлении. Войска 2-й армии и 2-й танковой группы противника, повернув на юг, вышли 18 августа к Стародубу, а на следующий день к Гомелю и продолжили стремительное наступление, создавая реальную угрозу правому флангу и тылу Юго-Западного фронта. Контрдействия Брянского фронта, на который так надеялся Сталин, успеха не принесли. События развивались так, как и предполагал Жуков.

19 августа он направил Сталину доклад № 2402, в котором говорилось:

«1. Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на путях к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта, после чего нанести главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс…

2. Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на р. Десна.

В эту группировку необходимо включить:

До 1000 танков, которые собрать за счет мк ЗакВО, танков РГК и в дальнейшем танков 300 взять с ДВФ (Дальневосточный фронт. – *Авт.*). До 10 стрелковых дивизий, 3–4 кд, 400–500 самолетов, собранных за счет ЗакВО, ВВС Морского флота и ВВС Московской зоны ПВО.

Если ставить себе более активный способ противодействия этому очень опасному действию противника, всю предлагаемую группировку нужно срочно собирать в районе Брянска, откуда и нанести противнику удар во фланг. Сейчас, не ожидая окончания сосредоточения брянской группировки, целесообразно усилить правое крыло Западного фронта еще 4–5 стр. дивизиями, 8–10 тяжелыми полками РГК и перейти немедленно в наступление с целью выхода на фронт Полоцк, Витебск, Смоленск. Удар правым крылом Западного фронта с целью выхода на фронт Полоцк, Витебск, Смоленск будет очень полезен и при действии наших войск на р. Десна»{154}.

В тот же день из Ставки пришла ответная телеграмма:

«Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотопа, Прилук считаю правильными. Продвижение немцев в эту сторону будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение нашей 3-й (правильно 13-й. – *Авт.*) и 21-й армий. Как известно, одна колонна противника уже пересекла Унечу и вышла на Стародуб. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт (16 августа. – *Авт.*) во главе с Еременко. Принимаются другие меры, о которых сообщу особо. Надеемся пресечь продвижение немцев»{155}.

И вновь выводы Жукова позволили предвосхитить действия противника. 21 августа Гитлер подписал директиву, которая, по мнению генерала Гальдера, имела «решающее значение для всей Восточной кампании». В директиве отмечалось:

«…Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками.

…На редкость благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате выхода наших войск на линию Гомель, Почеп, должна быть незамедлительно использована для проведения операции смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр» по сходящимся направлениям. Целью этой операции должно являться не только вытеснение за Днепр 5-й русской армии частным наступлением 6-й армии, но и полное уничтожение противника, прежде чем его войска сумеют отойти на рубеж Десна, Конотоп, Сула. Тем самым войскам группы армий «Юг» будет обеспечена возможность выйти в район восточнее среднего течения Днепра и своим левым флангом совместно с войсками, действующими в центре, продолжать наступление в направлении Ростов, Харьков.

…От группы армий «Центр» требуется, чтобы она, не считаясь с планами последующих операций, бросила на проведение вышеупомянутой операции такое количество сил, которое обеспечило бы выполнение задачи по уничтожению 5-й русской армии и в то же время позволяло группе армий отражать атаки противника на центральном направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил…»{156}

Жуков тем временем продолжал подготовку к проведению Ельнинской операции. Верный своей привычке оценивать обстановку не только по картам, но прежде всего на местах, он на местности лично разбирался с условиями ведения боя и с тем, как ведут себя части. 21 августа он доложил Сталину, что войскам 24-й армии в районе Ельни не удалось полностью окружить и уничтожить противника. «Бойцы и командиры держат себя в большинстве хорошо, – отмечал Жуков. – Потерь не боятся и уже научились технике и тактике уничтожения противника, но все части очень малочисленны и переутомлены от наступательных действий и от огня противника, который за последнее время не прекращается и в ночное время. При существующей малочисленности наших частей окончательно окружить и уничтожить 4–5 немецких пд (пехотные дивизии. – *Авт.*) невозможно. Дальнейшее ведение боя в существующем составе приведет к окончательной потере боеспособности действующих частей. Сейчас необходимо пополнить части хотя бы до 60 % состава, подтянуть побольше снарядов, дать немного передохнуть бойцам, тщательнее выявить у противника слабые места, после чего стремительно атаковать»{157}. Исходя из этого, Жуков просил разрешения прервать до 24 августа общее наступление, чтобы пополнить части 14 прибывающими маршевыми батальонами, ознакомить пополнение с характером ведения боя и подготовить его к действию. Новое наступление намечалось на утро 25 августа. Если не усложнится обстановка на других направлениях, то привлечь к нему из резерва фронта 303-ю стрелковую дивизию.

Все предложения Жукова были утверждены Сталиным, который 25 августа направил командующему войсками Резервного фронта директиву № 001253:

«Противник, обороняясь на направлениях Белый, Вязьма, Спас-Деменск, сосредоточивает свои подвижные силы против войск Брянского фронта, по-видимому, с целью нанести в ближайшие дни удар на направлении Брянск, Жиздра.

Войскам Резервного фронта, продолжая укреплять главными силами оборонительную полосу на рубеже Осташков, Селижарово, Оленино, р. Днепр (западнее Вязьмы), Спас-Деменск, Киров, 30 августа левофланговыми 24 и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починка и Рославля, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи…»{158}

В директиве были подробно изложены состав и задачи войск фронта. Это была одна из характерных особенностей руководства Ставкой ВГК, прежде всего Сталиным, фронтами и армиями. Такая детализация сковывала инициативу командующих, ставила их перед необходимостью испрашивать у Ставки разрешения для внесения изменений в ранее принятые планы в соответствии со сложившейся обстановкой. В этом в полной мере сказалось то, что к началу войны так и не было принято решение о создании своевременно такого руководящего органа, как Ставка Верховного Главнокомандования, и о разработке положения о нем.

Итак, Ставка ВГК определяла, что 24-я армия в составе 8 стрелковых, одной танковой и одной механизированной дивизий должна концентрическими ударами уничтожить ельнинскую группировку противника и к 1 сентября выйти на рубеж станция Большая Негода, Петрово, Стройна. В дальнейшем, развивая наступление, нанести удар в направлении на Починок и, овладев последним, к 8 сентября выйти на рубеж Долгие Нивы, Хиславичи. На 43-ю армию возлагалась задача, оставив 222 и 53-ю стрелковые дивизии на занимаемых позициях и главные силы для обороны спас-деменских и кировских позиций, перейти 30 августа в наступление двумя стрелковыми и двумя танковыми дивизиями в общем направлении на Рославль и, овладев Рославлем, к 8 сентября выйти на рубеж (иск.) Хиславичи, (иск.) Петровичи. Войскам 31, 49, 32 и 33-й армий предстояло, оставаясь на местах, продолжать работы по развитию занимаемой оборонительной полосы. Для усиления обороны направлений на Сухиничи и Жиздру и для обеспечения стыка с Брянским фронтом в районах Кирова и Людиново в резерве фронта предписывалось иметь по одной стрелковой дивизии за счет резервных дивизий народного ополчения, а 298-ю стрелковую дивизию передать к 1 сентября в распоряжение командующего Брянским фронтом. В директиве обращалось внимание на необходимость ведения хорошо организованной и систематической разведки, закрепления захваченных рубежей и пунктов, тесной увязки действий пехоты, артиллерии, авиации и танков, соблюдения строжайшей тайны при подготовке операции.

Для Жукова Ельнинская операция была первой самостоятельной операцией в Великой Отечественной войне, если не считать того, что Ставка жестко регламентировала его действия. При подготовке к операции Георгий Константинович на своем вездеходе «ГАЗ-61» ездил из одной части в другую. Шофер командующего А. Н. Бучин вспоминал: «Намотались в то время до упаду, все в дороге, часто под огнем. Покрытый пылью, Г. К. Жуков выглядел как негр, мы того хуже… Наверное, никогда больше за всю войну Георгий Константинович не бывал чуть ли не все время на передовой и вблизи нее, как под Ельней. Оно и понятно – мы только начинали учиться воевать…»

Особенно запомнился Бучину прохладный день в конце лета, когда они вместе с Жуковым стали свидетелями трагичного воздушного боя: два «мессершмитта» расстреливали наши истребители И-15 и И-16, израсходовавшие на задании боезапас. Из одного сбитого самолета успел выпрыгнуть летчик. «Георгий Константинович и мы, свидетели происходившего, с облегчением вздохнули: хоть этот спасется, – пишет Бучин. – Но в ту же секунду мелькнул «мессер», влепил в упор очередь в беспомощно качавшегося на стропах парня и ушел. Парашют как-то бережно опустил тело летчика на землю недалеко от нас. Подошли.

Он был совсем мальчиком, в синем комбинезоне, кожаном шлеме, весь залитый кровью. Жуков отрывисто приказал – предать земле с почестями, повернулся и пошел прочь. Редко когда я видел такой гнев на лице генерала, глаза сузились и буквально побелели».

К началу Ельнинской операции противник, по данным штаба Резервного фронта, имел в районе Ельни австрийскую 137-ю, немецкие 178, 292, 268-ю пехотные дивизии, один полк 7-й пехотной дивизии и один полк 293-й пехотной дивизии, два мотоциклетных батальона, 200–240 орудий. Эти части прибыли с разных направлений в период 20–30 августа, сменив понесшие большие потери дивизию СС, 15-ю пехотную, 17-ю моторизованную и 10-ю танковую дивизии. Всего части немецкого 20-го армейского корпуса 4-й армии насчитывали около 70 тыс. человек, 500 орудий и минометов, до 40 танков. Для укрытия от огня артиллерии и ударов авиации противник оборудовал на передовых позициях и в тылу убежища от 152-мм снарядов и 100-килограммовых бомб. Убежища, как правило, были устроены за обратными скатами высот, глубоко врыты под насыпи железной дороги и под строения домов. Вдоль дорог для укрытия проходящих транспортов имелись отрытые щели.

Численность войск 24-й армии составляла 60 тыс. человек, до 800 орудий и минометов, 35 танков. Имея почти равное соотношение по живой силе и танкам, они превосходили противника в 1,6 раза по артиллерии. В основу замысла операции Жуков положил двусторонний охват с целью окружения и разгрома врага по частям. Для этого были созданы две ударные группы войск: Северная (102-я танковая, 107 и 100-я стрелковые дивизии) и Южная (106-я механизированная и 303-я стрелковая дивизии), наносившие встречные удары на Леонов. Центральная группа (19 и 309-я стрелковые дивизии) наносила удар на Ельню с востока, а 103-я механизированная и 120-я стрелковая дивизии должны были активными действиями сковать противника. Плотность артиллерии на участке прорыва составляла 60 орудий и минометов на 1 км фронта.

30 августа войска 24-й армии под командованием генерала К. И. Ракутина перешли в наступление, и за четыре дня ожесточенных боев ее ударные группировки вклинились во вражескую оборону на 2 км. Отразив сильные контратаки, к 3 сентября они охватили фланги противника, оборонявшегося в ельнинском выступе, сузив его горловину до 6–8 км.

Около четырех часов 4 сентября Жукова вызвал по прямому проводу Сталин. Между ними состоялся следующий диалог{159}:

СТАЛИН: Здравствуйте. Вы, оказывается, проектируете по ликвидации Ельни направить силы в сторону Смоленска, оставив Рославль в нынешнем неприятном положении. Я думаю, что эту операцию, которую Вы думаете проделать в районе Смоленска, следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. А еще лучше было бы подождать пока со Смоленском, ликвидировать вместе с Еременко Рославль и потом сесть на хвост Гудериану, двигая некоторое количество дивизий на юг. Главное – разбить Гудериана, а Смоленск от нас не уйдет.

ЖУКОВ: Здравия желаю, товарищ Сталин. Товарищ Сталин, об операции в направлении на Смоленск я не замышляю и считаю, этим делом должен заниматься Тимошенко. Удар 109, 149 и 104 (149-я стрелковая, 104 и 109-я танковые дивизии 43-й армии. – *Авт.*) я хотел бы нанести сейчас в интересах быстрейшего разгрома ельнинской группы противника, с ликвидацией которой я получу дополнительно 7–8 дивизий для выхода в район Починок, и, заслонившись в районе Починок со стороны Смоленска, я мощной группой мог бы нанести удар в направлении Рославля и западнее, то есть в тыл Гудериану. Как показывает опыт, наносить глубокий удар в 3–4 дивизии приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями. Вот почему я просил Вашего согласия на такой маневр. Если прикажете бить на рославльском направлении, это дело я могу организовать. Но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню. Сегодня к исходу дня правым флангом нашей ельнинской группировки занята Софиевка.

У противника горловина осталась всего 6 километров. Я думаю, в завтрашний день будет закончено полностью тактическое окружение.

СТАЛИН: Я опасаюсь, что местность в направлении на Починок лесисто-болотистая и танки у Вас могут там застрять.

ЖУКОВ: Докладываю. Удар намечается через Погуляевку, южнее р. Хмара по хорошей местности с выходом в район Сторино, Васьково, 30 километров северо-западнее Рославля, 6 километров южнее Починок. Кроме того, наносить удар по старому направлению не следует. На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23-я пехотная дивизия сменена 267-й пехотной дивизией; и тут же он наблюдал части СС. Удар севернее выгоден еще и потому, что он придется по стыку двух дивизий.

СТАЛИН: Вы в военнопленных не очень верьте, опросите его с пристрастием, а потом расстреляйте. Мы не возражаем против предлагаемого Вами маневра на 10 километров южнее Починок. Можете действовать. Особенно сосредоточьте авиационный удар, используйте также РС. Когда Вы думаете начать?

ЖУКОВ: Перегруппировку произведу к седьмому. Седьмого подготовка, восьмого на рассвете удар. Очень прошу подкрепить меня снарядами РС, 76-мм, да и 152-мм 09/30 года, минами 120-мм. Кроме того, если можно, – один полк «илов» и один полк Пе-2 и танков – штук 10 КВ и штук 15 Т-34. Вот все мои просьбы.

СТАЛИН: К сожалению, у нас нет пока резервов РС. Когда будут – дадим. РСы получите. Жалко только, что Еременко придется действовать одному против Рославля. Не можете ли организовать нажим на Рославль с северо-востока?

ЖУКОВ: Нечем, нечем, товарищ Сталин. Могу только отдельными отрядами, подкрепив их артиллерией, но это будет только сковывающий удар, а главный удар нанесу на рассвете восьмого; постараюсь, может быть, выйдет, на рассвете седьмого. Еременко еще далеко от Рославля, и я думаю, товарищ Сталин, что удар седьмого или восьмого – это будет не поздний удар.

СТАЛИН: А прославленная 211-я дивизия долго будет спать?

ЖУКОВ: Слушаю. Организую седьмого. 211-я сейчас формируется, будет готова не раньше 10-го. Я ее потяну в качестве резерва, спать ей не дам. Прошу Вас разрешить немедленно арестовать и судить всех паникеров, о которых докладывал.

СТАЛИН: Седьмого будет лучше, чем восьмого. Мы приветствуем и разрешаем судить их по всей строгости.

Сталин, разрешая Жукову судить паникеров «по всей строгости», учитывал опыт командующего войсками Брянского фронта генерал-лейтенанта А. И. Ерёменко. В начале сентября фронт по указанию Ставки ВГК нанес фланговый удар с целью разгрома немецкой 2-й танковой группы, наступавшей на юг. Однако, сковав весьма незначительные силы противника, фронт не смог предотвратить выход вражеской группировки в тыл войскам Юго-Западного фронта. В этой связи генерал Ерёменко обратился в Ставку ВГК с просьбой разрешить создать заградительные отряды. «Ставка ознакомилась с Вашей докладной запиской и разрешает Вам создать заградительные отряды в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как неустойчивые, – говорилось в директиве № 00165 °Ставки ВГК от 5 сентября. – Цель заградительных отрядов – не допускать самовольного отхода частей, а в случае бегства – остановить, применяя при необходимости оружие»{160}.

Но вернемся к Ельне. К 4 сентября войска 24-й армии завершили оперативное окружение противника, простреливая оставшуюся горловину артиллерийским огнем. Недостаток сил и в первую очередь танков на правом и левом флангах не позволил замкнуть кольцо окружения и взять в плен всю ельнинскую группировку противника. Он в ночь на 5 сентября вывел через горловину основную массу артиллерии в тылы. С утра стали отходить главные

силы, а в 12–13 часов – первые эшелоны врага. Отход прикрывался заградительным артиллерийским и минометным огнем, ударами авиации и контратаками на отдельных участках. К утру 6 сентября войска 24-й армии освободили Ельню.

8 сентября Жуков представил Сталину доклад об итогах Ельнинской операции. В нем отмечалось:

«Всего за период боев в районе ЕЛЬНИ противник потерял убитыми и ранеными 45–47 тысяч человек и очень большое количество разбитыми нашей артиллерией и авиацией станковых пулеметов, минометов и артиллерии. По показаниям пленных, в некоторых частях 137, 15, 178-й пд минометов и артиллерии не осталось совершенно. По докладу большинства командиров частей и по оставленным трупам на поле боя, за последние 3–5 дней противник потерял убитыми не менее 5 тысяч. Чтобы скрыть от наших войск свои большие потери, перед отходом противник все братские могилы разровнял и замаскировал под окружающую местность…

Из состава наших войск очень хорошо действовали: 107-я сд (стрелковая дивизия. – *Авт.*), 19-я сд. Неплохо действовали: 100-я сд и 102-я тд (танковая дивизия. – *Авт.*). Слабо и безынициативно действовали: 303 и 309-я сд. Все части действовали в большом некомплекте.

Очень хорошо действовала вся артиллерия даже молодых дивизий. РС своими действиями производят сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым велся обстрел РС, и лично видел полное уничтожение и разрушение целых оборонительных районов. УШАКОВО – главный узел обороны противника – в результате залпов РС полностью разрушен, а убежища завалены и разбиты.

Преследуя противника, 7.9 наши части вышли на р. СТРЯНА, захватили ее и с утра 8.9 имеют задачу развивать наступление, взаимодействуя с группой СОБЕННИКОВА (командующий группой войск Западного фронта. – *Авт.*).

Наши потери: с 30.8 по 6.9 убито – около 3000, ранено – 13 030, пропало без вести – 1116 человек. Всего потери за последний этап операции – около 17 000…

В результате этой операции во всех войсках поднялось настроение и уверенность в победе. Сейчас части увереннее встречают контратаки противника, бьют его огнем и дружно в свою очередь переходят в контратаки.

С утра 8.9 части 24 и 43-й армий перешли в наступление в целях уничтожения противника в районе БОЛТУТИНО, р. ХМАРА и дальнейшего удара на Рославльском направлении»{161}.

Войска 24-й армии, развивая наступление, к исходу 8 сентября вышли к заблаговременно подготовленному противником оборонительному рубежу по рекам Устрой и Стряна, где встретили организованное сопротивление и перешли к обороне.

Ельнинская операция стала одной из первых успешных наступательных операций советских войск в Великой Отечественной войне. За стойкость в обороне и решительность в наступлении, высокую дисциплину и массовый героизм, проявленные личным составом, 100, 127, 107 и 120-я стрелковые дивизии 24-й армии в числе первых получили почетное наименование гвардейских и соответственно новые названия: 1, 2, 5 и 6-я гвардейские стрелковые дивизии.

Жуков, подводя итоги своей деятельности, детально проанализировал опыт проведенной операции. В начале сентября он вносит обстоятельные заметки в свою записную книжку:

«Организация и успешное проведение наступательной операции по ликвидации ельнинского выступа, всесторонне сложная работа в должности начальника Генерального штаба в первые пять недель войны дали мне много полезного для командной деятельности

оперативно-стратегического масштаба и понимания различных способов проведения операций.

Теперь я гораздо лучше осмыслил все то, чем должен владеть командующий для успешного выполнения возлагаемых на него задач. Глубоко убедился в том, что в борьбе побеждает тот, кто лучше подготовил вверенные ему войска в политико-моральном отношении, кто сумел более четко довести до сознания войск цель войны и предстоящей операции и поднять боевой дух войск, кто стремится к боевой доблести, кто не боится драться в неблагоприятных условиях, кто верит в своих подчиненных.

Пожалуй, одно из самых важных условий успеха проведения боя или операции – своевременное выявление слабых сторон войск и командования противника. Из опроса пленных стало очевидным, что немецкое командование и войска действуют сугубо по шаблону, без творческой инициативы, лишь слепо выполняя приказ. Поэтому, как только менялась обстановка, немцы терялись, проявляли себя крайне пассивно, ожидая приказа высшего начальника, который в создавшейся боевой обстановке не всегда мог быть своевременно получен.

Лично наблюдая за ходом боя и действиями войск, убедился, что там, где наши войска не просто оборонялись, а при первой возможности днем и ночью контратаковали противника, они почти всегда имели успех, особенно ночью. В ночных условиях немцы действовали крайне неуверенно и, я бы сказал, плохо.

Из практики проведения первых операций сделал вывод, что чаще всего неудачи постигали тех командующих, которые лично не бывали на местности, где предстояло действовать войскам, а ограничивались изучением ее по карте и отдачей письменных приказов. Командиры, которым предстоит выполнение боевых задач, должны непременно хорошо знать местность и боевые порядки противника, с тем чтобы использовать слабые стороны в его дислокации и направлять туда главный удар.

Особенно отрицательно сказывается на ходе операции или боя поспешность принятия военачальниками решений без детальной перепроверки полученных сведений и учета личных качеств тех, кто докладывает обстановку, – военных знаний; опыта, выдержки и хладнокровия.

Большое значение для одержания победы в любом масштабе имеют хорошо отработанные на местности (или, в крайнем случае, на ящике с песком) взаимодействия всех видов и родов войск, как в оперативных объединениях, так и в тактических соединениях…»{162}

Еще до завершения Ельнинской операции Жукову пришлось заняться проблемами, связанными с обороной Ленинграда. К этому времени противник, сосредоточив в районе Чудова девять дивизий 4-й танковой группы, возобновил наступление на Ленинград. 25 августа немецкие войска захватили Любань, 28 августа – Тосно. До города на Неве оставалось менее 50 км.

26 августа в Ленинград была направлена группа уполномоченных ГКО: В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Н. Г. Кузнецов, А. И. Косыгин, П. Ф. Жигарев, Н. Н. Воронов, – но ее работа ощутимых результатов не приносила. И. В. Сталин был крайне недоволен действиями командования Ленинградского фронта. 28 августа он указывал командующему фронтом генерал-лейтенанту М. М. Попову: «Ваши сегодняшние предложения напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями. Вы в свою очередь решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчет прорыва, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а быть только статистом, передающим жалобы армий, нам придется тогда через несколько дней сдать Ленинград. Но Ставка существует не для того, чтобы потакать шантажистским требованиям и предложениям»{163}.

На следующий день И. В. Сталин послал секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову телеграмму для В. М. Молотова и Г. М. Маленкова: «Только что сообщили,

что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности. Они заняты исканием новых рубежей отступления, в этом они видят свою задачу. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе? *Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке?* (курсив наш. – *Авт.*)»{164}.

А противник, продолжая упорно рваться к Ленинграду, подошел 30 августа к Неве.

1 сентября Г. К. Жукова вызвал к прямому проводу А. Н. Поскребышев, секретарь И. В. Сталина{165}:

ПОСКРЕБЫШЕВ: Здравствуйте. Передаю просьбу товарища Сталина. Можете ли немедля выехать в Москву? Очень прошу Вас, если есть какая-либо возможность, выехать в Москву, передав дело на время Вашего отсутствия Ракутину или Богданову.

ЖУКОВ: Здравствуйте, товарищ Поскребышев. Только что сейчас получил неприятные сведения о 211-й дивизии, действовавшей на Рославль. Она, эта дивизия, поддавшись ночной панике, отскочила назад километров на 3–6 и создала этим отскоком невыгодное положение для другой стрелковой дивизии – для 149-й. Ввиду сложности обстановки я хотел бы ночью выехать на участок 211-й дивизии и там навести порядок и прибрать кого следует к рукам, поэтому я просил бы, если только можно, отложить мой приезд, если нельзя его отложить, я могу через 15 минут выехать. Под Ельней дела развиваются неплохо. Противник полностью будет зажат в кольцо максимум через двое суток. Сейчас вышли на железную дорогу Ельня – Смоленск. Если будет приказано ехать, оставлю за себя заместителем Богданова, руководство группой на рославльском направлении прикажу Богданову передать Собенникову. Жду указания тов. Сталина, выезжать ли в Москву или на передовые позиции.

ПОСКРЕБЫШЕВ: Ответ товарища Сталина: «В таком случае можете отложить свою поездку в Москву и выехать на позиции. И. Сталин».

ЖУКОВ: У меня к Вам один вопрос. Нужно ли быть готовым к выезду в Москву в ближайшие пару дней или я могут работать в ближайшие дни по своему плану?

ПОСКРЕБЫШЕВ: Можете работать по своему плану.

ЖУКОВ: Все ясно. Будьте здоровы. Привет товарищу Сталину.

Вызов к прямому проводу был напрямую связан с обострением обстановки под Ленинградом. Жуков, несмотря на занятость, нашел время для изучения сложившегося положения. 4 сентября между ним и генералом Поповым состоялся следующий разговор{166}:

ЖУКОВ: Здравствуйте. Доложите, что у Вас происходит на участке Ребола и перед группой Антонюка?

ПОПОВ: На реболовском направлении действует наш 337-й стрелковый полк 54-й дивизии с 1 и 3-м дивизионами 491-го гаубичного артиллерийского полка. В его тылы вышел противник, перерезал коммуникации и обозначил окружение. Запасы полка на исходе. Завтра ему поможем боеприпасами и продовольствием. Кроме того, на станцию Кочкома высылаем маршевый батальон для присоединения к полку. Все, что могу доложить о реболовском направлении.

ЖУКОВ: Вы не то докладываете. Я Вас спрашиваю, что происходит в районе Ребола, то есть перед группой Цветаева. Повторяю: я Вас спрашиваю об олонецком направлении. Докладывайте снова, что происходит перед группой Цветаева.

ПОПОВ: На олонецком направлении действует группа Цветаева, которая сегодня весь день оборонялась на реке Тулокса и отражала атаки противника. Сегодня ей отгружены на помощь 3-я дивизия народного ополчения и один минометный батальон. Группа Антонюка, действующая в направлении Ведло-Озеро, имела незначительный успех и медленно продвигалась на запад. Вы понимаете мое положение. Сегодня эти группы усилить ничем не могу,

хотя считаю, что, если на этих направлениях действует до двух-трех пехотных дивизий противника, нам надлежит соответственно эти направления усилить.

ЖУКОВ: Вы доложили очень неясно. Доложите, какой противник перед Цветаевым и какой Ваш план действий по уничтожению противника. Прошу доложить коротко, но ясно.

ПОПОВ: Докладываю. Пока перед Антонюком усиленный мотострелковый полк с артиллерией и минометами. Перед Цветаевым – 165-я пехотная бригада и один мотополк неустановленной нумерации. План действий установлен следующий: группа Антонюка, активно действуя перед своим фронтом, должна уничтожить противостоящего противника, продвинуться на запад и оказать содействие группе Цветаева. Цветаев, усиленный дивизией народного ополчения и обеспеченный высаженным десантом на острове Лункулан-Сари, должен, уничтожая противника, продвигаться вперед на Сальми, взаимодействуя с 23-й армией, которая в это время развернет наступление в направлении реки Янгис-Йоки. Все ли Вам понятно?

ЖУКОВ: Повторите после слов «высажены десанты», с этого слова. Имейте в виду снова захват Питкяранта. Выдвижение противника в район Ребола является следствием отсутствия надлежащего руководства частями, дерущимися на этом направлении, как со стороны командарма, так и Вас. Цветаев должен, уничтожая противника, продвигаться вперед на Сальми, взаимодействуя с 23-й армией, которая в это время развернет наступление в направлении реки Янгис-Йоки, и десантом, находящимся под Лункулан-Сари. Видимо, Вы не учитываете этого, недостаточно руководите этим направлением и слабо организуете уничтожение противника. Ставка от Вас требует: под Вашу личную ответственность, в кратчайший срок ликвидировать противника и, уничтожив его в этом районе нашими частями 7-й армии, отбросить противника за озеро Янис-Ярви.

ПОПОВ: Отвечаю. Десант высажен при помощи Ладожской флотилии в составе двух батальонов морской пехоты. Авиацию 7-й армии сегодня усиливаем больше чем на 60 самолетов. Относительно группы Антонюка. Ей приказано не топтаться на месте, форсировать наступление. Я очень прошу Вас иметь в виду и помнить об одном, что части этого направления, готовившиеся в мирное время, дерутся, распоряжением Генштаба, под Новгородом. Делаю все, что могу. Все понятно. Буду отвечать головой. Доложите: военный совет Северного фронта сделает все, что от него зависит, чтобы выполнить приказание Ставки. Скажу откровенно и очень прошу доложить Ставке, что на петрозаводском и олонецком направлениях действуют 3–4 пехотные дивизии финнов и немцев. Мы им противопоставили импровизированные отряды Антонюка и Цветаева. Я считаю: туда нужно дать пару дивизий для того, чтобы надежно эти направления прикрыть и разгромить противника. Цветаеву мы отгрузили дивизию народного ополчения. Этого мало. Антонюку также надо дать дивизию. Тогда у нас будет перевес в силах и уверенность в разгроме. Это я прошу доложить Ставке. Все остальное импровизация и паллиатив.

ЖУКОВ: С Вашим планом я согласен, доложу его Ставке. Но со своей стороны считаю, что группу Цветаева надо усилить штурмовиками и пикировщиками. Десант морской пехоты подкрепить одним-двумя хорошими стрелковыми батальонами кадрового состава, взяв их за счет резерва на Карельском перешейке, где противник себя держит пассивно. Ставка приказала предупредить Вас: Вы лично головой отвечаете за то, чтобы не пропустить противника на олонецком и петрозаводском направлениях и за успешную операцию по уничтожению противника в направлении Питкяранта и Ведло-Озеро. Вы все ли докладываете? Мне кажется, Вы что-то недоговариваете, нет ли у Вас сомнений в выполнении приказа?

ПОПОВ: Отвечаю. Группа Цветаева обороняется, отражая атаки противника. Группа Антонюка продвигается один километр в день. Или это неспособность начальников, или недостаток сил, или то и другое. Я считаю, что направление Антонюка необходимо усилить и после этого потребовать от него решительных действий, хотя этого я требую от него и

при наличных силах. Прошу понять, что когда, по всем данным, на Петрозаводск и Олонецк действуют две-три дивизии противника с перспективой прироста усилий, уничтожать их импровизированными отрядами Антонюка и Цветаева вряд ли возможно. Цветаева очень усилим завтра. К нему идет много эшелонов войск. Полагал бы целесообразным и нужным усилить Антонюка одним из тех соединений, которые собираются под Красногвардейском. Правда, они здесь нужны очень, но петрозаводское направление не менее важно, чем Красногвардейск. Судите сами, доложите Ставке и дайте ваше решение. Учтите, две дивизии собираются под Красногвардейском, одна завтра начнет выдвижение в этот район из Тихвина. Я бы лично ее направил в Петрозаводск для усиления Антонюка.

ЖУКОВ: Значит, Вы считаете, что при наличии тех сил, которые Вы бросили для уничтожения противника на олонецком направлении, Ваш план выполнен не будет Антонюком и Цветаевым. Видимо, наши части переоценивают противника и, как следствие, под действием небольших частей, о которых Вы упомянули, Ваши части все время откатывались назад. Я доложу Вашу просьбу Ставке, но Вы обязаны и можете вполне уничтожить противника, если организуете настоящий бой, особенно действием авиации и действием десанта, который рекомендую усилить парой хороших батальонов.

ПОПОВ: Я доложил Вам откровенно свои настроения, сложившиеся у меня в результате трех дней действий групп Антонюка и Цветаева. Но я прошу помнить, разведданные говорят о непрекращающемся подвозе и усилении противника на этом направлении. Вот почему я поставил перед Вами вопрос о необходимости решительного увеличения группировки Антонюка. Это прошу доложить Ставке.

ЖУКОВ: Продолжаю. Вы сильно преувеличиваете. При всех условиях приказ Ставки должен быть выполнен. Как дела под Лугой, Сабском и Нарвой? Коротко.

ПОПОВ: Отвечаю: без перемен. Мы прочно держим оборону. Противник закапывает в землю танки и обороняется, продолжая продвигать войска. Товарищ Жуков, все совершенно ясно. Принимаем все меры. Прекрасно понимаю, что означает для нас это направление. На лужском направлении деремся с разведкой, перед передним краем обороны пока бьем здорово. Берем пленных, но это все преддверие, мы должны готовиться и готовимся к серьезным боям.

5 сентября генерал Попов был отстранен от должности, а командующим Ленинградским фронтом назначен маршал Ворошилов. Ему также не удалось остановить противника, который 8 сентября занял Шлиссельбург, выйдя к Ладожскому озеру и блокировав Ленинград с суши. Отныне сообщение с городом поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Ворошилов отдал приказ о подготовке к уничтожению важнейших объектов города. В сложившейся обстановке Сталин мог опереться только на Жукова. 9 сентября он принял его в Кремле, похвалив: неплохо получилось под Ельней. Признался, что прав был Жуков в конце июля – плохо идут сейчас дела под Киевом. Поинтересовался, кем бы можно заменить там Буденного, который не справляется. После этих слов Жуков почти не сомневался, что его планируют назначить командующим Юго-Западным направлением. Оказалось, нет. Его ждал Ленинград.

Оценивая по просьбе Сталина общую ситуацию на фронтах, Жуков вновь высказал убеждение, что самым опасным участком по-прежнему является Юго-Западный фронт. Войска группы армий «Центр», прорвавшиеся в район Чернигова, могут смять 21-ю армию и выйти в тыл войскам генерала Кирпоноса. Жуков был уверен, что Клейст с кременчугского плацдарма будет оперативно взаимодействовать с Гудерианом. Выход один: немедленно отвести киевскую группировку на восточный берег Днепра, сдать Киев и укрепить фланги фронта.

На этот раз Сталин отреагировал спокойно, но ничего конкретного не сказал. Наверное, любой бы на месте Георгия Константиновича посчитал безумием с такой настойчивостью предлагать оставить без боя Киев и довольно большую территорию – за такие советы можно и поплатиться. Любой бы, но не Жуков. Но время показало, как он был прав. Впоследствии твердость и смелость Жукова в отстаивании своей позиции перед политическим руководством страны сделали свое дело: Сталин стал с большим вниманием прислушиваться к его обоснованным выводам и предложениям при выработке планов кампаний и стратегических решений.

Медлительность Сталина стала одной из причин поражения войск Юго-Западного фронта. 12 сентября из района Кременчуга перешла в наступление, нанося удары в северном направлении, 1-я танковая группа генерала Э. Клейста, а навстречу ей двигались дивизии 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана. Через три дня ловушка захлопнулась в районе небольшого украинского села Лохвица. В киевском котле оказалось управление Юго-Западного фронта и свыше 452,7 тыс. человек, 2642 орудия, 1225 минометов, 64 танка{167}. По данным германских историков, силами группы армий «Юг» и «Центр» было взято в плен 665 тыс. человек{168}. В это число вошли бойцы и командиры Брянского фронта, плененные в августе – сентябре. 20 сентября погиб командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос.

Сталин считал одной из причин неудач то, что многие бойцы и командиры не проявляли необходимой стойкости. Требовались неординарные, более жесткие меры для наведения порядка на фронте. 12 сентября Ставка разослала военным советам фронтов директиву № 001919, написанную начальником Генштаба Шапошниковым под диктовку Сталина. В директиве отмечалось:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «нас окружили» – и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах. Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникерские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии. Но беда в том, что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много.

В целях предупреждения указанных выше нежелательных явлений на фронте Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк), подчиненный командиру дивизии и имеющий в своем распоряжении, кроме обычного вооружения, средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники и бегства, поддержку честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством.

3. Обязать работников особых отделов и политсоставов дивизий оказывать всяческую помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины дивизии.

4. Создание заградительных отрядов закончить в пятидневный срок со дня получения настоящего приказа»{169}.

Комиссия Государственного комитета обороны, находившаяся в Ленинграде, пришла к однозначному выводу: оставлять Ворошилова в качестве руководителя обороны Ленинграда нельзя. В город на Неве был направлен Жуков, который вез с собой записку Сталина, адресованную Ворошилову: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву».

Военно-транспортный «Дуглас», на борту которого находился Жуков, вылетел утром 10 сентября с аэродрома Кайвакса в сопровождении трех звеньев 160-го истребительного авиационного полка. Поначалу полет проходил спокойно. Однако при выходе на побережье Ладожского озера в районе Шуряги, между устьями Волхова и Свири, неожиданно впереди появились «мессершмитты». Советские истребители вступили в бой с противником. «Дуглас» резко ушел на малую высоту и увеличил скорость, продолжая лететь своим курсом. Немецкие истребители предпринимали одну попытку за другой, чтобы прорваться к «Дугласу», но группа прикрытия, умело маневрируя в непосредственной близости от него, отразила все вражеские атаки. Противник оставил в покое советские самолеты только вблизи Ленинграда. Так, благодаря мужеству и самоотверженности летчиков 160-го истребительного авиационного полка, успешно закончился перелет Жукова в город на Неве.

Приехав в Смольный, Жуков прошел в кабинет Ворошилова. Здесь за покрытым красным сукном столом сидело человек десять – проходил расширенный военный совет Ленинградского фронта, решавший вопрос об уничтожении важнейших объектов города и кораблей Балтийского флота. Характер разговора буквально взбесил Жукова. Здесь думают не о сопротивлении, а о сдаче города. Он подал записку Сталина Ворошилову. Тот молча прочитал ее и грузно опустился на стул.

Г. К. Жуков объявил присутствующим, что он назначен командующим фронтом, а начальником штаба будет генерал-лейтенант М. С. Хозин. Приказ Ставки о назначении Жукова командующим войсками Ленинградского фронта был подписан 11 сентября.

Обстановка в городе была критическая. До войны никто и не думал, что Ленинград придется оборонять с юга. А теперь город был блокирован со всех сторон. На улицах, в жилых кварталах рвались бомбы и снаряды. Немецкое командование беспрерывными обстрелами и бомбежками пыталось сломить у войск и населения волю к борьбе. В этой тяжелой ситуации требовалось не только переломить упаднические настроения командования и руководства города, но и в короткие сроки организовать имеющимися в наличии силами прочную оборону. Помощи в ближайшее время ждать не приходилось. Г. К. Жуков приказал генералу И. И. Федюнинскому, прибывшему с ним из Москвы, отправиться в 42-ю армию, где сложилась наиболее напряженная обстановка, на месте во всем разобраться и принять необходимые меры по предотвращению прорыва противника к Ленинграду через Пулковские высоты. «Штаб 42-й армии размещался в железобетонных дотах Пулковского укрепленного района, – вспоминал И. И. Федюнинский. – Отсюда до переднего края обороны было так близко, что когда я шел по траншеям к блиндажу командарма, то слышал над головой знакомое злое посвистывание пуль. Командующий армией генерал-лейтенант Иванов сидел в блиндаже, подперев голову обеими руками. Перед войной я учился вместе с Ивановым на курсах при Академии Генерального штаба. Мы были тогда в одной учебной группе. Позднее он стал заместителем командующего Киевским Особым военным округом. Я знал генерала Иванова как человека, отличавшегося завидной жизнерадостностью, очень энергичного, распорядительного, волевого. Но сейчас он сидел передо мной усталый, с небритым, осунувшимся лицом, угнетенный и подавленный. Иванов не выразил никакого удивления, увидев меня, точно мы не встречались всего несколько дней»{170}.

Генерал-лейтенант Ф. С. Иванов спросил, впрочем, без особого интереса, просто из вежливости:

– Как это вы сюда попали? Кажется, ведь командовали корпусом на Юго-Западном?

– Я приехал как заместитель командующего фронтом, чтобы ознакомиться с обстановкой. Прошу вас показать на карте, где находятся войска армии.

– Не знаю, – раздраженно сказал Иванов, – ничего не знаю…

– А связь с соединениями у вас есть?

– И связи нет. Бои сегодня были тяжелые. Кое-где пришлось отойти. Связь нарушилась.

Федюнинский вызвал начальника штаба генерал-майора Ларионова и начальника оперативного отдела, чтобы в общих чертах уяснить обстановку. После их доклада стало ясно, что оборона в полосе 42-й армии держится буквально чудом.

И нет ничего удивительного в том, что Сталин не верил в возможность удержания Ленинграда. По словам Жукова, он считал, что «видимо, пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным». Не случайно 13 сентября военному совету Ленинградского фронта была направлена директива № 001931 Ставки ВГК об утверждении плана «мероприятий по уничтожению флота на случай вынужденного отвода из Ленинграда». Причем ответственность за подачу сигнала к выполнению плана была возложена на командующего Ленинградским фронтом{171}. План был разработан в наркомате ВМФ, директива подписана начальником Генштаба и наркомом ВМФ, а топить корабли должен был Жуков! Но до этого не дошло.

14 сентября Жуков по прямому проводу докладывал обстановку Шапошникову:

ЖУКОВ: Обстановка в Южном секторе фронта значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу. К исходу сегодняшнего дня противник, развивая прорыв тремячетырьмя пехотными дивизиями и до двух танковых дивизий, вышел на фронт Новые Сузи, что южнее Пулково 2 километра, Финское Койрово, северная окраина Константиновка, Кауппилово, Горелово, Аннино, Капорская Ропша, Глядино и развивает наступление в северном направлении. Район Красногвардейск и дороги, идущие с Красногвардейска в Пулково, также занимаются противником. Таким образом, на этом участке фронта положение очень сложное. Это положение усугубилось тем, что у командования в районе Ленинграда не было никаких оперативных и тактических резервов. Сейчас приходится приостанавливать наступление и развитие прорыва случайными отрядами, отдельными полками и вновь формируемыми рабочими дивизиями. К исходу сегодняшнего дня мною организована на путях движения противника система артиллерийского огня, включительно до привлечения морской, зенитной и прочей артиллерии. Собираю минометы и, думаю, к утру смогу на основных направлениях подготовить плотный заградительный огонь. Для взаимодействия с пехотой, которую к исходу дня расположили на вышеуказанном рубеже, привлекаю всю авиацию фронта и Балтийского флота и, кроме того, собираю до сотни танков непосредственно на южной окраине Ленинграда. На линии Мясокомбинат, Рыбацкое, Морской порт развертываю дивизию НКВД, которую усиливаю пока 100 орудиями. Имею в виду в дальнейшем собрать еще не менее 100 орудий. Вот все по обстановке непосредственно под Ленинградом.

На фронте 8-й армии организую удар с целью выхода на Кингисеппское шоссе с тем, чтобы ударом во фланг и тыл оттянуть часть группировки его, во взаимодействии с 55 и 42-й армиями в дальнейшем ликвидировать красносельскую группу противника. Переход в наступление 55 и 42-й армий рассчитываю провести не раньше 17-го числа. Раньше не могу, так как сейчас нет сил. Думаю собрать их за счет вывода из группы Астанина 70 и 90-й дивизий. Думаю собрать дивизий пять, если удастся в течение двух ближайших дней вывести Астанина. Если не удастся вывести Астанина к этому времени, буду собирать хотя бы три дивизии. Удар на соединение с Куликом буду готовить, но провести его могу только после ликвидации красносельской группировки противника. На остальных участках фронта ничего существенного не произошло. Мною принято в Ленинградском фронте всего 268 самолетов, из них исправных только 163. Очень плохо с бомбардировщиками и штурмовиками: имеется Пе-2–6 самолетов, Ил-2–2 самолета, АР-2–2 самолета, СБ – 11 самолетов.

Такое количество не обеспечит выполнения задачи. Очень прошу товарища Сталина дать хотя бы один полк Пе-2, один полк Ил-2.

ШАПОШНИКОВ: Генеральный штаб докладывал Вам с утра 12 сентября, когда прорыв только наметился. Затем на сегодняшний день, к сожалению, произошли события, повлекшие за собой перенос поля действий к Пулковским высотам. Для меня не ясно, что же делала пулеметная и артиллерийская оборона самого Красногвардейского УРа. Получается так, что как будто этого УРа и не было. Конечно, сейчас надо считаться с той обстановкой, которая сложилась на вечер 13 сентября. Считаю, что принятое Вами решение прежде всего организовать артиллерийскую завесу является единственно правильным. Ленинградский район имеет столько артиллерии, что вполне возможно создать непроходимую завесу. Что касается контратаки 8-й армии, то дивизии ее наступают разрозненно, контратаки ведутся на широком фронте, и Вы сами понимаете, что для того, чтобы остановить прорывающиеся четыре дивизии противника с танками, конечно, тоже ослаблены. Нужен все же массированный пехотный и артиллерийский удар, и я думаю, что за счет обороны на правом фланге 8-й армии и в центре сгруппировать силы для удара на ее левом фланге – на Кингиссепском шоссе, как Вы это и задумали. Не знаю, как удержится Красногвардейск, но держаться ему надо во что бы то ни стало, чтобы лишить противника путей подвоза. Сейчас, конечно, центр всего внимания должен быть направлен на ликвидацию красносельского прорыва, а затем на взаимодействие с Куликом. Астанин, по-моему, обойдя Вырицу с востока, может уже выходить под прикрытием 90-й дивизии на свободное поле, а не вести изнуряющий бой за захват Вырицы. Накапливать резервы под Ленинградом необходимо, и я думаю, что в тылах фронта и разных узлах можно еще найти и людей, и оружие. Ставка просит Вас ориентировать ее чаще по проводу и по радио о событиях на фронте. Вашу просьбу об усилении бомбардировочной авиацией незамедлительно доложу товарищу Сталину.

ЖУКОВ: Все ясно, прошу только иметь в виду, как я уже Вам доложил, что район Красногвардейска до реки Ижора и все пути, идущие через Красногвардейск на север, сданы противнику еще вчера, о чем, как мне известно, командованию доносилось. На Красногвардейском УРе уровские части и гвардейские части серьезно не дрались, так как противник, прорвавшись перелесками, обошел части с фланга и с тыла, и под воздействием обхода противника 3-я дивизия полностью разбежалась. 2-я дивизия разбежалась частично. И вот в эту зияющую дыру устремился противник. Сейчас приходится принимать пожарные меры и наводить должный порядок в частях. Части 42-й армии дерутся исключительно плохо, и, видимо, настоящей борьбы и расправы с трусами и паникерами в этой армии не было. Думаю, в ближайшие дни наведем порядок и заставим драться, как полагается. Если придется, не остановимся ни перед какими мерами. Прошу Вас подкрепить товарища Кулика двумя-тремя дивизиями, чтоб он мог нанести мощный удар. Это будет самая лучшая помощь фронту в создавшейся обстановке.

Организуя в эти дни оборону Ленинграда, особую надежду Георгий Константинович возлагал на 54-ю отдельную армию, которой командовал Маршал Советского Союза Г. И. Кулик. Она по приказу Ставки ВГК должна была деблокировать город с востока. В ночь на 15 сентября Жуков связывается с Куликом и настойчиво просит его немедля развернуть наступление. Но у командующего 54-й отдельной армией свои проблемы: противник сосредоточил напротив его правого фланга крупную группировку и перешел в наступление. Поэтому ему понадобится время, чтобы отбить его и сконцентрировать свои силы. После этого разговор приобрел нелицеприятный характер.

– Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом, – сказал Жуков. – Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему против-

нику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего!

Впоследствии Георгий Константинович отмечал, что Кулик ошибался: действия противника были не более чем попыткой боем разведать оборону советских войск. Он явно не представлял себе или не хотел понять крайнего напряжения обстановки под Ленинградом.

16 сентября на Кулика попытался воздействовать Сталин:

– Мы считаем, что Вам необходимо оставить заслон со стороны Шлиссельбурга, главными своими силами ударить в направлении станции Мга, прикрывшись одновременно на своем левом фланге со стороны Шапки, Сологубовка, и затем не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым. В своем разговоре с Вами 15 сентября Жуков обрисовал Вам его положение, и поэтому Вашу операцию затягивать нельзя.

Несмотря на указания Сталина, войска 54-й отдельной армии перешли в наступление только через несколько дней.

А пока велись эти переговоры, обстановка вокруг Ленинграда вновь резко обострилась. Противник прорвался к Финскому заливу, отрезав войска 8-й армии от основных сил Ленинградского фронта. Западнее города образовался ораниенбаумский плацдарм. На следующий день немецкие войска захватили Павловск и ворвались в г. Пушкин. Жуков вынужден был пойти на крайние меры и издать 17 сентября приказ военным советам 42 и 55-й армий: «Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа: Лигово, Кискино, Верх. Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу»{172}.

Одновременно Жуков и Жданов докладывают Сталину:

«В течение 17.9.41 шли упорные бои на всем фронте, южнее Ленинграда. Особенно ожесточенные бои шли в районе Разбегай, Стрельна, Урицк. Здесь противник в дополнение к пяти ранее наступавшим дивизиям ввел в бой еще одну пехотную дивизию (58 пд). В результате левый фланг 8 А был оттеснен противником к Стрельне. Правофланговые части 42 А оставили было Урицк, но потом контратакой вновь овладели этим пунктом. Продолжается очистка от мелких групп противника района Иваново, Сосновая Поляна.

Противник также вел настойчивые атаки в направлении Пушкин, где дополнительно к ранее наступавшим четырем пехотным и одной танковой дивизиям ввел в бой еще одну танковую дивизию.

В результате ожесточенных боев части 55-й армии были потеснены и к концу дня вели бои в северо-восточной части Пушкина и вдоль шоссе на Путролово.

Авиация противника действовала главным образом на поле боя, особенно активно на фронте 55-й армии, где участвовало до 200 самолетов. Произведены также три авианалета на правый берег р. Нева в районе Пороги. Наша авиация штурмовала и бомбила скопления войск противника и подходящие его колонны.

Войскам фронта на 18.9.1 поставлены задачи: 8-й армии – силами не менее пяти дивизий нанести удар с рубежа Хавони, Павкуля на Красное Село; 42-й армии – упорно оборонять занимаемый рубеж; 55-й армии – восстановить утраченное положение»{173}.

Военный совет Ленинградского фронта, реализуя директиву Ставки ВГК № 001919, принял 18 сентября постановление № 00274 «Об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов на территорию г. Ленинграда». В этом документе, подписанном командующим войсками Ленинградского фронта генералом армии Г. К. Жуковым, членами военного совета фронта 1-м секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Ждановым и 2-м секретарем А. А. Кузнецовым, в частности, предписывалось: «…5. Начальнику ОВТ (Охрана войскового тыла. – *Авт.*) Ленинградского фронта генерал-лейтенанту тов. Степанову организовать для сосредоточения и проверки всех военнослужащих, задержанных без документов, четыре заградительных отряда. Начальнику тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенанту тов. Мордвинову организовать при этих заградительных отрядах питательные пункты»{174}.

О том, как выполнялось это указание, можно судить из справки, представленной начальником штаба Охраны войскового тыла Ленинградского фронта полковником Дреевым 21 декабря военному совету фронта:

«С начала военных действий по 19.XII 1941 г. частями и органами ОВТ ЛФ, городской, областной милицией, ж. д. милицией ДТО Октябрьской и Ленинградской железных дорог в тылу Ленинградского и ранее Северного фронта:

Задержано дезертиров и подозреваемых в дезертирстве – 78 196 чел.

В том числе:

Уклонившихся от призыва и мобилизации – 4733 чел.

1. Военнослужащих, задержанных в тылу фронта без документов, с неоформленными документами, самовольно отлучившихся из части и пр. – 49 717 чел.

2. Арестовано непосредственно после фильтрации – 3327 чел.

3. Направлено в военкоматы и воинские части – 61 583 чел.

4. Выявлено во время предварительного расследования шпионов – 246 чел. ПРИМЕЧАНИЕ: Основная масса задержанных падает на август, сентябрь и начало октября с. г., т. е. в период отхода наших частей»{175}.

С выходом противника к поселку Володарского и Урицку левый фланг его ударной группировки оказался растянутым. Учитывая это, Жуков решил силами 8-й армии нанести контрудар во вражеский фланг. Однако, осуществив перегруппировку, противник 20 сентября силами до четырех дивизий начал ответное наступление. Ему удалось не только остановить продвижение войск 8-й армии, но и оттеснить ее.

Жуков реагировал быстро и жестко. 22 сентября он телеграфирует военному совету 8-й армии:

«Если 8-я армия допустит захват немцами Петергофа, немцы нам разгромят Кронштадт. 8-я армия своими действиями не только подводит Ленинградский фронт, но играет предательскую роль. В то время как 23, 42, 55 А блестяще отражают все атаки немцев, нанося им громаднейшие потери, 8-я армия, имея против себя 3–4 тысячи немцев с 10–20 танками, позорно разбегается при первом выстреле. Военный совет бездействует, настроен больше на эвакуацию, а не на упорный бой. Такой военный совет вполне заслужил суровой кары, вплоть до расстрела.

Я требую: Щербакову, Чухнову, Королеву выехать в 2 дно (дивизия народного ополчения. – *Авт.*), 11 сд, 10 сд и лично вести их в бой. Шевалдину и Королеву предупредить командиров всех степеней, что они за самовольное оставление Петергофа будут расстреляны, как трусы и изменники. Всем объявить – НИ ОДНОГО ШАГУ НАЗАД»{176}.

Сталин поддержал все предложения Жукова по укреплению командного состава: командующий 8-й армией В. И. Щербаков и член военного совета И. Ф. Чухнов были отстранены от должности, а на их место назначены Т. И. Шевалдин и А. Д. Окороков; генерал-лейтенант Ф. С. Иванов, как неспособный руководить 42-й армией, был заменен генерал-майо-

ром И. И. Федюнинским; 10-ю стрелковую дивизию возглавил генерал-майор М. П. Духанов. Его предшественник генерал-майор Фадеев за пьянство и разложение дивизии был от должности отстранен, арестован и предан суду военного трибунала. Начальник тыла фронта генерал-лейтенант Мордвинов, как не соответствующий занимаемой должности и неспособный обеспечить работу управления тыла фронта, был от должности освобожден и зачислен в распоряжение военного совета фронта.

Война порождает явления, которые часто стоят вне сферы человеческого осмысления. Жестокость – одно из них.

21 сентября военному совету Ленинградского фронта было направлено указание Сталина за № 002204:

«Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают вперед своих войск делегатов от занятых ими районов – стариков, старух, женщин и детей – с просьбой к большевикам сдать Ленинград и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожить в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов.

Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда. Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были»{177}.

Сталин был также недоволен действиями маршала Кулика. 24 сентября Жуков получил директиву Ставки ВГК за № 002285: «Тов. Кулик, как видно, не справляется с выполнением поставленной перед ним задачи и не выполняет приказов о решительном наступлении. Имея в виду общую задачу 54-й армии с Ленинградским фронтом по обороне Ленинграда, представляется выгодным 54-ю армию подчинить Вам. Кого можете выставить кандидатом на 54-ю армию? Не подойдет ли на эту должность Хозин? Рассматривается возможность выделения левофланговой группы дивизий 54-й армии в особую опергруппу с подчинением Ставке. Ответ ожидается срочно»{178}.

26 сентября директивой Ставки ВГК № 002357 войска 54-й армии были включены в состав Ленинградского фронта, Кулик отозван в распоряжение Ставки, а командующим армией назначен начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. С. Хозин.

Твердость и целеустремленность Жукова, использование самых решительных, а порой и жестоких, мер воздействия на укрепление порядка, организованности, дисциплины возымели свое действие. В войсках стала появляться уверенность в успехе, и они со все возрастающим упорством сражались на занимаемых позициях, переходя в контратаки при любом удобном случае, как того требовал Жуков. В конце концов противник выдохся, фронт стабилизировался. Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал В. фон Лееб доложил главнокомандующему Сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршалу В. Браухичу, что оставшимися силами продолжать наступление на Ленинград он не может. Войска противника от стратегического наступления перешли к длительной позиционной осаде, пытаясь задушить Ленинград в тисках полной блокады. Отрезанным от Большой земли войскам и населению города предстояла долгая борьба за выживание.

5 октября Сталин вызвал Жукова к прямому проводу и задал ему вопрос:

– Не можете ли сесть на самолет и прибыть в Москву? Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с Вами посоветоваться о необходимых мерах. За себя оставьте кого-либо, может быть, Хозина оставите?..

– Прошу разрешения вылететь завтра утром на рассвете.
– Хорошо, завтра днем ждем Вас в Москве.
– Слушаю. Буду.

«Чудо под Москвой»

Вторые сутки командующий разъезжал в районе боевых действий и искал свои войска – такого случая не было, может быть, во всей истории войн. Командующий фронтом, заместитель наркома обороны, член Ставки ВГК генерал армии Жуков искал командующего фронтом, заместителя наркома обороны, члена Ставки ВГК, своего бывшего начальника, маршала Буденного. А он в это время находился в Малоярославце, в здании райисполкома. Семен Михайлович не знал, где находится его штаб, не имел уже более двух суток связи с командующим Западным фронтом, Коневым, считал, что фронта обороны не существует. Маршал понимал, что время лихих кавалерийских атак периода Гражданской войны кануло в Лету. Все изменилось: характер войны, вооружение, боевая техника, способы ведения военных действий. Для умелого руководства войсками в новых условиях нужны командиры «тактически и оперативно грамотные», волевые, инициативные, решительные, жесткие, авторитетные. Буденный хорошо знал Георгия Константиновича: сам же подписывал ему аттестацию в 1931 г. С тех пор минуло десять лет, но Жуков почти не изменился.

Утром 8 октября 1941 г. Жуков с большим трудом разыскал, наконец, штаб Резервного фронта. Ознакомившись с обстановкой, он приказал начальнику штаба генералу А. Ф. Анисимову наладить связь, добыть сведения о противнике, перекрыть артиллерией все дороги, ведущие к Москве, западнее Вереи, Боровска, Медыни, Калуги. После этого Георгий Константинович направился в Малоярославец, где в здании райисполкома нашел Буденного. По словам Семена Михайловича, 24 и 32-я армии разбиты, а фронта обороны не существует. Неизвестно, в чьих руках Юхнов. Жуков пришел к выводу – развал полный. Он не стал церемониться.

– Поезжай в штаб фронта, – сказал Жуков, – разберись в обстановке и сообщи в Ставку о положении дел, а я поеду дальше. Доложи Верховному о нашей встрече и скажи, что я поехал в район Юхнова, а затем в Калугу. Надо выяснить, что там происходит.

На обратном пути Жуков вместе с водителем Бучиным проехал знакомые с детства, милые сердцу места. Протва, разъезд Обнинское. Отсюда и до Стрелковки рукой подать, какой-то десяток километров, а там ведь мать и сестра с детьми. Но на счету каждая минута – враг рвется к Москве. Через две недели он будет топтать сапогами и родной край Жукова. К счастью, Георгий Константинович вовремя успеет вывезти своих близких.

Что же произошло за то время, что Жуков находился в Ленинграде?

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок лелеял мечту «атаковать главные силы русских». Этому, казалось бы, соответствовала и директива № 35, подписанная Гитлером 6 сентября:

«Начальные успехи в действиях против сил противника, находящихся между смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр», в сочетании с дальнейшими успехами по окружению вражеских войск в районе Ленинграда создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимошенко, которая безуспешно ведет наступательные действия перед фронтом группы армий «Центр». Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении. С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены».

Директивой предусматривалось:

«…2. В полосе группы армий «Центр» подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска,

посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах.

С этой целью главные усилия подвижных войск сосредоточить:

На южном фланге предположительно в районе юго-восточнее Рославля, с направлением ударов на северо-восток…

В полосе 9-й армии с направлением удара предположительно через Белый…

После того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Ока, а левым – к верхнему течению Волги…

4. При дальнейшем проведении операций предусмотреть, чтобы наступление группы армий «Центр» на московском направлении было прикрыто с юга посредством выдвижения из полосы группы армий «Юг» в общем направлении на северо-восток группировки прикрытия фланга, созданной из высвобождающихся подвижных соединений, и чтобы силы группы армий «Север» были нацелены на прикрытие северного фланга группы армий «Центр»…»{179}

Фон Бок, вдохновленный этой директивой, при помощи начальника штаба отразил свою мечту на «высокохудожественной карте со схемой новой операции», направленной 14 сентября Главному командованию Сухопутных войск. «Получил устный ответ от Гальдера на предложенный мною Верховному командованию Сухопутных сил план операции, вычерченный на карте, – отмечал фон Бок 15 сентября в своем дневнике. – Суть ответа сводится к следующему: будущее сражение должно быть «более ограниченным» по масштабам! Воистину, узость мышления становится искусством. При таких условиях после завершения сражения русские по-прежнему будут противостоять нам на фронте»{180}.

Начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Гальдер в свою очередь зафиксировал в дневнике: «Планы действий группы армий «Центр» на осень. В отношении использования сил эти планы совпадают с нашими намерениями; что же касается поставленной цели, то командование группы предусматривает слишком глубокое продвижение на восток»{181}.

Командующий группой армий «Центр» был вынужден смириться с навязанной ему операцией «ограниченного» масштаба. При планировании операции он опирался на разведывательные данные, которые, по оперативной сводке Главного командования Сухопутных войск от 15 сентября, свидетельствовали о следующем: «На центральном участке войска западного направления под командованием Тимошенко с 13.9 не предпринимают сильных атак. Действия авиации и артиллерии заметно ослабели. Пленные офицеры говорят о переходе к обороне. Дальнейшие планы русского командования пока не ясны. Оно может по совету своих союзников, которые считают положение Красной Армии более угрожаемым, чем сами русские, наконец, дать передышку своим войскам. Побудить русских прекратить атаки могли и такие причины, как истощение войск, большие потери и нехватка боеприпасов. Следует учитывать возможность, что в ближайшие дни русские произведут перегруппировку к обороне и, возможно, снимут часть сил с фронта перед ГА «Центр»…»{182}

16 сентября фон Бок подписал директиву № 1300/41 о подготовке операции «Тайфун», которая предусматривала переход в наступление не позже начала октября{183}. К этому времени планировалось усилить 4 и 9-ю армии с подчиненными им 4 и 3-й танковыми группами с таким расчетом, чтобы «каждая из армий при помощи сильной атакующей группы, состоящей из моторизованных, танковых и пехотных соединений, смогла бы осуществить прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль, Москва и севернее автодороги; уничтожить зажатые между внутренними флангами войска противника». Для этой цели они

должны были, прикрывшись с востока в зависимости от обстановки, «совершить поворот либо против общей линии Вязьма, Дорогобуж, или с обеих сторон к Вязьме».

24 сентября в штаб группы армий «Центр», находившийся в районе Смоленска, прибыл генерал-полковник Гальдер. Он вместе с фон Боком обсудил замысел операции «Тайфун». Фон Бок сообщил, что планирует 30 сентября начать наступление в полосе 2-й танковой группы, а на остальных участках – 2 октября. «Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе, – вспоминал генерал Гудериан, – ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твердым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени, по крайней мере, достигнуть хорошей дороги у Орла и закрепить за собой дорогу Орел – Брянск, обеспечив тем самым себе надежный путь для снабжения»{184}.

26 сентября фон Бок подписал приказ № 1620/41 о наступлении{185}. Войскам 4-й армии с подчиненной ей 4-й танковой группой предстояло наступать в общем направлении по обе стороны дороги Рославль – Москва. После осуществления прорыва армия, прикрываясь с востока, должна была повернуть крупными силами в направлении шоссе Смоленск – Москва с обеих сторон Вязьмы. На 9-ю армию с подчиненной ей 3-й танковой группой возлагалась задача по прорыву обороны советских войск между шоссе и районом Белый и выходу к железной дороге Вязьма – Ржев. Главный удар силами моторизованных частей при поддержке пехотных соединений предусматривалось нанести в общем направлении на Красный Холм. Кроме того, намечался поворот части сил восточнее верхнего течения р. Днепр в направлении автодороги западнее Вязьмы при одновременном прикрытии с востока. На внутренних флангах 4 и 9-й армий между районом Ельня и шоссе предписывалось, впредь до получения возможности наступления на этом участке, вводить советские войска в заблуждение, создав видимость наступления и путем отдельных сосредоточенных ударов с ограниченными целями максимально сковывать противника.

Войскам 2-й армии приказывалось прикрыть правый фланг 4-й армии. С этой целью она должна была прорвать оборону на р. Десна с нанесением главного удара по его северному флангу в направлении Сухиничи, Мещовск. При возможности 2-й армии предстояло внезапным ударом занять городской и индустриальный район Брянск, Орджоникидзеград. 2-я танковая группа имела задачу перейти в наступление примерно за два дня до начала наступлений главных сил группы армий «Центр», нанести главный удар в направлении Орел, Брянск. Левый фланг 2-й танковой группы, продвигаясь с юга в направлении позиций противника на р. Десна, должен был во взаимодействии со 2-й армией вытеснить советские войска из района дуги рек Судость, Десна.

В директиве отмечалось, что группа армий «Юг» своим левым флангом (6-я армия) наступает в восточном направлении севернее Харькова, а группа армий «Север» силами 16-й армии прикрывает линию севернее озера Жеданье, озеро Ильмень. Задача 2-го усиленного воздушного флота состояла в том, чтобы уничтожить «русские авиационные силы перед фронтом группы армий» и поддерживать «наступление армий и танковых групп всеми имеющимися в его распоряжении средствами».

За счет резервов Главного командования Сухопутных войск и войск, снятых с других участков Восточного фронта, германское командование сумело к концу сентября довести состав группы армий «Центр» до 1800 тыс. человек, 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков, на поддержку которых было выделено 1390 самолетов{186}. Им противостояли войска Брянского, Резервного и Западного фронтов, насчитывавшие около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков и 667 самолетов{187}. Противник почти в 1,5 раза превосходил советские войска по живой силе, в 1,8 – по орудиям и минометам, в 1,7 – по танкам и в 2 раза – по самолетам.

Генеральный штаб Красной Армии в двадцатых числах сентября получил разведданные о подготовке противником крупного наступления. Обстановка требовала принятия незамедлительных мер по его срыву, но сил для этого было недостаточно. Поэтому Ставка ВГК 27 сентября потребовала от командующего Западным фронтом: «На всех участках фронта перейти к жесткой упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и, лишь в случае необходимости, предпринимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций»{188}. Для возведения оборонительных сооружений предписывалось мобилизовать все саперные части и соединения, создавая окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями. Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами. Одновременно ставилась задача организовать систематическую воздушную и наземную разведку противника, накапливать силы во фронтовом и армейских резервах, выводя в ближайший тыл несколько дивизий для пополнения и усиления.

Из этой директивы видно, что Ставка ВГК сумела правильно предугадать основные направления наступления противника и пыталась принять превентивные меры. Однако у советского командования не имелся документально оформленный план ведения оборонительной операции на московском направлении. Времени на его подготовку не было, как и на организацию устойчивой обороны катастрофически не хватало.

30 сентября противник перешел в наступление на орловском, а 2 октября – на вяземском направлениях. 3 октября он прорвал оборону войск Западного фронта на глубину 50 км, на Резервном фронте – на 80. В полосе Брянского фронта противник преодолел 200 км и захватил Орел. Брянский фронт, будучи рассеченным ударами на нескольких направлениях, потерял свою боеспособность и, неся потери, разрозненными группами отходил на восток. Над его войсками нависла угроза окружения. Сгущались тучи над Западным и Резервным фронтами, оборона которых была также разбита. Обстановка с каждым часом накалялась, а приказа на отход все не было. Лишь в 18 часов 35 минут 5 октября Ставка ВГК разрешила командующему Брянским фронтом отвести 50-ю армию на вторую полосу обороны к западу от Брянска, 3-ю армию – на рубеж р. Десна и 13-ю армию – на фронт Кокаревка, Крупец, Дмитриев-Льговский{189}. Командующему Западным фронтом предписывалось в ночь с 5 на 6 октября отойти на линию Осташков, Селижарово, Бекетово, Ераево, Хмелевка, станция Оленино, Большие Воробьи, Болышево и далее вдоль восточного берега р. Днепр до г. Дорогобуж, Ведерники. В подчинение командующему фронтом передавались из Резервного фронта 31 и 32-я армии. Этому фронту в составе 24, 43 и 33-й армий приказывалось в ночь с 5 на 6 октября отойти на линию Ведерники, Хлысты, Митишкино, Шилово, Лазинки, Городечня, Ключи, Глагольня, Мосальск, Серпейск, Хлуднева, станция Шахта, Жиздра{190}.

О том, как развивались события на подступах к Москве, можно судить из доклада от 6 октября старшего майора госбезопасности Леонтьева и майора госбезопасности Клепова наркому внутренних дел Л. П. Берии:

«По Вашему заданию 5 октября в 17 часов мы выехали с двумя опергруппами по маршруту Москва – Подольск – Малый Ярославец – Ильинское.

В результате ознакомления с положением на месте, опроса отходящих военнослужащих и разведки установлено следующее:

2 октября на стыке 43 и 33-й армий противник просочился в сторону Кирова, занял Киров и Спасск-Деменск (Спас-Деменск. – *Авт.*).

5 октября в 6 км южнее Юхнова противником был выброшен парашютный десант, состоящий ориентировочно из 40 человек и 12 танкеток. К 18 часам 5 октября противник силой до одного батальона при 12 танкетках с минометами, заняв Юхнов, вышел на рубеж

реки Угра и оседлал Варшавское шоссе, где вступил в бой с находившимся в этом районе авиадесантным батальоном нашей 53-й авиабригады.

После того как противник просочился в стыке 33 и 43-й армий, тыловые части этих армий начали панически бежать и 5 октября с раннего утра растянулись по шоссе до самой Москвы.

Во второй половине дня 5 октября частично силами районных органов НКВД, а затем при нашей помощи были организованы небольшие заслоны в Ильинском, Малом Ярославце, Боровском, Каменке и в направлении Медынь – Калуга, которые задерживают отступающие части и отдельные группы военнослужащих… Для уничтожения противника на реку Угра из Ильинского выброшена одна рота курсантов Подольских курсов и 2 противотанковых батарей с задачей соединиться с нашим десантным батальоном, находящимся на Угре.

В Ильинском из числа задержанных красноармейцев и начсостава по состоянию на 22–23 часа 5Х организован отряд для обороны в составе 300 человек, который расположился на линии укрепрайона № 37. У отряда две пушки 75-мм, 3 ППД, 3 станковых пулемета, один ручной пулемет, 206 винтовок. Командует этим отрядом начальник Мало-Ярославецкого гарнизона полковник СМИРНОВ…»{191}

Положение, с которым столкнулись представители госбезопасности Леонтьев и Клепов, было характерным и для других фронтов. Для восстановления порядка принимались различные меры, в том числе и весьма сурового характера. Так, заместитель начальника Управления Особых отделов НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга С. Р. Мильштейн докладывал 10 октября Л. П. Берии о том, что с началом войны и по 10 октября в соответствии с постановлениями Особых отделов и приговорами военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, в том числе перед строем – 3321 человек. По фронтам эти данные распределялись следующим образом: Ленинградский: арестовано – 1044, расстреляно – 854, расстреляно перед строем – 43; Карельский – соответственно 468, 263 и 132; Северный – 1683, 933 и 280; Северо-Западный – 3440, 1600 и 730; Западный – 4013, 2136 и 556; Юго-Западный – 3249, 868 и 280; Южный – 3599, 919 и 191, Брянский – 799, 389 и 107, Резервные армии – 2516, 894 и 157 человек{192}.

Эти данные показывают, что наибольшее количество арестованных приходится на Северо-Западный, Западный (в командование этим фронтом Жуков вступил только 11 октября), Юго-Западный и Южный фронты – 14 301 человек, или 55,2 % от общего числа арестованных. Из них расстреляно 5523 человека, или 54,1 % от общего количества расстрелянных. Приведя эти цифры, мы преследуем цель показать, что обвинения Жукова в особой жестокости, нередко звучащие в исторической литературе, лишены основания. «Особой жестокости» не было. Жуков, как и многие командующие фронтами и армиями, действовал жестко, переходя иногда и пределы жесткости. Но обстановка того времени не позволяла поступать по-иному: на карте стояла судьба страны.

Ухудшение обстановки на центральном направлении и стало причиной вызова Жукова из Ленинграда в Москву. Сталин был болен и принял Георгия Константиновича в своей кремлевской квартире. Он поручил ему незамедлительно выехать в расположение войск Западного и Резервного фронтов, чтобы разобраться, что же там происходит. Затем Сталин поинтересовался мнением Жукова относительно намерений противника под Ленинградом. Георгий Константинович ответил, что в ближайшее время нового наступления там не ожидается, так как враг понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные дивизии из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Эти соединения, вероятно, будут применены для наступления на Москву.

6 октября в полвосьмого вечера маршал Шапошников по поручению Ставки ВГК подписал директиву № 002684 о командировании в район действий войск Резервного фронта генерала армии Жукова в качестве представителя Ставки. В директиве подчеркивалось:

«Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронта и по вопросам управления, обязательны для выполнения»{193}.

Жуков, получив необходимые документы, немедленно выехал в штаб Западного фронта. До Красновидова, где располагался штаб, он добрался поздней ночью. Застал на месте командующего фронтом генерала И. С. Конева, начальника штаба генерала В. Д. Соколовского, члена военного совета Н. А. Булганина. Они пытались облегчить участь войск, окруженных западнее и северо-западнее Вязьмы. Вечером 5 октября генерал Конев приказал генералу Рокоссовскому передать участок с войсками генералу Ф. А. Ершакову, а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы Рокоссовский получит пять стрелковых дивизий со средствами усиления. «Все это было совершенно непонятно, – вспоминал Константин Константинович. – Севернее нас, в частности у генерала Лукина, обстановка складывалась тяжелая, каковы события на левом крыле фронта и южнее, неизвестно… Тут были товарищи Лобачев, Казаков, Малинин, Орел. У них, как и у меня, телеграмма эта вызвала подозрения. Помню возглас начальника штаба:

– Уходить в такое время от войск? Уму непостижимо!

Я потребовал повторить приказ документом за личной подписью командующего фронтом. Ночью летчик доставил распоряжение за подписями И. С. Конева и члена Военного совета Н. А. Булганина»{194}.

Генерал Рокоссовский, прибыв в Вязьму, никаких частей там не встретил. Зато на город наступали танки противника. И только чудом Рокоссовский со штабом армии сумел вырваться из Вязьмы.

У штаба Западного фронта отсутствовала связь с командующими 19 и 20-й армиями – генералами М. Ф. Лукиным и Ф. А. Ершаковым, с соседними фронтами. Армиям правого крыла фронта – 22, 29 и 30-й, которые меньше пострадали, послан приказ отходить на линию Волги, Ржев, Сычевка. Для прикрытия центрального направления на Москву у фронта сил не осталось.

Утром 7 октября немецкая 10-я танковая дивизия вышла к Вязьме с востока. В описании хода боевых действий 4-й танковой группы (командующий генерал-полковник Э. Гёпнер) за период с 15 октября по 5 декабря 1941 г. отмечалось, что после соединения ее войск 7 октября в Вязьме с частями 3-й танковой группы генерал-полковника Г. Гота «вокруг армий Тимошенко сомкнулось грандиозное кольцо, которое войдет в историю под именем «Вяземского котла»{195}. К этому району подошла и 2-я танковая группа, замкнув кольцо окружения вокруг значительной части войск 19, 20, 24 и 32-й армий Западного и Резервного фронтов. Через два дня в окружении оказались 3 и 13-я армии в районе Брянска, который был захвачен накануне.

Итог был таков: в окружение попали 7 из 15 управлений армий, 64 дивизии из 95, 11 танковых бригад из 13, 50 артиллерийских полков РГК из 62. Только в районе Вязьмы из этого числа были окружены 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и полевые управления 19, 20, 24 и 32-й армий. Вне общих котлов было окружено 5 дивизий и 4 артиллерийских полка РГК. Советские войска потеряли около 6 тыс. орудий и минометов, более 830 танков{196}. Точные данные о потерях в живой силе отсутствуют. В некоторых трудах приводятся расчетные данные, составленные авторами. Например, военный историк Б. И. Невзоров в книге «Московская битва: феномен Второй мировой» считает, что за 2–3 недели боев под Москвой Красная Армия потеряла до 1 млн. человек, из которых (по немецким источникам) было взято в плен 688 тыс. человек{197}.

Противник сумел пробить 500-километровую брешь в обороне советских войск. Ситуация складывалась драматическая. 2-я танковая группа нацелилась на Тулу, чтобы овла-

деть дорогами для дальнейшего наступления на Коломну, Каширу и Серпухов. Войска 3 и 9-й армий намеревались уничтожить советские войска, окруженные в районе Дорогобуж, Вязьма. 4-я армия должна была наступать с рубежа Калуга – Медынь в северо-восточном направлении, овладеть переправами через р. Протва у Малоярославца и Боровска. На 3-ю танковую группу возлагался захват линии Гжатск – южнее Сычевки. 2-й армии было приказано во взаимодействии со 2-й танковой группой подавить сопротивление в районе Трубчевск, Жиздра и овладеть дорогой Рославль – Брянск.

Надо было предотвратить хаос, который мог возникнуть при массовом отступлении войск и который уже назревал, немедленно прикрыть наиболее опасные бреши, чтобы не дать противнику развивать успех. Иначе подвижные войска противника могут в любой день и час объявиться под Москвой. Следовало выделить главный и самый опасный участок. Собрав все сведения, имевшиеся в штабе Западного фронта, Жуков пришел к выводу: это можайская линия. Об этом он и доложил 8 октября Сталину, попросив быстрее стягивать войска, откуда только можно, на можайскую линию обороны.

Но каким образом собрать и сконцентрировать силы на смертельно опасном для Москвы участке? Об этом предстояло думать Жукову. 8 октября директивой № 002743 Ставки ВГК он был освобожден от обязанностей командующего Ленинградским фронтом и назначен командующим Резервным фронтом вместо С. М. Буденного.

Г. К. Жукову везло на Маршалов Советского Союза. В Ленинграде он поддержал Сталина при решении вопроса об освобождении от должности командующего 54-й армией маршала Кулика. Там же Георгий Константинович сменил на посту командующего Ленинградским фронтом маршала Ворошилова. Теперь настала очередь еще одного маршала – Буденного.

В принятии такого решения вины Георгия Константиновича нет, но такое не забывается!

Главное командование Сухопутных войск, владея стратегической инициативой, в полной мере представляло возможности противостоящей стороны. 8 октября генерал Гальдер записывает в своем дневнике: «Противник попытается подтянуть к Москве еще кое-какие силы, в первую очередь – с севера. Однако этих наспех собранных войск вряд ли будет достаточно для предотвращения сильной угрозы Москве, созданной нашими войсками, так что при более или менее правильном руководстве и сравнительно благоприятной погоде окружение Москвы должно удаться»{198}. Но, видно, Гальдер что-то не учел.

Однако пока Гитлер и Главное командование Сухопутных войск были уверены в том, что в ближайшие дни удастся окружить Москву. В директиве № 1571/41 Генерального штаба Сухопутных войск от 12 октября командующему группой армий «Центр» отмечалось:

«Фюрер опять решил, что на капитуляцию Москвы не следует рассчитывать, если она даже и будет предложена противником. Моральное право на это мероприятие ясно всему миру. Так же, как в Киеве взрывы со взрывателями замедленного действия повлекли тяжелые последствия для войск, в Москве и Ленинграде следует ожидать этого в еще большей степени. О минировании Ленинграда и об обороне его до последнего человека объявило само советское радио. Следует ожидать серьезную опасность чумы. Поэтому ни один немецкий солдат не должен заходить в эти города. Кто попытается уйти из города к нашим линиям – должен быть расстрелян. Поэтому непрегражденные участки, которые дают возможность проникновению населения в глубь советской страны, должны поощряться. Ко всем остальным городам также относится то, что перед захватом они должны быть уничтожены артиллерийским огнем и бомбардировочной авиацией, а населению их следует предоставить возможность уйти.

За мобилизацию немецких солдат на спасение русских городов от опасности пожара и кормление населения этих городов за счет германского государства ответственность сни-

мается. Хаос в России будет тем больше, а наша администрация и использование занятых районов тем легче, чем больше русское население будет уходить в глубь страны»{199}.

Сталин, как и в случае с Ленинградом, не был уверен, что удастся удержать Москву. Еще 8 октября он подписал постановление ГКО о проведении специальных мероприятий по уничтожению предприятий и других объектов в Москве и Московской области в случае захвата столицы немецкими войсками. Эта задача возлагалась на «пятерку» под руководством заместителя наркома внутренних дел И. А. Серова.

Для разбора причин катастрофы армий Западного, Резервного и Брянского фронтов в районах Вязьмы и Брянска была создана комиссия из представителей ГКО и Ставки ВГК. В нее в числе других входили В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. М. Василевский. Члены комиссии, собравшись в Красновидове на командном пункте Западного фронта, вместе с командующим фронтом генерал-полковником И. С. Коневым и членом военного совета Н. А. Булганиным пришли к выводу, что без объединения сил Западного и Резервного фронтов под единым командованием положение спасти не удастся и что объединение фронтов нужно провести немедленно. Об этом они доложили около четырех часов дня 10 октября Сталину, предложив назначить командующим Западным фронтом Жукова, его первым заместителем – Конева, членами военного совета – Булганина, Хохлова и Круглова{200}. Эта просьба была незамедлительно оформлена директивой № 002844 Ставки ВГК.

Жуков вступил в командование Западным фронтом 11 октября. Он, как всегда, остался верен себе и в этой сумасшедшей круговерти событий нашел время, чтобы проанализировать причины провалов, свидетелем которых стал:

– командование всех трех фронтов, будучи предупреждено Ставкой и заранее зная о сосредоточении крупных группировок немецких войск на их стратегическом направлении, не сумело проследить своей разведкой, в какие исходные районы и на какие направления выдвигаются главные группировки немецких войск, вследствие чего командование не сумело определить силу и направление подготовляемых противником ударов;

– точно не определив силу и направление подготовляемых ударов, командование фронтами своевременно не сосредоточило на угрожаемых направлениях необходимые силы и средства для построения там более глубокой обороны, особенно ее костяка – противотанковой обороны;

– командование фронтами не организовало мощной авиационной и артиллерийско-минометной подготовки с тем, чтобы нанести максимальное поражение войскам противника перед наступлением и ослабить силу его удара;

– сила удара немецких войск, сгруппированная на главнейших направлениях, значительно превосходила силу обороны войск фронтов, особенно в танках, авиации и механизированных войсках;

– когда произошел прорыв обороны фронтов, командование не сумело своевременно отвести из-под угрозы окружения 16, 19, 20, 24, 32-ю армии. В результате чего большая часть сил Западного фронта и часть сил Резервного фронта оказались в окружении и не имели возможности прорваться из окружения.

Жуков вступил в командование Западным фронтом в самый критический момент: 10 октября противник предпринял наступление на малоярославецком направлении, 11-го – на калужском, 13-го – на можайском, 16 октября – на волоколамском. Несмотря на то что велась постоянная переброска на Западный фронт из резерва Ставки ВГК и с других фронтов стрелковых дивизий, танковых бригад, артиллерийских полков, для создания сплошной линии обороны сил явно не хватало.

13 октября противник силами трех пехотных дивизий нанес поражение 5-й гвардейской стрелковой дивизии и сводному отряду и сводному полку 194-й стрелковой дивизии.

Они не смогли сдержать натиск врага и оставили Калугу. 14 октября авангард 4-й танковой группы, дивизия СС «Райх» подошла к линии Московской обороны, которая протянулась почти на 300 км от Калинина до Калуги. Полки «Дойчланд» и «Фюрер» дивизии СС «Райх» с ходу атаковали сильно укрепленные позиции советских войск и при поддержке 10-й танковой дивизии прорвали оборонительную позицию в самом ее центре. «Дивизии СС и танковая дивизия наступают с таким подъемом, что, кажется, у них позади не четыре месяца тяжелых боев, а длительный отдых, – отмечал штаб 4-й танковой группы. – Они преодолевают полосу врытых в землю огнеметов с электрическим зажиганием, противотанковые препятствия всех видов, заболоченные ручьи, минные поля, проволочные заграждения, систему дотов, эскарпы и непросматриваемые позиции в лесах, преодолевают все это, несмотря на сильный огонь артиллерии, зенитных и противотанковых орудий, минометов, пулеметов и ракетных установок. Храбрейшие бросаются вперед, прямо в огонь. При поддержке танков противник ожесточенной контратакой пытается отбросить немецкие войска назад. Специально для этой цели подготовленные танки были хорошо замаскированы в лесах или в особых подземных ангарах, откуда они неожиданно появляются в виде подвижных дотов, делают несколько выстрелов и исчезают вновь. Всюду, где появляются советские танки, они уничтожаются в ожесточенных схватках один на один немецкими танками или солдатами СС. Своими новыми ракетными установками, которые одним залпом рассеивают на небольшом пространстве 16 снарядов, большевики пытались запугать наступающих. Но им это не удается. Тучи самолетов, спешно переброшенные с других участков, на бреющем полете бомбят и расстреливают перекрестки дорог и деревни. Но даже красные звезды на небе не в силах отвратить судьбу. Самолеты 8-го авиационного корпуса поддерживают наземные немецкие войска. Разгораются ожесточенные воздушные бои, и наши штурмовики платят за каждую сброшенную бомбу в десятикратном размере»{201}.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.